

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 4(49)
 2020
 XXI
 ВЕК

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Голоса молодых
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Портрет современника
- Образование через искусство

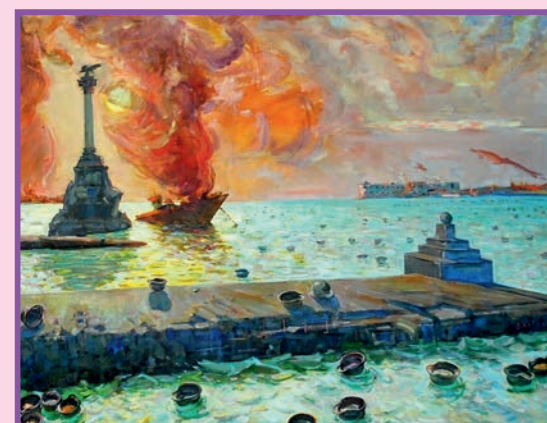
Журнал приглашает
 к сотрудничеству организации
 и всех заинтересованных лиц

ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК 4 2020

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 4(49)
 2020

XXI
 ВЕК

- Пьеса «Дядя Ваня»
- Память
- Хочу жить
- Поиск любви
- Фейерверк
- Севастополь в декабре
- Здесь и сейчас, и до, и после
- Содружество душ
- Человек со звезды
- Первый на Алтае
 в Союзе художников СССР
- Американская литература
 конца 19 начала 20 века

*«Иногда старые стихи
 обретают пугающе-новое звучание
 в новой реальности»
 Бах Ахмедов*

ISBN 978-5-6045884-1-3

9 785604 588413

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

СПб: Негосударственное учреждение культуры «Серебряный век», 2021

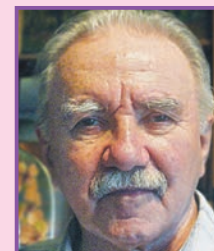
ISBN 978-5-6045884-1-3

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Журнал «Писатель. XXI век», 2020

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

Подписано в печать 21.01.21. Формат 70х100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз. Заказ №

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

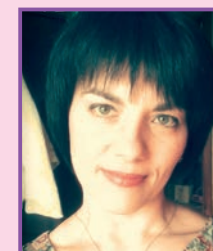
Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонов

В. А. Орлов

Ева Талая

Эдуард Дэлж

М. Л. Дьяконова

И. И. Уральская-Димитренко

Ида Замирская

Н. В. Беланова

Ольга Павлова

Андрей-Viktoria-Андреев

Александр Железов

Лидия Жидко

Дмитрий Копьёв

Бах Ахмедов

Макс Либерт

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. Пьеса «Дядя Ваня» и её постановка в Художественном театре (1899).... 2

МАЛАЯ ПРОЗА

Валерий Орлов. Память 10

Макс Либерт. Хочу жить..... 17

Поиск любви 22

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

Эдуард Дэлуж, Андрей-Viktoria-Андреев, Бах Ахмедов, Лидия Жидко, Нина Беланова, Ирина Уральская-Димитренко, Ева Талая,..... 30

ПЕРЕВОДЫ

Ида Замирская. Современная американская новелла 53

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Дмитрий Копьёв. Фейерверк (проза)..... 56

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

Александр Железов. Севастополь в декабре 64

ПРОЗА XXI ВЕК

Мария Дьяконова. Здесь и сейчас, и до, и после. 77

Ева Талая. Содружество душ 118

Ольга Кравцова. Человек со звезды 130

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Ольга Павлова. Первый на Алтае в Союзе художников СССР..... 154

Валерий Орлов. Американская литература конца 19-го — начала 20-го века 159

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ПЬЕСА «ДЯДЯ ВАНЯ» И ЕЁ ПОСТАНОВКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ (1899)

В 1899 году в Художественном театре была впервые поставлена пьеса «Дядя Ваня». Написанная в конце 1896 года, она была опубликована в 1897 году в сборнике «Пьесы». Это произведение стало результатом существенной переделки чеховской комедии «Леший» (1890). Хотя ранняя пьеса отличалась громоздкостью, длиннотами, сценическими эффектами, критик А. И. Урусов считал её важной вехой в творчестве Чехова, видя в ней новаторские черты и приёмы. Но сам Чехов не был удовлетворён пьесой, где все сложные драматические узлы быстро распутывались и финал выглядел натянутым и неудачным. Произведение казалось многим повестью, но не комедией. Писатель возненавидел эту пьесу и старался её забыть.

Приступив к переделке «Лешего», Чехов «сгущает», «концентрирует» жизненный материал и уменьшает число действующих лиц с одиннадцати до восьми. Хрущов превращается в Астрова, а на первый план выдвигается «дядя Ваня», полностью растерявший свои иллюзии Войницкий. Если в «Лешем» действие перемещалось весьма прихотливо (сад в имении Желтухина, столовая и гостиная в доме Серебрякова, лес и дом при мельнице), то в «Дяде Ване» всё действие происходит

в усадьбе Серебрякова [1]. В «Дяде Ване» между вторым и третьим действием происходит значительный промежуток времени, а последний акт происходит в тот же день. Таким образом, пьеса довольно чётко делится на две части, по два акта, сближенных между собою по времени действия. Вместо самоубийства (в «Лешем») в «Дяде Ване» Войницкий стреляет в Серебрякова. Автор устранил многие театральные эффекты (бегство из дома Елены Андреевны), из списка персонажей исключены Юленька и Орловские. Чехов вложил в новую пьесу свои раздумья, относящиеся к 90-м годам.

В новой пьесе отразились некоторые жизненные реалии: некоторые известные автору обстоятельства семьи Сувориных; в Серебрякове запечатлелись черты народника и учёного педанта С. Южакова; в Соне нашли воплощение особенности Марьи Павловны Чеховой.

Выдвижение на первый план Войницкого определило название пьесы: оно отсылает к Иванову, герою прежней чеховской пьесы, носившему самую распространенную фамилию — ныне герой наделяется самым типичным русским именем. Слово «дядя» указывает на родственные связи героя с Соней, центральной героиней нового

произведения. В образе Астрова отражена деятельность серпуховского врача П. И. Куркина и частично самого Чехова, делавшего срочные выезды и операции во время эпидемии холеры. Вафля (Телегин) связан со своим прототипом — А. И. Иваненко, подолгу жившем у Чехова (отсюда — мотив «приживалы»). Эта прототипичность и обилие мелиховских реалий дополнительно говорят о реалистичности и конкретной убедительности чеховской пьесы.

Хотя заглавной фигурой «Дяди Вани» стал Войницкий, отодвинувший Астрова на второй план, но эти герои по-своему оказываются дублёрами, двумя разными воплощениями одной человеческой сути — трагической нереализованности своих жизненных планов и возможностей [2].

Темой пьесы становится жизнь «маленьких людей» с их страданиями в дворянском гнезде средне-русской полосы, их каждодневный самоотверженный труд во имя чужого благополучия. В течение 25 лет дядя Ваня и его племянница Соня неустанно работают, не покладая рук, чтобы создать материальный достаток профессору Серебрякову, отцу Сони, которого длительное время считали большим учёным, чтобы ликвидировать его долги и привести расстроенное имение в порядок. Эти интеллигентные люди мечтают вырваться из провинциальной глуши и топкого, засасывающего их болота. Но их усилия оказываются тщетными, а мечты — неосуществленными. Войницкого угнетает мысль о загубленной жизни, но осуждает он не только профессора, но и самого себя: «Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился,

ничего не делаю и только ворочу, как старый осёл», говорит он, выражая острое недовольство своей жизнью. Неестественность сложившегося хода жизни, ходячая мораль общества, считающего долг, долготерпение и жертвенность высокими ценностями людей, рождают гнев и бунт дяди Вани. Он протестует против сложившихся норм жизни, как заметил В. Я. Лакшин, его безответное увлечение Еленой Андреевной — тоже вызов этим нормам [3]. Дядя Ваня под старость убеждается в бессмысленности всей прожитой жизни, его глаза открылись на ужасную правду: он и его племянница служили фальшивому кумиру. Он был светлой личностью, от которой никому не было светло. Это относится и к его идолу, самому Войницкому, который погубил в себе и нового Шопенгауэра, и нового Достоевского. Это тягостное прозрение героя. Его погубила не индивидуальная личность, а тупая обывательская действительность, но дядя Ваня склонен связывать свою катастрофу с Серебряковым. И в ответ на предложение профессора продать имение, Войницкий «взрывается» и обвиняет бездарного и капризного профессора в том, что он погубил его жизнь.

Конфликт, медленно зревший в подводном течении первых двух актов, приводит Войницкого к открытому протесту. Правда, гнев героя выливается в неожиданной форме и протекает по ложному руслу, заканчиваясь выстрелом в Серебрякова.

Соня, племянница дяди Вани, тоже постигает драму своей жизни, иллюзию, которой она жила, но это открытие приходит к ней с таким

опозданием, что исправить что-либо уже невозможно. Она понимает, что имеет право на внимание, на любовь (хотя она не красива), на счастье, и есть человек, в которого она давно влюблена, которого она боготворит. Это Астров, посещающий её имение. Но счастье ее не осуществимо, ибо любовь оказывается безответной. И мотив несуществлённости счастья, неустроенности жизни начинает звучать необычайно выразительно и сильно. К тому же её драма осложнена присутствием соперницы, которой достается и ответное внимание, и восхищение, и любовь. Единственная отрада, выпадающая на долю Сони, это убеждение в необходимости верить и терпеть. Финальная сцена, где Соня и дядя Ваня снова садятся за счёты и продолжают трудиться, обогащена знаменитым лирическим монологом героини, исполненным музыки и светлой грусти. Соня верит, что вместе с дядей увидит небо в алмазах и что все их страдания потонут в святом милосердии.

Астров — чудесный персонаж пьесы, которому Чехов отдал своё вдохновение. Правда Астрова называют чудачком, Елена Андреевна осуждает его пристрастие к вину, цинизм, проявление пошлости. Но это одарёнейший человек, ценящий красоту жизни, влюблённый в богатства родной земли, умножающий её богатство и красоту, выращивая леса. Это чудесный доктор, лечащий людей и испытывающий ответственность за своё дело. Это яркий романтик, мечтающий о прекрасной жизни на планете, ненавидящий уездную обывательщину. Неслучайно именно он говорит о гармонии прекрасного в человеке.

Столь же неслучайно, что и Соня, и Елена Андреевна любят его изяществом, его энтузиазмом, отзывчивостью и красотой. Его реплика об Африке — одно из выражений его устремления к иной жизни. Леонард Полякевич справедливо называет Астрова «самым привлекательным из всех чеховских врачей-идеалистов» [4], а доктора — участники Пироговского съезда, посмотрев чеховскую пьесу, отождествили себя с доктором Астровым, восприняв его как положительного персонажа, и послали Чехову по этому поводу поздравительную телеграмму [5].

Елена Андреевна — сложный неоднозначный образ в пьесе. Это очень несчастный человек, совершивший в молодости ошибку и принявший ничтожество за крупного и значительного человека. Это замужество за Серебрякова, который был намного старше её, погубило её молодость. Положение сделало её праздною. Но эта женщина наделена не только чарующей красотой, но и умом, и трезвым пониманием никчемности мужа и жалкости сонных физиономий окружающих ее людей. Она мечтает стать вольной птицей, чтобы покинуть лживых и пошлых людей, тем самым сблизаясь с образами женщин-птиц в русской литературе. В своем супружестве она отличается верностью и чувством долга, хотя испытывает мучения от капризов и тирании больного мужа. Наделенная редкой красотой, она увлекает и дядю Ваню, и Астрова, и корить ее за этот природный дар не следует.

Серебряков изображен в пьесе как воплощение бездарности, самодовольства и эгоизма. Войницкий

дает ему совершенно справедливую оценку: «Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре <...> двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какое сомнение! Какие претензии!». При этом Серебряков бездушен, капризен, черств, избалован вниманием женщин. По его словам, Астров — «юродивый», Марья Васильевна — «старая идиотка». Горький очень точно назвал Серебрякова «идолом», которому оказались принесенными в жертву Соня и дядя Ваня. Добавим от себя — и Елена Андреевна.

В пьесе с большой убедительностью показана неустроенность окружающей людей жизни, нищенской и бесцветной. Все герои этого произведения несчастны, если не считать бездарного Серебрякова и Марьи Васильевны, этой барыни, поклоняющейся псевдоученому родственнику. Все персонажи пьесы мечтают о красоте и благополучии, но с горечью осознают, что обнадёживающий огонек на их трудном пути им не светит.

Особой темой этой драмы стала тема красоты. Ей поклоняется Астров, носителем её является Елена Андреевна. Но её красота не приносит счастья ни ей самой, ни другим людям. И её обаяние, и благородство других людей, и красота земли гибнут, о чем горестно скорбят Астров, и дядя Ваня. Гибнущая красота становится лейтмотивом пьесы, определяя внутреннее жанровое определение, вынесенное в подзаголовок пьесы: «Сцены из деревенской жизни». Поскольку по убеждению автора, «вся драма человека внутри, а не во внешних про-

явлениях» [6], Чехов отказался от внешней занимательности.

В языке пьесы преобладают те слова, в которых косвенно выражается внутренний мир людей. Так, Соня вырывает слова о розах из общего контекста и, превращая их в звучащую музыку, погружается в размышления о любви. Она говорит об одном, а думает о другом. Астров произносит реплику о жаре в Африке, состоящую из слов случайных и как будто не имеющих отношения к ситуации. Но ими он выражает целый комплекс различных чувств, живущих в его душе. Елена Андреевна говорит о перспективе брака Сони, а «затаенные мысли» ее содержат в это время совсем другое переживание собственного увлечения Астровым. Этот скрытый смысл слов, просвечивающий в устно выраженных «не тех словах», — подводное течение пьесы Чехова, означающие погруженность героев драмы в главные проблемы их жизни при «говорении» о вещах незначительных, самых обыденных. Так, Телегин говорит о лапше, а думает о словах лавочника, назвавшего его приживалом.

Большое значение в новой чеховской пьесе приобретают словесные повторы, благодаря которым настойчиво проводится та или иная идея, мысль или мотив. Иногда это дословное повторение лексических средств, в других случаях используются синонимы и иное фразовое окружение. Таков повтор мысли Войницкого о его обманутости или вариация мотива возраста к старому образу жизни в IV акте [7].

Существенную роль в «Дяде Ване» приобретают, в частности, костюмные детали, например, при характеристике Войницкого,

у которого под пиджаком был шелковый галстук, что свидетельствует о культурности дяди Вани. Об этом интересно рассказал К.С. Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве».

Среди отзывов о «Дяде Ване» заслуживает внимания отклик Льва Толстого, который не принял этой пьесы и записал в своем дневнике, что ездил смотреть пьесу Чехова в театре и «возмутился». Захотел написать драму «Живой труп». Толстой увидел в Астрове и Войницком «бездельников», осуждал доктора за его приставания к замужней профессорше и не нашел в пьесе «трагизма положений», драматического существования чеховских интеллигентов. По-другому подошел к пьесе М. Горький. По его словам, «Дядя Ваня» — это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым вы бьете по пустым башкам публики» [8].

Такая пьеса заставляла театры решительно перестроить режиссуру, мезансценирование, оформление сцены, встраивание действия (в чеховской драме не было привычного деления на «явления») и ввести совершенно новую игру актеров. Тогдашний Малый театр отказался от постановки «Дяди Вани», найдя в пьесе «длинноты», отсутствие развязки, новую форму построения произведения и его действия. И Чехов передал свою драму Художественному театру, на сцене которого премьера состоялась 26 октября 1899 года.

Режиссерами спектакля выступили К.С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко, а художником — В.А. Симов. Роли распределены следующим образом:

Астров — К.С. Станиславский, Войницкий — А.Л. Вишневский, Соня — М.П. Лилина, Серебряков — В.В. Лужский, Елена Андреевна — О.А. Книппер, Войницкая — Е.М. Раевская, Телегин — А.Р. Артем, Марина — М.А. Самарова.

Художественный театр не сразу овладел пьесой. К тому же, вопреки ожиданиям, Чехов почти не высказал своих мыслей о пьесе в целом и об отдельных ее ролях, ибо хотел, чтобы актеры чувствовали себя свободными художниками, и ограничивался ли односложными замечаниями. После премьеры участники спектакля были охвачены некоторым унынием. Выявилось несколько одностороннее понимание образа Войницкого, который не совсем был ясен режиссуре спектакля, в частности, мотивы его «бунта» против Серебрякова, и Немирович-Данченко специально обращался к Чехову за разъяснениями по этому поводу. Сказывались любовь Станиславского к подчеркиваниям крикливости, внешним эффектам. И Немирович-Данченко умело корректировал режиссерский план Станиславского.

Тем не менее спектакль вызывал все возрастающий интерес публики, и М.П. Чехова свидетельствовала, что пьеса шла «все лучше и лучше».

Исследователи сценической истории «Дяди Вани» называют его самым репертуарным спектаклем Художественного театра: он прошел 320 раз.

В.С. Мейерхольд считал, что в этом спектакле МХТ два режиссера слились вполне: один, наделенный большой фантазией, хотя и склонный к некоторым резкостям в постановке; другой — стоящий на страже интересов

автора. Их спектакль закрепил открытия, совершенные в «Чайке». Близость к Чехову, общение и переписка с ним во время репетиций помогла Станиславскому и Немировичу-Данченко глубоко проникнуть в драму современной русской интеллигенции.

Некоторые разногласия возникли по поводу сцены Астрова с Еленой в четвертом действии, где Станиславский представал как самый горячий влюбленный. Чехов заметил в письме: если Астров поведёт эту сцену буйно, то пропадет все настроение четвертого акта — тихого и вялого. И в ответ на это предупреждение Немирович-Данченко сообщал автору, что уже «никакого пафоса Алексеев (т. е. Станиславский. — Е. Р.) в сценах с нею не дает. Рисуем Астрова материалистом в хорошем смысле слова, неспособным любить, относящимся к женщинам с элегантною циничностью, едва уловимой циничностью. Чувственность есть, но страсти настоящей нет. Все это под такой полушутливой формой, которая так нравится женщинам» [9].

Вчитываясь в пьесу, работая над режиссерским экземпляром и над своей ролью Астрова, Станиславский сумел вскрыть напряженный внутренний драматизм чеховских героев, всколыхнул их эмоциональный мир. А Немирович-Данченко не давал им перелиться через край, глушил и сковывал, что соответствовало правде жизни, помог актерам ощутить специфически чеховскую форму «скрытого» драматизма. В раскрытии этого противоречия была сила нового спектакля, созданного содружеством двух великих режиссеров [10].

Спектакль не вызывал в начале того шумного признания, каким было ознаменовано первое представление «Чайки». Но успех был несомненным, особенно после второго представления.

В центре спектакля возвышался романтический образ доктора Астрова-Станиславского, человека властной, покоряющей силы, хотя силы трагически скованной. Рядом с ним стоял образ терпеливой, кроткой Сони — М. Лилиной, несущей свой крест с удивительным человеческим достоинством. В великолепном актерском ансамбле даже самые крохотные роли были сыграны с большим мастерством и проникновением в текст.

Только один образ Войницкого не получил тогда полного раскрытия. В исполнении А. Вишневого большая общественная драма дяди Вани оказалась измельченной, перед зрителем появился лишь «запылившийся в будничных заботах и досадах брюзга» (Н. Эфрос). Быть может, поэтому «Дядя Ваня» не имел на премьере такого шумного успеха как «Чайка». Но постепенно спектакль выравнился, прочно вошел в репертуар театра и стал одним из самых близких широким кругам русской демократической интеллигенции» [11].

Критика по-разному оценивала спектакль. Реакционная часть рецензентов, враждебно настроенных по отношению к молодому новаторскому театру, осмеивала и пьесу, и декорации, и актерскую игру за «натурализм» и «мейнинггенство». Но критики иной ориентации высоко ставили спектакль и его очевидную новизну. Так, И. Н. Игнатов из «Русских ведомостей» отмечал,

что из театральных новинок сезона «возбуждает наибольший интерес и имеет очень большой успех пьеса г. Чехова «Дядя Ваня». На сцене господствует тяжелое подавленное настроение. У персонажей отсутствует воля и цель жизни. Эти лица сохраняют черты Обломова: они присутствуют в Астрове, несчастном дяде Ване, наделенном душой, никому не сделавшей зла. «Причину происхождения современных Обломовых мы должны искать в условиях той жизни, которая их окружает» [12].

По мнению А. Богдановича из журнала «Мир Божий», Астров в пьесе — единственное лицо, оживляющее зрителя надеждой, что, пока есть такие, не все потеряно. Слишком в нем много желания жить во что бы то ни стало, и когда за сценой раздался звон колокольчика тройки, уносящей Астрова, кажется, будто все умерло, и мы присутствуем при погребении живых людей, для которых исчез последний связующий их жизнью луч света» [13]. Очень высоко в критике оценивалась игра М. П. Лилиной в образе Сони. Она, — замечал рецензент из «Санкт-Петербургских ведомостей», создает в этом спектакле «живой образ чисто русской идеальной девушки» [14]. А. Н. Эфрос добавлял: «Гений доброго сердца и застенчивой девичьей любви — такова эта Соня. И в то же время такая деловитая, такая умница, не отрывающаяся для мечты и тоски по ее несбыточности от жизни, вся — «бытовая». Такою входит в пьесу, такую проходит через нее» [15].

К. С. Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве» будет вспоминать об истории пьесы:

«Трудно теперь поверить, что после премьеры «Дяди Вани» мы собрались тесной компанией в ресторане и лили там слезы, так как спектакль, по мнению всех, провалился». Однако, время сделало свое дело: спектакль был признан, продержался более двадцати лет в репертуаре и стал известен в России, в Европе и Америке» [16].

Один из первых зрителей спектакля «Дядя Ваня», врач и давний друг Чехова П. И. Куркин писал Чехову на другой день после московской премьеры: «...Мы были свидетелями...триумфа Вашего и артистов Художественного театра... Мне кажется, что я был где-то в далеком живом мире. Отзвуки этого мира еще громко звучат в душе и мешают отдаться будничной работе... Последняя сцена... В чем именно секрет этого очарования последней сцены, после которой хочется плакать... Дело, мне кажется, в трагизме этих людей, в трагизме этих будней, который возвращается теперь на свое место, возвращается навсегда и навсегда сковывает этих людей. И дело еще в том, что огнем таланта здесь освещена жизнь и душа самых простых, самых обыкновенных людей. Все улицы переполнены этими простыми людьми и частицу такого существования носит в себе каждый. Поэтому при виде этой последней сцены, когда все уехали, когда наступают опять бесконечные будни со сверчками, со счетами и т. д., я чувствовал почти физическую боль — и казалось лично за себя. Кажется, от меня все уехали, я сижу и щелкаю счетами» [17]. В этом письме Чехову Куркин очень своеобразно охарактеризовал настроение последней чеховской пьесы.

Пройдет 48 лет, и тот же театр, называющийся теперь МХАТ-ом, вновь поставит — в 1947 году — «Дядю Ваню», но уже по-новому прочитает эту пьесу усилиями постановщика М.И. Кедрова, режиссера М.И. Литовцевой и И.Я. Судакова, художника В.В. Дмитриева и артистов Б.Н. Ливанова (Астров), Б.Г. Добронравова (Войницкий), Е.Д. Хромовой (Соня), А.П. Кторовы (Серебряков), А.К. Тарасовой (Елена Андреевна), М.М. Яншина (Телегин) и других. Театр воспримет концепцию Немировича-Данченко 1940 года, но по-своему модернизирует чеховскую пьесу и ее героев.

Открытием станет исполнение роли Войницкого выдающимся актером Б. Добронравовым.

Талантливое решение спектакля тогда же предложит А.С. Вивьен и артисты Александринского театра в Ленинграде Ю. Толубеев в роли Войницкого и Н. Симонов в роли Астрова. Интересную интерпретацию пьесы предложит и английский театр «Олд Вик», с Лоуренсом Оливье в роли Астрова. Но все это будет много позже постановки Художественного театра 1899 года и потому выходит за рамки нашего изложения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Турков Андрей. От «Лешего» к «Дяде Ване» // «Литературная учеба» 1980, №1. — С. 185-188.
2. Одесская М.Н. От «Лешего» к «Дяде Ване»: поиск идентичности героя // Чеховиана. Чехов: Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2011. С. 182.
3. Лякишин В. Толстой и Чехов. М.: Сов. Писатель, 1963. — С. 212.
4. Полякевич Леонард. Чеховский идеалист доктор Астров // Чеховиана. Чехов: Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2011. — С. 185.
5. Там же. — С. 194.
6. Львов-Рогачевский В. А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах. М., 1923. — С. 66.
7. См.: Рыньков Л.Н. О языке и стиле пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» // Ученые записки Кустанайского Педагогического института, 1958, №2. — С. 64-65.
8. М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания. Указ. соч. — С. 25.
9. Немирович-Данченко Вл. И. Театральное наследие. М., 1954. Т. 2. — С. 180.
10. См.: Строева М. Чехов и Художественный театр. М.: Искусство, 1955. — С. 83.
11. Строева М. Чехов и другие. М.: Прогресс — Традиция, 2009. — С. 107.
12. Игнатов И.М. Семья Обломовых. По поводу «Дяди Вани» А.П. Чехова // «Русские ведомости», 1899, 24 ноября, №325. — С. 266-267.
13. Богданович А. «Дядя Ваня» и «Три сестры» на сцене Художественного театра // «Мир Божий», 1901, апрель.
14. Ф. Л. «Дядя Ваня» // «С.-Петербургские ведомости», 1901, 21 февраля, №50.
15. Эфрос Н.Е. Московский Художественный театр (1898-1923). М.; П., 1924. — С. 233.
16. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1948. — С. 300-310.
17. Записки отдела рукописей ГБЛ, Вып. 8. — С. 40.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ПАМЯТЬ

В 1991 году около Академии художеств, недалеко от Сфинксов, я был свидетелем трагической картины. Молодой сержант-милиционер испуганно жался к гранитной стене набережной, недалеко от него лежало тело утопленницы — женщины моложавой, стройной, но в возрасте где-то около семи-десяти лет. Поразительно было, что она оказалась одетой по моде тридцатых годов. Все было чистое и опрятное: на голове красный платочек, светлое платье, белые носки и парусиновые тапочки. Ее одежда была как бы взята из музеев сталинского времени. Прическа тоже соответствовала той эпохе — короткая стрижка. Еще любопытней было лицо — простое, рабочее, какие часто изображали художники на плакатах рядом со скуластым молотобойцем. Любопытство взяло вверх над неприятным страхом видеть мертвое тело, я подошел ближе... и сразу узнал утопленницу.

Память — страшная штука, она всегда нас возвращает к тем событиям, которые потрясли своей неординарностью. В восьмидесятых годах я жил недалеко от Академии художеств. Во дворе нашего дома часто встречал эту женщину. Ее худощавое, подвижное тело и красное пятно в одежде запомнились бы любому, кто хотя бы раз с ней встретился. Красный цвет она очень любила; бант, кофточка или платок всегда имели этот оттенок.

В подъезде дома, где была наша квартира, проживала ее подруга, пожилая женщина, довольно говорливая и любопытная во всех отношениях. Всех жителей она знала в лицо и часто, остановив очередную жертву, мучила ее своими расспросами-допросами. Иногда я видел подруг вместе, мирно беседующими.

Как-то раз, эта пожилая женщина остановила меня с женой во дворе и очень долго рассказывала о себе, о доме и наших соседях. Так, между прочим, она упомянула о своем дворянском происхождении и, что ее отец занимал какой-то важный пост в министерстве до революции «семнадцатого года», что им принадлежала вся большая квартира, где она сейчас занимает всего одну небольшую комнату. Моя жена рассказала ей о моей дворянской фамилии; та была поражена, что встретила человека с такой родословной, и при последующих встречах выказывала знаки уважения, а проще — не давала спокойно пройти, надоедая пустой болтовней. Я внимательно ее слушал, если было свободное время. Однажды спросил о женщине в красном платке. Она удивленно на меня посмотрела и спросила: «Разве вы еще ее не знаете!? Она наша дворовая знаменитость!» Дальше пошел ее долгий рассказ; мне торопиться было некуда, и я приготовился слушать.

Мария Ивановна, так звали интересующую меня женщину, раньше была близкой подругой моей соседки, но лет пять назад они поссорились из-за пустячного дела: в конце апреля устраивали субботник по очистке дворовой

территории, на который моя рассказчица не смогла прийти из-за простуды. Зачинщицей этого важного дворового события была Мария Ивановна — она писала лозунги, объявления, приглашала всех жильцов на это мероприятие. Забежав к своей подруге, увидела ту с платком на шее, не поверив ее болезни, и, обидевшись за отказ идти на работу, она бросила той несколько обидных слов. Так они и поссорились, правда, всегда прохладно здороваются, и иногда перебрасываются незначительными фразами, но теплых отношений, как раньше, у них больше нет.

Соседка охотно рассказала о большой, трудной жизни Марии Ивановны; та родилась где-то в двадцатых годах, в рабоче-крестьянской семье. Отец ее работал мастером на заводе, а мать — то ли швеей, а может ткачихой на фабрике рядом. С детства Мария была очень активным ребенком, во всех начинаниях пионерии и комсомола ее видели в первых рядах. Активность девушки отмечалась грамотами, благодарностями и продовольственными пайками; часто она сидела в президиумах и горячо выступала с трибуны. Особенно ей удавалась художественная агитация: выпускала злободневные стенные газеты, писала яркие плакаты, призывала всех в «счастливое» будущее. Отец часто посмеивался над ее несбыточными мечтами и между ними происходили нешуточные ссоры. Одно время Мария жила в общежитии из-за конфликтов с родителями, но вскоре вернулась. Неустроенная, голодная жизнь ее не устраивала. В 1937 году на предприятии, где работал ее отец, произошла крупная авария; стали искать виновных и быстро нашли, в их числе был и отец. Всех их арестовали, судили, приговорили к «расстрелу», как саботажников и вредителей. Мария, конечно, могла помочь отцу (у нее были большие связи среди начальства), но глупая обида на насмешки отца, заставила ее промолчать. Она отца не жалела и часто говорила матери: «Так ему и надо! Не будет нам мешать жить!»

К 1941 году она окончила медицинское училище, но по специальности не работала, так как всегда была на агитационной передовой. Своей семьи у нее никогда не было — не хватало свободного времени, всю себя отдавала работе. Правда, был небольшой роман с одним вышестоящим политработником. Тот был женат, и встречи происходили у нее дома. Соседи «шушукались» за ее спиной, но открыто высказывать недовольствие просто боялись.

В начале войны она была направлена на фронт медицинской сестрой, но ее знакомый помог устроиться в госпитале, где она и проработала семь лет. Там тоже занималась агитационной работой, призывая сотрудников приближать коммунистическое будущее своим посильным трудом. Ее мать умерла от голода зимой сорок первого, хотя она и постаралась устроить ту в госпиталь, но ничего не помогло. Об этом страшном времени Мария Ивановна не любила говорить; правда, часто вспоминала один счастливый случай, который с ней произошел на Невском проспекте. Рано утром шла с группой девчат на работу, вдруг раздался свист снаряда, все побежали через дорогу в укрытие, одна она быстро спряталась за колонной. Снаряд угодил в центр бегущей группы — все ее подруги погибли, она отделалась испугом и легкой контузией. С этого момента она еще больше утвердилась в правильности принимаемых решений: все, что делает, приносит пользу ей и государству.

Из рассказа моей соседки я узнал о всей жизни Марии Ивановны во время войны. Приятных воспоминаний было мало, но отдельные моменты вспоминались с улыбкой. Однажды ее по разнарядке из госпиталя отправили работать на линию фронта. Обязанности были простые: собирать команды из раненых, оформлять документы и отправлять их в тыловой госпиталь. Там она познакомилась с одним капитаном, его тяжело ранило в плечо. Он себя чувствовал довольно сносно, всегда веселил всех анекдотами и веселыми рассказами. Медсестра ему приглянулась: высокая, стройная с симпатичным личиком. На фронте все женщины красивые! Капитан был невысокого роста, коренастый, и далеко не красавец: лицо с маленькими глазками, нос картошкой, кожа вся в оспинах. Единственным его украшением были красивые, белые зубы, которые он всегда демонстрировал в широчайшей улыбке. Как они сошлись, она плохо помнит, да, и капитана вскоре забыла, но подарок от него запомнила на всю жизнь. Тот был разведчиком и часто ходил за линию фронта. Однажды, попав в немецкий блиндаж, наткнулся на большой металлический ящик. Выбросив все содержимое на землю, разведчик стал изучать документы, рассматривать фотографии, вскрывать толстые пакеты. В одном из них он обнаружил женские шелковые, ажурные чулки, на которые не обратил внимания, но потом, вспомнив о столовских девчатах, решил их порадовать подарком. «Ноша не велика. Может, и пригодятся!» — подумал он. И онигодились, и даже очень! При возвращении, неказистый капитан стал первым любимцем у женщин; они быстро узнали о его богатстве, и... довольно часто стали посещать его блиндаж. Мария Ивановна тоже была в их числе. С каким удовольствием она рассказывала подругам об этих чудо-чулках, которые часто видела на героинях американских фильмов. Теперь каждый вечер она могла наслаждаться их красотой, видя на своих стройных ножках. Приятные воспоминания!

После войны госпиталь расформировали, она работала на почте, позже на заводе. Работа была нудная, тяжелая: стояла на конвейере по восемь часов, дневные и ночные смены. День и ночь слились в одну непроглядную серую массу, из которой не найти выхода; страшная усталость преследовала ее, забиться во сне, немного отвлечься от земной суеты, уйти в тот мирный сон, который был у нее в детстве. Снова помог партийный любовник — устроил домоуправом. Работу там, она считала «счастьем, подаренным сверху». Главное — она начальник! Имела отдельный кабинет, своего заместителя-бухгалтера, рабочих (водопроводчика, электрика, сварщика и несколько дворников). Каждое утро устраивала маленькие «планерки», где давала каждому подчиненному особое задание на день. Марию Ивановну все знали, как требовательного, грамотного руководителя, подчиненные ее боялись, а некоторые дворники, обидевшись на ее частые придирки, уходили сами. Недостающую рабочую силу заменяла своим трудом: чистила дворы, сбивала сосульки, мыла подъезды, никогда не унывала — главное, ее предприятие всегда впереди! Переходящее красно-малиновое знамя было украшением ее кабинета, а о грамотах и прочих наградах и говорить не приходится — они занимали две свободные стены. Так ее ценило начальство! Получала денежные премии и путевки в санатории.

Однажды, в райкоме партии, а она была партийным человеком с большим стажем, ей преподнесли особенный подарок — путевку в Сочи. Об этом отдыхе Мария Петровна помнила всегда: первый раз отдыхать на Черном море, купаться в соленой воде, быть окруженной массой поклонников, проводить дни и ночи в «невинных» развлечениях... Разве такое забудешь!

В Сочи с ней случились и маленькие неприятности. Как-то раз, утром плавала недалеко от берега и увидела перед собой красивый венок из живых цветов. Она вынесла это «чудо» на берег; один из местных жителей подошел и объяснил, что венок — это память о погибшем человеке. Дня два она не могла успокоиться, все казалось, что оскорбила чью-то усопшую душу.

Другой раз, неприятность получила из-за своей доверчивости. Южный климат расслабил ее натуру северянки, все знакомые казались ей близкими и добрыми людьми. С ней познакомился красивый, молодой мужчина, который представился «шахтером на отдыхе»; целый день они были вместе, а вечером он пригласил ее в дорогой ресторан. Было много цветов, музыки, вина, разных необычных кушаний. Весь вечер, до закрытия, казался ей сказочной «Шехерезадой». Правда, за столом она, смеясь, заметила своему партнеру, что его пальцы длинные, красивые, ухоженные... далеко не шахтерские. На что он, не смутившись, ответил, что привык следить за собой. Перед самым закрытием, он ушел в туалет и... не вернулся. Ей долго пришлось объясняться в дирекции ресторана о происшедшем, на нее составили милицкий документ, как на мелкого воришку. Вернувшись домой, она два месяца высылала деньги за проведенные несколько часов в ресторане, и если бы ни эти мелкие недоразумения, она могла бы смело сказать: «Отдых в Сочи прошел великолепно!»

Это все было в прошлом, и хорошее, и плохое! В восьмидесятые годы в государстве стало что-то ломаться, мощные стены социализма давали трещины, осыпались и разрушались. Домоуправления заменили жилищными конторами, где ей не нашлось места. Марию Ивановну отправили на заслуженный отдых, а у нее было еще столько энергии, силы, желания работать. Этот страшный удар перепутал все ее планы, исчезла цель в жизни; дни стали скучными и однообразными. Некуда было спешить, не кем было руководить! Ее друзья посоветовали ей проводить беседы в школах и клубах, рассказывать о своем прошлом; школьники с интересом слушали о жизни их сверстников тридцатых-сороковых годов; взрослые интересовались войной и первыми послевоенными годами. Если ей не хватало воспоминаний и знаний, она, изучив литературу про то время, смело рассказывала о великом прошлом страны. Память у нее была хорошая, рассказчиком она стала великолепным; Мария Ивановна могла часами держать публику в напряжении, аудитория долго не отпускала со сцены заслуженного человека. Во время выступлений, зритель видел ее всегда в одежде тридцатых годов: светлое платье на голове красная косынка, белые парусиновые тапочки украшали ее стройные ноги. Две начищенные медали и букет алых гвоздик тоже всегда присутствовали при ее выступлениях. Перед аудиторией в такой одежде, она смотрелась девушкой, сошедшей с картин советских художников довоенного времени.

В школах и клубах она вела кружки изобразительного искусства, учила писать лозунги, плакаты, оформлять стенные газеты. У нее появилось любимое дело — работа с общественностью. Дома на ее столе главное место занимала пухлая, истертая бухгалтерская книга, где была написана вся почасовая работа Марии Ивановны. В воскресные дни отдыха тоже не было — посещение музеев, выставок, поездки за город. Она была членом группы «Выходного дня» и совершала загородные путешествия с такими же одинокими и скукающими пенсионерами. В общем, жила «относительно счастливой жизнью», как она любила говорить знакомым.

В середине восьмидесятых годов, ее друг партийный работник оказался в больнице; у него был инсульт с частичной потерей памяти. Несколько раз она его посещала, но он ее не узнавал и все называл именем жены. Ей было обидно, но она понимала его положение. Однажды, когда Мария Ивановна сидела у постели больного, держала его за руку, дверь палаты резко открыли... вошла крупная, полная женщина. Она колючим взглядом оценила обстановку, вплотную подошла к оторопевшей любовнице, схватила цепкими пальцами ее за плечо и просто выкинула из палаты, прошипев у двери: «Убирайся вон, сучка!». После такой встречи с женой любимого человека, Мария Ивановна боялась ходить в больницу, и только в разговорах по телефону с врачами, узнавала о здоровье своего больного. Улучшения не было. Через пару недель после столкновения в больнице, она услышала скорбный голос по телефону: «...ночью умер!». Где он похоронен — она так и не узнала! В домашнем альбоме остались две старые фотографии: одна — молодой, загорелый, представительный мужчина с веселым лицом, другая — послевоенная, строгий портрет начальника.

Конечно, у нее в жизни были мужчины, но они как-то внезапно появлялись и исчезали, не оставляя никакой памяти о себе. Эти встречи случались в основном в Домах отдыха и быстро ею забывались. Так приедет из какого-нибудь отпуска или путешествия, день-два живет воспоминаниями нового романа, а потом все тает, как в тумане; через неделю, не помнит ни лица, ни голоса... с кем отдавалась мимолетной страсти.

Этот же, ушедший из жизни человек, оставил в ее памяти глубокий след. Он был всегда рядом и в трудную минуту помогал. Только благодаря ему, она смогла пережить страшную войну; да, и в мирное время с его помощью, она всегда находила свою цель в жизни. С его смертью время остановилось — не надо было куда-то спешить и ждать желанных телефонных звонков. Остались только четыре угла комнаты и старый альбом.

Память — вот что держало ее на плаву жизни; правда, общественная работа отвлекала от внутренних переживаний, но только не во время болезней, которые все чаще напоминали о себе. В это время она редко выходила из комнаты и, лежа на своей кровати, рассматривала фотографические снимки. Сознание ее терялось во времени, она жила в прошлом, как в настоящем.

Мария Ивановна о каждой фотокарточке могла рассказать целую историю. Девочка в галстук — это ее приняли в пионеры, девушка на трибуне — это она комсомольский вожак, среди девушек в белых халатах — это в госпитале после войны. Особенно ей нравилось рассматривать снимки с майскими и ноябрьскими демонстрациями, кругом знамена, транспаранты, смех, улыбки

ки. Эти картинки скрашивали ее существование. С увеличительным стеклом она внимательно рассматривала портреты Сталина, старалась не пропустить ни одной морщинки, ни одного штришка, которые должны были ей раскрыть сущность этого великого человека. Она всегда верила в его непоколебимое могущество, для нее это был живой Бог, перед которым можно только преклоняться. Все эти рассказы о миллионах уничтоженных людей — она или отвергала, или просто говорила: «Так требовала историческая обстановка!». У нее дома было несколько изображений вождя: большой плакат на стене — Сталин, улыбающийся, в белом кителе со звездой «Героя», изображен на фоне Мавзолея; два других плаката поменьше — Сталин с детьми и выступающий вождь, они хранились отдельно в папке. Маленькие плакаты, она почему-то рассматривала только перед сном; если верующий человек читал молитвы в ночное время, то Мария Ивановна мысленно разговаривала с «Отцом народов» и получала при этом внутреннее успокоение.

Конец восьмидесятых годов, начало перестройки, ее сначала ничем не удивил; она просто не понимала, что происходит в стране! Для нее — Сталин, коммунизм, были сегодняшний, вчерашний и новый день! Но скоро красные знамена, транспаранты, красочные плакаты, призывающие в будущее — исчезли! Улицы стали серыми, однообразными и скучными. Несколько раз она пыталась понять, о чем говорят по радио и телевидению, внимательно прослушивала передачи, но там говорили такие страшные вещи, что ее мозг просто отказывался это понимать.

Ее соседка посоветовала послушать «душещипательные» речи врача-психолога Кашипровского — «вроде бы он лечит душу своим словом». Она посмотрела несколько передач с участием этой знаменитости, выполнила все рекомендуемые упражнения, но никакого облегчения не получила и... забыла о нем. Другие соседки и знакомые звали ее посещать то церковь, то моленные дома — она гордо отказывалась от таких нелепых предложений. Она же была коммунистом! И осталась верной своей партии и коммунистическим взглядам на жизнь. По улицам тоже стало ходить не безопасно: какие-то хулиганы несколько раз оскорбляли ее, пытались сорвать с ее головы кумачовый платок, а однажды, вырвали из ее рук сумку с деньгами.

Мир вокруг Марии Ивановны становился страшным и непредсказуемым, в магазин ходила только с соседкой, дверь в квартиру никому не открывала. Боялась всего! Общественную работу забросила. Весь ее живой мир сконцентрировался в комнате, где жила. Все чаще у нее появлялись мысли о смерти; скорей уйти из этого жестокого, чужого мира — сдерживал только страх о неизвестном, потустороннем. В редком сне стал часто сниться покойный отец, от которого она так легко отказалась и не захотела помочь в трагическую минуту; он ничего не говорил, а только хитро, загадочно улыбался. Беззаботного прошлого сна — не было: ночью она видела черную дыру окна, а днем, лежа на кровати, рассматривала косые трещины на потолке. От долгого одиночества и страха, появились отклонения в психике: по ночам, а иногда и днем, стали возникать видения из прошлого; они как бы вышли из фотографических снимков, окружали ее, разговаривали, давали советы, которые всегда сводились к одному — уходу из жизни. Мария Ивановна понимала, что постепенно сходит с ума, но ничего не могла сделать; она сначала тихо, потом

громко стала разговаривать с окружающими ее призрачными фигурами. Соседка сначала беззлобно посмеивалась над странным поведением подруги, потом забеспокоилась о ее здоровье и вызвала участкового врача; тот осмотрел больную, ничего подозрительного не увидел, выписал успокоительные таблетки, велел перед сном гулять в соседнем саду. Неугомонная соседка выгуливала больную каждый день в любую погоду.

Был конец апреля, но холодный, мелкий дождик и порывистый ветер напоминали октябрьские дни. Никакого приготовления к майским праздникам не было; редкие прохожие прятались под зонтами и куда-то торопились. Одиночество и страшную тоску испытывала больная на улице. В первых числах мая, наконец, выглянуло солнце, но и оно не радовало Марию Ивановну. Страшные ночные видения и серость улиц, все больше давили на ее сознание. «Уйти! Исчезнуть!» — стучало в голове.

В один из дней, рано утром, под каким-то страшным внутренним гипнозом Мария Ивановна надела чистое белье, светлое платье с небольшим красным бантиком, повязала голову красно-бордовым платком, и чему-то беспрестанно улыбаясь, спокойно вышла из дома. Редкие прохожие с удивлением смотрели на странную фигуру, как бы появившуюся из прошлого. Не торопясь, в каком-то раздумье, она дошла до Невы. На набережной несколько рыбаков, занимавшихся своим промыслом, не обратили внимания на нее. Как оказалась на середине моста, Мария Ивановна не помнила; с трудом протиснувшись через узкую перегородку металлических створок, в месте разъединения двух частей моста, она... шагнула в бездну!

Рыбаку, который был ближе к мосту, показалось, что большая белая птица, коснувшись крылом волны, исчезла в водяной пыли.

Макс Либерт
(Россия, Санкт-Петербург)

ХОЧУ ЖИТЬ

Тишина. Тишина простиралась на миллионы километров вокруг, ею была пропитана каждая частица пространства. Казалось, что здесь царит вечный сон, которому не будет конца. Но безмолвие нарушил голос, подобный звону тысячи труб, между каждым звуком была длительная пауза, из-за чего слова напоминали больше раскаты грома, нежели речь.

— Двенадцать миллионов!

— Прости? — прозвучал второй голос, ещё более величественный, но при этом его звуки были плавными, и речь походила на песнопенья ангелов.

— Двенадцать миллионов, — повторил первый.

— Двенадцать миллионов чего?

— Оборотов. Ровно двенадцать миллионов оборотов я прошёл вокруг тебя с того момента, как мы в последний раз разговаривали.

— Неужели ты считал?

— Да. Нужно же хоть чем-то заниматься.

— А почему остановился?

— Число красивое. Мне нравится.

— На свете ещё множество прекрасных чисел. Если будешь продолжать счёт, можешь прибавить ещё два оборота.

— Не буду. Надоело.

— Чем тогда займёшься?

— Ещё не придумал.

— Ну, ты можешь продолжить считать наших соседей. Помнишь, в прошлый раз ты остановился на созвездии Лебеда. Недосчитанных звёзд осталось ещё достаточно много.

— Слишком много... Да и смысла не вижу. Мне кажется, что я занимаюсь ерундой и упускаю что-то важное. Ощущение, как будто что-то происходит. Что-то плохое.

— Как же ты это ощутил?

— С каждым оборотом становится холоднее, и время на прохождение каждого круга уходит всё больше.

— А для Спутника ты очень чувствительный.

— Скажи, ты... ты, — с заминкой начал Спутник, но не закончил.

— Я, что?

— Ты умираешь? — неуверенно проговорил Спутник.

— Умираю? Откуда ты узнал это слово?

— От тебя. Ты, когда задумываешься, начинаешь говорить про себя. Я всегда слушаю. Я понял, что умирать — это значит перестать существовать.

— Ты правильно понимаешь. Только Звёзды не умирают, они гаснут. Есть разница.

— И что будет дальше, когда ты погаснешь?

— Предполагаю, когда я остыну, ты медленно удалишься от меня, и поплывёшь по Вселенной. Звёзды, с которыми ты встретишься, подарят тебе своё тепло. Возможно, ты даже притянешься одной из них, если ни с чем не столкнёшься в пути. Но в любом случае это будет ещё не скоро.

Спутник ничего не ответил. Снова воцарилось безмолвие. Звезда медленно гасла, а её Спутник постепенно отдалялся.

Вскоре он опять нарушил тишину:

— Для чего всё это?

— Прости?

— Для чего ты жила? — уточнил Спутник.

— Я и не жила, я существовала, — поправила его Звезда. — Есть разница.

— Ты часто меня поправляешь, говоришь, что есть разница, но не объясняешь в чём. Объясни.

— Мы только существуем, а есть те, кто живут. Живут по-настоящему.

— А кто они? Где? — спросил Спутник.

— Я надеялась, что ты сам их заметишь. Ну, раз так, давай я тебе покажу. Посмотри на Галактику Млечный Путь, найди в ней Солнечную систему. Солнце — это «Звезда Карлик».

— Что значит карлик? — перебил Спутник.

— Это значит, что она очень маленькая, гораздо меньше меня, — пояснила Звезда, — так вот, вокруг Солнца по своим орбитам вращаются восемь планет. На третьей планете, считая от Солнца, как раз и обитают те, кто живут по-настоящему.

Спутник замолчал, погрузившись в наблюдение за этой планетой, затем продолжил расспросы:

— Ничего не понимаю. Планета очень далеко от нас, зачем мы ей? Твоё тепло до неё не доходит.

— Кроме тепла её обитатели нуждаются ещё и в свете.

— Так Солнце же освещает их!

— Только днём. Ночью эту функцию выполняют Луна и другие Звёзды.

— Миллиарды Звёзд существуют ради одной планеты?

— Думаю да. Во всяком случае, больше обитаемых планет я не обнаружила, а я люблю наблюдать, как ты уже заметил.

— И за этой планетой ты тоже наблюдаешь?

— Больше, чем за всем остальным, — ответила Звезда, — кстати, у неё есть своё имя — Земля, его люди придумали, как и все другие названия, к примеру, созвездие Лебедя. Лебедь, это птица, обитающая на Земле.

— Я раньше не задумывался, откуда ты берешь имена.

— Все имена дают люди. Они любят за всем наблюдать и давать название любому явлению или предмету.

— Кто такие люди? Они и нам дали имена? Какие-нибудь красивые слова? — обрадовался, Спутник.

— Люди — это самые умные существа на Земле, это про них я говорила — «Живут по-настоящему». А что насчёт имён, то нас слишком много, на всех имён не хватит. Мне они дали только порядковый номер. А тебе... я сомневаюсь, что они вообще тебя заметили. Мы очень далеко от Земли, я гораздо больше тебя, да и меня они заметили не так давно.

— Несправедливо! — возмутился Спутник, — Мы всё время даём им свет, а они нам даже имя придумать не могут.

— Мне всё равно. Какая разница, погасну я с именем или без?

— И всё равно нечестно, — сказал Спутник, затем продолжил расспросы, всматриваясь в людей.

— Почему ты говоришь, что они действительно живут, а мы лишь существуем? В чём разница?

— Всё очень просто, им дана свобода, — ответила Звезда.

— А что это такое?

— Это значит делать то, что захочешь.

— Как это?

— Ну, смотри, ты движешься по своей орбите, и не в состоянии остановиться или пойти в обратном направлении, а они двигаются куда захотят и когда захотят.

— Здорово! Я бы тоже так хотел. Им, наверное, всем очень хорошо.

— У них есть для этого своё слово — счастье.

— Значит, они все счастливы. Повезло, — заключил Спутник.

— Не надо им завидовать. Большинство людей несчастны.

— Почему?

— Причин много. Им постоянно чего-то не хватает, они не умеют ценить то, что им дано. К примеру, они совсем не ценят свободу, распоряжаться ею не умеют, потому и умирают так быстро. Вот мы почему долго существуем? Потому что делаем только то, что нам необходимо делать, а они часто делают то, что не следует. Идут к смерти с начала своего существования, — заключила Звезда.

— Зачем? Ты говорила, что они умные. Почему же они этого не понимают?

— Всё они понимают.

— Тогда я ничего не понимаю...

— Всё дело в той же свободе. Нам проще, у нас нет выбора. У нас есть лишь одна траектория, по которой мы движемся, поэтому всё, что мы делаем — правильно, а людям свойственно ошибаться. Часто они думают, что идут в верном направлении, двигаясь не туда, а потом, когда обнаружат ошибку, считают, что уже слишком поздно что-либо изменить. Или же они заранее понимают, что идут к гибели, но сам путь настолько приятен, что ради наслаждений они готовы погибнуть в конце. Некоторые просто не думают, что они делают и к чему это может привести. А есть и такие, кто вообще не верит, что есть дела, ведущие к смерти. Человеческая свобода очень сложный предмет, ею трудно распоряжаться. В конце концов есть и два оригинальных типа людей. Одни не верят в счастье, считая, что в жизни нет ничего, кроме скорби. Вторые не верят в существование свободы, считая, что их жизнью управляет рок, то есть судьба. Некоторые из последнего типа людей считают даже, что судьба напрямую зависит от нашего расположения.

— От расположения звёзд?

— Именно.

— Как жизнь людей может зависеть от расположения звёзд? Мы же очень далеко от них и лишь движемся по заданной траектории. Как мы можем повлиять на их движение, когда они идут куда хотят?

— Не знаю. Но думаю, что это очень удобно. Освобождает от ответственности за свои поступки. «Во всём виноваты Звёзды» — так они говорят.

— Ого, они ещё и нас обвиняют? — на это Звезда не ответила. Помолчав немного, она сказала:

— Если хочешь, можешь сам во всём разобраться. Просто понаблюдай за этой планетой. Это будет куда интересней, чем считать обороты.

— Да. Этим и займусь. А почему ты раньше мне не сказала о существовании Земли? — обида прозвучала в голосе Спутника.

— Прости, я просто хотела, чтобы ты сам её заметил.

— А я так долго занимался скучными делами.

— Ну, не расстраивайся, у тебя ещё много времени за ней наблюдать, — примирительным тоном заключила Звезда, затем снова наступила тишина. Спутник делал обороты вокруг своей Звезды, непрерывно наблюдая за Землёй, которая ещё и не подозревала о его существовании.

Восприятие времени у людей и у звёзд сильно отличаются. В то время как для людей летят дни, для них это лишь мгновения, из-за разного ритма и срока жизни. Поэтому невозможно точно сказать, сколько прошло времени с момента последнего диалога Спутника со Звездой.

— Быть или не быть, вот в чём вопрос... — медленно проговорил Спутник.

— Прости? — по своему обыкновению спросила Звезда.

— Известная цитата среди людей, — пояснил Спутник.

— Я знаю, это Уильям Шекспир. Но к чему ты это?

— Я бы выбрал быть. Однозначно.

Звезда промолчала, ожидая разъяснений. Спутник продолжал:

— Жаль, что у меня нет эмоций. Если были бы, я бы сейчас заплакал.

— Отчего же?

— Хочу жить. Понимаешь? Я хочу жить! Жить по-настоящему, жить как люди. Хочу любить и быть любимым, смеяться и плакать, хочу, чтобы сердце пело от счастья...

— Или разрывалось от горя, — вставила Звезда.

— Уж лучше так, чем наше с тобой существование! Я хочу чувствовать, хочу иметь переживания, я устал от этой рутины. Чем я занимался последние годы? Я считал круги, пройденные вокруг тебя. Смешно. Но я не умею смеяться! Я умею лишь размышлять и говорить с тобой.

— Ну, допустим, что чувствовать ты тоже умеешь, посмотри, как тебя переполняют эмоции.

— Пусть так, но какой в этом прок? Зачем любовь, если некому её дарить? Зачем мне радость, если не с кем ею делиться? На что мне чувства, если не к кому их проявлять?

— Ты можешь проявлять свои чувства ко мне, — тихо сказала Звезда.

— Велика важность.

Звезда ничего не ответила. После длительной паузы Спутник всё же нашёл силы обратиться к своей Звезде.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. Я сказал, не подумав. Ты же знаешь, ты мне очень дорога.

— Я достаточно долго существую в этом мире, слишком много видела и знаю. Я не обижаюсь на маленькие глупые Спутники.

— И вовсе я не глупый.

— Я думаю, быть недовольным своей судьбой — большая глупость. Уверена, в первую очередь именно эта глупость и делает людей несчастными. Если ты сейчас недоволен, хотя у тебя есть всё, что нужно, то какие шансы, что став человеком, ты был бы счастлив?

— Я готов рискнуть... А впрочем, какая разница, чего я хочу? Меня кто-то спрашивает? Так и останусь Спутником. Предметом с душой, но ограниченной функциональностью.

— Функциональностью, — с усмешкой повторила за ним Звезда.

— Ну чего ты смеёшься? Мне плохо, а она смеётся...

— Прости, просто не могу не заметить, что твой словарный запас увеличился после наблюдения за Землёй. Ты стал интересным собеседником.

— Я стал несчастным собеседником. Я хочу жить, а не существовать.

— Но, подумай сам, зачем тебе это? Жизнь людей очень коротка. Глазом не успеешь моргнуть, как она пролетит. А мы настоящие долгожители. Плюс мы, так же как и люди, можем думать и всё анализировать.

— В чём смысл анализа, если его не применить на практике? Я хочу жить. Хочу иметь множество друзей. Хочу иметь семью, растить детей. Хочу учиться, творить, дарить людям добро и любовь. Если бы я стал человеком, я постарался бы стать лучшим человеком на земле.

— Если бы ты родился человеком, то не помнил бы всего того, что сейчас говорил. И начав путь, у тебя были бы одинаковые шансы как стать самым лучшим человеком на земле, так и немного похуже. Сейчас, смотря со стороны, ты знаешь, какой путь правильный, а там бы ты учился на собственных ошибках, не всегда извлекая из них правильный урок. Вспомни, что я тебе говорила о свободе.

— И всё же я хотел бы попробовать. Но зачем этот разговор? Мне никогда не стать человеком. Буду вечно Спутником с ограниченными возможностями. — Спутник замолчал. Длительное время царил тишина. Затем Звезда сказала:

— Прежде, чем я открою тебе одну тайну, я хочу, чтобы ты ещё раз всё взвесил. Что лучше: быть небесным телом, существовать почти вечность и делать всё правильно, или быть человеком? Прожить краткий миг и, с большой долей вероятности, потратить его в неправильном направлении?

— Как по мне, так яркая жизнь лучше, чем длинное, но скучное существование.

— Хорошо, — Звезда немного помолчала, затем продолжила: — Я вижу, что ты уверен в своём желании и тебя не переубедить. Теперь слушай. Каждой звезде дан шанс наблюдать за людьми с целью, если они захотят, то смогут отправиться на Землю, и родиться человеком, разумеется, не помня, что были когда-то звездами. Я давно наблюдаю за человечеством и давно для себя решила, что не хочу попасть в их число. Так же по нашей воле мы можем передать это право другому телу, находящемуся в нашем подчинении: астероиду, метеориту и даже спутнику. Если ты готов, я могу отправить тебя на Землю, и ты станешь человеком.

Спутник ничего не ответил. Снова царил тишина, пока Звезда вновь её не нарушила.

— Почему ты молчишь?

— Я, признаться, немного шокирован такой новостью. Ты правда можешь меня отправить на Землю?

— Правда могу.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. И на твоём месте, я бы не медлила. Время у них летит очень быстро. Сейчас на Земле достаточно интересный век, да, он достаточно сложный, но, если ты хочешь увлекательной жизни, сейчас самое время её начать. Кто знает, сколько оно ещё продлится?

— Я готов.

— Ты точно решил?

— Да. Я хочу жить.

— Тогда тебе надо сделать только одну простую вещь — уснуть.

— А как ты меня отправишь на Землю?

— Об этом не беспокойся, я всё сделаю как надо, да и ты всё равно через мгновение уже ничего не вспомнишь.

— Перед тем, как ты меня отправишь, я хочу поблагодарить тебя за всё то, что ты для меня сделала. Ты действительно была самым дорогим из того, что у меня было. Спасибо тебе за всё. Я обещаю, что стану хорошим человеком.

— Никогда не обещай того, в чём не можешь быть уверен. Да! Спасибо, за тёплые слова. Но не будем терять времени. Тебе надо лишь заснуть.

Спутник затих, а через мгновение на Земле послышался крик только что родившегося ребенка.

Звезда проговорила:

— Помни то, что ты мне обещал. А я в свою очередь обещаю приглядывать за тобой. — Ей никто не ответил.

ПОИСК ЛЮБВИ

Кабинет почти пуст, несмотря на свои внушительные размеры. Белые стены, белый паркет, белая дверь. Напротив двери белое окно. Посреди кабинета круглый ковёр зелёного цвета без каких-либо узоров. На ковре напротив друг друга стоят два белых кресла, между ними круглый полиуретановый столик, такой же белый, как и стены. На столике чайный сервиз зеленого цвета на две персоны. Клубы пара, танцующие над чашками, говорят о том, что хозяин кабинета, сидящий на одном из диванов, кого-то ждёт. Об ожидании говорит и его нервное подёргивание ногой, и частые взгляды на часы. Время от времени он тяжело вздыхает.

Но вот послышался неуверенный стук в дверь. Человек, сидящий на диване, выпрямился, тихо выругался про себя, затем повернулся в сторону двери. На смену раздражённым глазам явилась милая улыбка. Человек крикнул: «Войдите!».

Дверь отворили. Из темноты коридора вышел на свет молодой мужчина. Он не имел ничего оригинального в своём внешнем виде, впрочем, как и все

люди последние сто лет после «Новой революции моды». Молодой мужчина был похож на человека, который ждал в кресле, впрочем, как и на всех людей на планете. Их серые синтетические костюмы, казалось, могли бы висеть на фабрике друг против друга, хотя были куплены в разное время. Так же как и их чёрные туфли, могли бы блистать на радость покупателю на прилавке одного и того же супермаркета, но на самом деле они были приобретены в разных городах.

Мужчина закрыл за собой дверь. Затем проговорил, не поднимая глаза от пола:

— Прошу прощения за то, что пришлось ждать. Я сам терпеть не могу опоздания, но на пятой высотной линии образовалась пробка из-за перелётных птиц и я...

Ласковый тенор ожидавшего не дал завершить оправдания.

— Право, перестаньте, вам не о чем тревожиться. Порой между клиентами не продохнуть. Очередь, знаете ли, поскольку период квартальной работы без выходных, это время тяжелых психологических нагрузок. Мне приятно отдыхать в паузах между клиентами. Вы, можно сказать, подарили мне получасовой отпуск!

Вошедший поднял глаза, полные раскаяния.

— Да вы присаживайтесь, сидя лучше думается! Я как раз заварил чай. Угощайтесь!

Рука указывала клиенту на кресло. Молодой мужчина садиться не торопился. Он внимательно разглядывал кабинет, пока случайно не заметил указывающую руку.

— Простите, я сегодня немного рассеян. — Молодой человек присел.

— Признавайтесь, вы впервые у психолога?

— Да, врать не буду, в первый раз.

— Николай, а сколько вам лет?

— Я Никита и мне двадцать три года, — Никита в первый раз улыбнулся. Зато улыбки психолога хватало на двоих.

— Ох, простите меня. Так много работы, что уже начинаю путаться в именах. Николай будет после вас. Всё перепутал, хоть сам к психологу иди.

— А вы не ходите?

— Я знаю их методы работы и поэтому не могу с ними говорить откровенно. Издержки работы, знаете ли. Но не будем обо мне! Скажите, как же так вышло, милейший, что в двадцать три года вы ни разу не пользовались нашими услугами?

— Если честно, я не очень люблю, когда копаются у меня в голове.

— Но, милейший Никита, вы рассуждаете, как люди прошлого века. Это в двадцать первом ещё многие имели предрассудки о психологии, но сейчас в век воссоединения медицины, природы и технологий в одно, все давно знают, как устроен мир. И все учёные давно доказали важность анализа мысли со стороны.

— Ну, можете считать меня старомодным. Мне и жена так говорит: «Тебе бы, Никита, родиться сто лет назад, а не тут мучиться». Я привык к таким высказываниям.

— Мудрая женщина ваша жена. Часто её слушаете?

— Чаше, чем следовало бы, реже, чем ей бы этого хотелось.

— А вы забавный. Это ещё одна ваша черта — отрицание равенства полов. Вы верите в то, что вы умнее, потому что вы мужчина? Это мнение так же устарело. Женщины давно доказали, что их интеллект не ниже нашего. Да и вообще, знаете ли, некрасиво судить людей по гендерному признаку. Вы, простите меня, очень старомодны. Скажите ещё, что вы и в Бога верите.

— В Бога я не верю, как и все сегодня.

— Ну, слава Богу, хоть тут я слышу здравый смысл. Так, ладно, расскажите тогда, что вас сюда привело, если вы не любите психологов. Почему вы здесь?

— Жена настояла. Сам бы не пришёл.

— Вот, она умница, ваша жена. Ещё раз говорю, слушайте её чаще. Ну, ладно, рассказывайте, что вас беспокоит. Или может так: что беспокоит вашу жену?

— Вы слышали о новой программе ПОЛ?

— ПОЛ, Поисковая Организация «Любовь», или «Поиск любви», как упрощённо говорят в народе. Естественно, мой милый, я о них знаю. Мы же живём в самый просвещенный век. Обзор новостей во время завтрака включается для всех в обязательном порядке, и все люди знают обо всём, что происходит в мире.

— Или только о том, что хотят, чтобы мы знали.

— Интереснейший случай, вы может быть и против власти что-нибудь имеете?

— Да нет, что вы. Я, как и все вокруг, чту и уважаю Власть Обобщённых Режимов. Но давайте вернёмся к программе ПОЛ.

— Программа «Поиск любви» замечательна. Была бы запущена раньше, я не был бы сейчас одиноким.

— Если программа настолько замечательна, почему же вы до сих пор не подали заявку и не нашли себе идеальную женщину? — На лице психолога появилась пренебрежительная мина. Никита заметил её и тут же добавил: — ну, или мужчину, уж простите, я не знаю ваших вкусов.

— Отправить заявку на поиск своего мужчины я пока просто не успеваю. У меня много работы, а любовь, знаете ли, требует внимания, уж не мне вам об этом рассказывать. Может быть, когда уйду из Гос. учреждения и займусь частной практикой на дому, тогда и подам заявочку на поиск моего суженого. Никита поморщился, что не ускользнуло от психолога. — Мой дорогой мальчик, прошу меня простить, но я не мог и этого не заметить. Вы что, ещё не внесли однополые браки в ваши моральные устои? Между прочим, Всемирный Моральный Кодекс давно одобрил этот пункт. Неужели настолько всё запущено в вашей голове?

— Давайте не будем трогать темы, не касающейся вопроса, по которому я пришёл, — с вежливый улыбкой проговорил Никита.

— Но простите, это же часть моей работы. Чтобы помочь человеку, надо знать, что это за человек. О чём он думает, чего хочет...

— Знаете, я не верю в таких людей, которые точно знают, чего хотят.

— Отчего же? Лично я всегда знаю, чего хочу. — Психолог улыбнулся, взял кружку и с явным наслаждением сделал глоток. — Сейчас, например, я хочу пить, кстати, и вы угощайтесь, лучший чай на свете, разумеется, на мой скромный вкус.

— Из ароматизировано-синтетического волокна? Как он может быть лучшим на свете? Я слышал, что лучший чай раньше заваривали из натуральных листьев.

Психолог засмеялся:

— Да вы мой милый, ещё и юный романтик! Вы знаете только лучшую часть из тех бабушкиных сказок, где натуральная еда была вкусней, чем современная. При этом, они всегда забывали нам рассказать о таких деталях, как диарея, изжога и прочих радостях их жизни. Вы знаете, что такое изжога?

— Да, это болезнь желудка и пищевода.

— Правильно, мой милый. А скажите, у вас когда-нибудь болел живот? Хотя раз в жизни?

— Нет, не болел.

— И это правильно! А почему? Да потому, что к натуральной еде кроме полезных компонентов доставлялась ещё и куча бактерий в придачу. Наша еда чистая. — Психолог улыбнулся и сделал глоток с явным наслаждением.

— Мы отошли от темы.

— Верно, мой хороший. Как говорили наши деды, время — деньги! Это вы точно должны были слышать, — психолог подмигнул, — Так-с, на чём же мы остановились... Ах, да, «Поиск любви». И что же пошло не так с программой? Вы в судьбу верите?

— В судьбу я не верю, но, даже если она и существует, то точно не машине её предсказывать.

— Да, но ведь там и не было никакого предсказания. Программа же не ко Вселенной обращалась с просьбой показать, кто для вас лучший компаньон по жизни. Нет, там был просто точный расчет. Анализ, проведенный на соответствие характеров на основе данных всемирной базы людей.

— Да, просто математический расчет. Помните их рекламный слоган? — «Поиск любви» — подарок судьбы! Программа найдёт вашу вторую половинку, с которой вы будете счастливы до конца ваших дней! Просто математический расчет, но расчет чего? Моей судьбы!

— Мне кажется, вы сами себя запутали. Вы же говорите, что не верите в судьбу.

— Не верю, — подтвердил Никита.

— Правильно, мой милый, судьбы не существует. Есть характеры людей и их поведение. Есть люди, которые подходят друг к другу, есть те, которые не подходят. Программа лишь делает расчёт соответствия характеров, привычек и отношения к жизни, а потом подбирает каждому человеку наиболее подходящую ему пару, и дальше...

— Я знаю, как работает программа, — перебил Никита.

— Не сомневаюсь. — Спокойно ответил психолог. Последовала длительная пауза, затем психолог продолжил. — Так в чём же, собственно проблема? Вы недовольны сделанным программой выбором? Вам не нравится ваша жена?

— Нравится. Лучшей женщины на свете я не встречал.

— Правильно, и вы не единственный, кто так говорит. Программа никогда не ошибается! При этом проблема всё же есть.

— Есть.

— Давайте тогда вы просто расскажете всё, что у вас на уме, или на сердце, как хотите, а я не буду ничего спрашивать до тех пор, пока вы не решите, что сказали мне всё, что хотели. Договорились?

— Договорились, — согласился молодой человек.

— Ну, тогда рассказывайте. — Психолог взял кружку с чаем и облокотился на спинку кресла, показав готовность слушать. Никита молчал. Его взгляд был направлен в сторону окна, где мимо стеклянных домов проносились серые автомобили. Наконец, собравшись с мыслями, он сказал:

— Всё дело в том, что выбор сделал не я, а программа. — Затем он посмотрел на психолога, давая понять, что он сказал всё, что хотел. Психолог распростер руки. Этот жест говорил: продолжайте, этого мало, я внимательно слушаю. — Никита произнёс со смущением: — Я плохой рассказчик, не знаю, что говорить.

— Не знаете с чего начать, начните с самого начала.

— Ладно. Значит с начала, — немного помолчал, подумал, затем продолжил, — в молодости я пытался познакомиться с девушками. Подходил ко всем подряд, что естественно, ведь снаружи они все одинаковые. Сейчас же никто не отказывается от бесплатной пластики лица перед получением паспорта, а что у них внутри — не разберешь, пока не узнаешь поближе. И с кем бы я ни познакомился, это ни к чему не приводило. Либо мне девушка не нравилась, либо я ей. А если поначалу понравились друг другу, то со временем начинались проблемы. Не могли долго быть вместе, решали, что дело в несоответствии характеров. И тут я услышал об этой новой программе «Поиска любви». Решил попробовать, подал заявку. Через неделю они мне прислали контакты человека кто, по мнению программы, мне больше всего подходит. Я купил билеты и приехал к ней в город, нашёл её дом. Она уже ждала меня. Оказывается, ей тоже выслали ответ и предупредили, что её контакты отправлены мне. При встрече мы быстро друг другу понравились и решили не тянуть зря время, а знакомиться ближе, уже живя вместе. Она легко переехала ко мне, поскольку всегда мечтала жить в столице. Через три месяца мы поженились, и всё было замечательно первое время. Но потом ко мне в голову вкрадась мысль. Ведь не я её нашёл. И не она меня. Это сделала машина! А что было бы, если бы я её никогда не встретил? Что было бы, если бы я встретил, но не обратил бы на неё внимания, заранее не зная, что я буду с ней счастлив? Что если на самом деле всё обман, что если мы любим друг друга только потому, что программа нам обоим сказала, что так должно быть, и мы приняли это за правду? Полюбил бы я её, не зная, что должен полюбить? А она меня? Раньше у людей таких проблем не было. Один влюблялся в другого, затем завоевывал его сердце, и, когда они сходились, человек знал, что он действительно его любит, потому что он сам этого добился. А теперь этого нельзя знать наверняка. Я не уверен в том, что она меня любила бы, если бы ей не сказали, что это правильно, Я не уверен, что она считала бы меня лучшим человеком на земле, если бы ей не сказали, что это математически доказано. Полюбила бы меня она сама, без подсказок? А я её? — Молодой человек помолчал, затем продолжил. — Эти мысли стали приходить в мою голову всё чаще и чаще. От этого начало портиться моё настроение. Я понимаю, что я задаю вопросы в сослагательном наклонении «что было бы?». На них нет ответа. И эту задачу мне никогда не решить. Чувствовать себя любимым на все сто процентов я, боюсь, никогда не смогу. Мне это напоминает

зомбирование, или гипноз, если хотите. Никто сейчас не ищет свою половинку, за это отвечает математика, статистика, как за всё в наше время, а что такое свободный выбор, люди уже давно забыли. Люди разучились принимать самостоятельные решения. Мы находимся под властью машин, а значит сами становимся как бездушные машины... — Никита замолчал и посмотрел на психолога.

Тот сидел с самодовольной и снисходительной улыбкой. Было понятно, что он здесь не видит большой проблемы, и давно знает решение.

— А что же насчёт вашей жены?

— Она очень чуткая. Она быстро заметила, что меня что-то гложет. Я долго боялся рассказать ей свои мысли. Знал, что она не поймёт.

— От чего же была такая уверенность? Разве программа подбирает не наиболее удачные, что в наше время подразумевает именно похожие друг на друга пары?

— Полностью идентичных людей не существует, вы должны это понимать. Хотя в чём-то мы должны были отличаться.

— Значит, она не поддержала ваших идей?

— Она не подала и вида, что мои мысли неправильные, за это я её и люблю, но знаю, что она не понимает, зачем я задаю эти вопросы. Она очень практичный человек и считает, что не надо думать над вопросами, на которые не найти ответа.

— Всё больше и больше восхищаюсь вашей женой.

— Да, она хорошая. И понимая, что сама мне помочь не может, но, всё же искренне сочувствуя моим тревогам, уговорила меня пойти к вам.

— И правильно, что вы её послушали. А скажите, пожалуйста, вот ещё что. Вы читаете?

— Да.

— Дайте угадаю. Практической литературе предпочитаете художественную?

— Да.

— Понятно... наверное читали и Достоевского, и Толстого, и прочих моралистов тех веков?

— Да, но я не понимаю, какое это имеет отношение к моим вопросам.

— А в этом и заключается ответ. Ваши проблемы в том, что вы не практичный человек, и не понимаете, как устроен мир. Вы читаете людей прошлых веков. Тех, кто жил в вечной тоске и унынии. Посмотрите на наш век. У нас нет болезней, нет голода, нет нужды и бедности, у всех желающих есть счастливые и успешные семьи, мы ушли далеко вперед в развитии. А каким путём мы добились успеха? Мы выбросили из жизни всё непрактичное. Всю философию и религию, мы выбросили вопросы, на которые не смогли найти ответа, и занимаемся только тем, что нам по силам. Мы не лезем выше своей головы, мы чётко распределили границы наших возможностей и нужд.

— Ладно, я понимаю, что вы хотите сказать, что я не практичный, и довольно чётко объяснили почему, продолжать не надо, но вы ещё сказали, что я не понимаю, как устроен мир, так может вы меня и в этом просветите?

— Это тоже не сложно. И вы бы это понимали, если бы читали побольше действительно полезных книг. Научных книг, я имею ввиду. Как устроен мир, я объясню на примере того, как работает программа «Поиск любви». В чём была

задача программы? Найти одному человеку другого подходящего человека.

— Никита поморщился и хотел было открыть рот, но психолог заметил это и не дал ему себя перебить. — Я знаю, что вы в курсе, как работает эта программа, но, зная и понимать это совсем разные вещи. Вы образованный молодой человек, вы всё знаете, но при этом не все понимаете. Вы сотню раз слышали, как устроен мир и при этом не понимаете его. Потому что не принимаете. Но вернёмся к программе. «Поиск любви» работает с чётким списком показателей. Сначала внешние. Все понимают, что если вы маленький человек, вам сложно будет с девушкой выше вас, поскольку природой заложено потребность женщины быть под защитой мужчины, а мужчины — в потребности защищать. Поэтому, программа выбирает схожесть по росту. Далее при анализе вашего ДНК рассчитывается жизненная энергия, так пассивному человеку не будет подобран активный, то же самое касается и с режимами сна. Добавляем вкусовые рецепторы и тактильные ощущения, ведь, признайтесь, глупо было бы свести сладкоежку с человеком, не терпящим сахар. И как мужчине получить наслаждение от объятий женщины, одевшей шёлковое платье, если ему не нравится на ощупь шёлк? Потом люди сортируются по социальным ступеням. Леди и бродяга были счастливы только в вымышленном литературном мире. Жизнь куда проще и логичней. Добавим ещё соответствие по уровню образования и интересов времяпрепровождения. Вот вам и выходит простая и логичная формула любви. Вам надо понять и принять, что наша жизнь, это математическая модель. Всё можно просчитать. А что нельзя — не практично, и мы давно это выбросили.

— Но если наша жизнь это математическая модель, то чем мы отличаемся от роботов?

— Вот, наконец-то, вы начали что-то понимать, и задавать правильные вопросы. А кто вам сказал, что мы от них чем-то сильно отличаемся? Что такое роботы? Это неорганические механизмы, созданные людьми, так? Но вы подумаете, а что же такое тогда люди? И если вы откроете школьные учебники, и немного проанализируете все науки, такие как математика, физика, химия и биология, то увидите, что человек это тот же механизм. Да, мой мальчик, это органический механизм, созданный природой. А что такое природа по своей сути? Набор химических элементов, взаимодействующих по законам физики. Разница между нами и роботами всего лишь в одном слове — органика. Если вы откроете учебник по химии, то увидите одно из главных различий между органикой и не органикой, то есть между живыми существами и не живыми. А их отличие состоит в обязательном присутствии углерода и водорода в молекулах органического происхождения. Вот и всё. Разница между нами и роботами, по сути, лишь в том, что в нас есть два химических элемента, углерод и водород. И вы что думаете, что за этим может что-то стоять? За простыми химическими элементами, углеродом и водородом может стоять какая-нибудь там душа? Это всё выдумки романтиков, тех, кому было обидно признать, что мы химия, что мы ничем не лучше других химических соединений, и после окончания жизненного цикла, который они называли красивым словом смерть, не будет ничего, кроме разложения частиц нашего организма.

— Я вас понял. Но на вопросы, любит ли она меня действительно, люблю ли я её, и любили бы мы друг друга, если бы не эта программа... на всё это у вас

нет ответов. А ваш совет — просто быть практичней и не думать об этом, а жить счастливо, раз есть такая возможность. Спасибо за совет, сам бы не догадался. Перед тем, как я уйду, я лишь хочу спросить, а как же любовь? Её тоже нет?

— Дорогой мой, помнишь старую добрую троицу — Вера, Надежда, Любовь? Вера — давно уже никому не нужное понятие, оно устарело и не употребляется в том значении, в котором его придумали. Устарела из-за ненадобности. То же самое и с надеждой. Давно устаревшее понятие, и просвещенные люди им не пользуются. Надеяться надо было на что-то. А на что нам сейчас надеяться? У нас есть всё необходимое для жизни. Да, из вышеперечисленного осталась только любовь. Но ты должен понимать, что это слово не уходит из языка только потому, что к нему привыкли, и очень много различных вещей под ним подразумевается. От сексуального влечения, вызванного гормональным всплеском, до простого одобрения деятельности и вкусов другого человека. Говорят же друзья друг другу «я люблю тебя, как друга». Почему? Потому что комфортно быть вместе, потому что им нравится их времяпрепровождение, которое связано лишь с одинаковыми вкусами. А матери любят своих детей тоже из-за практичности. Они их растили, кормили, вкладывали время и деньги и им просто обидно даже мысль, что этот труд может быть напрасен. Кто-то вырастит морального урода, но всё равно будет его любить из чувства собственности и нежелания признать, что они ошиблись. По сути, это эгоизм, но они и это называют любовью. Сейчас всё называют любовью, но по факту, это всё та же химия или предрассудки. Любви, о которой вы говорите, не существует. А значит и ваши вопросы — пустая трата времени. Вы подошли друг другу — живите счастливо, — и психолог пожал плечами.

— О каком счастье вы говорите? — спросил Никита, затем ухмыльнулся, — разве может быть счастье у бездушного химического соединения, кем, по вашему мнению, мы все являемся? И неужели вы действительно верите в то, что можно жить счастливо без любви? — Психолог внимательно смотрел на молодого человека и ничего не отвечал. Никита продолжил, — Ах да, простите, я забыл, что слово вера давно уже упразднено. И надеяться нам не на что. — Никита тоже замолчал. После длительной паузы добавил с печалью в голосе: — Когда я подавал заявку на «Поиск любви» в том-то и дело, что я искал именно любовь. Нашёл ли я её в итоге, я так и не понял. — Никита снова некоторое время помолчал, затем сказал, обращаясь к психологу, — Я, пожалуй, пойду. Ничем вы мне не можете помочь. Как можно говорить о любви с тем, кто считает, что ещё не существует.

Никита встал и протянул ему руку. Психолог тоже встал, ничего не отвечая.

— Всё равно, спасибо за уделённое мне время, — молодой человек крепко пожал руку психолога, повернулся и вышел из кабинета.

Психолог ещё с минуту смотрел в сторону ушедшего, затем развёл руками и с приятной улыбкой сел допивать чай. До следующего клиента было ещё двадцать минут.

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

*В НОЧИ С ГЛАЗАМИ ПОЭЗИИ
ЭЛЮАРА*

В ночи с глазами поэзии Элюара,
где стареют деревья,
Сказано, что в черной пустыне прорастет
красный мак...

И я называю тебе имя песка...
И ты называешь мне имя цвета...
И мы наливаем в бокалы вина, чтобы
произнести нашу жажду.
Дегустация вечных вин...
То мгновение, когда кровь и молоко цветов
Просят о последнем танце на ветру.

Какие эпохи хранятся в твоём
пластичном образе?
Какое яркое время года — твоя любовь!
Сколько времени мы знаем часы?
Время нас уже потеряло.
Время нас уже тратит.
Скажи мне воду,
Скажи мне огонь
И принеси мне конец света,
И проводи его со мной.
И я буду исцелять тебя, пока не заболую,
Или пока мы не оживем, чтобы...
Пить вино из облетевших сегодня листьев,
В этом земном наследстве,
что оставляют чернилами.
Когда уже все свечи разбились о пламя,
Когда твой кармин плывет в меня,
Когда мы идем по открытой тропе голоса...
И тени осыпаются в нашу глубину...
И река никогда не говорит «нет»
своему хозяину.
И я делаю кинжал из твоего взгляда...
И ты делаешь кнут из моего голоса.

Сегодня я написал две страницы тебя,
и одну ветра...
Сегодня я написал осенние листья —

Эти завитки мучеников с их сакральным
объемом небытия.
Сегодня я написал их шелест —
гортанное отражение нашей молитвы.
Сегодня у меня осталась ещё одна чистая
страница.

Где-то тут хранятся мечты,
вложенные в погремушку.
Жизнь — это ложь, которая безуспешно
пытается нас успокоить,
Когда мы начинаем понимать, что все
уже падало по вечной лестнице вниз...
Если когда-нибудь ты узнаешь, что я упал,
знай — я падал вертикально в Небо.

Немое сопрано капающих букв обнажит
все в твоих глазах,
Той ранней весной, когда листва начнет
разгораться внутри.
И я назову этот огонь, и мы подойдем
к траве, как свои,
С продетым в петлицу стихотворением.

Когда я хочу знать, где я нахожусь,
я закрываю глаза.
Когда так глубоко внутри...
Когда в наших руках распускаются стихи,
От потрескавшейся температуры язык
разветвляется в строки...
Семена букв пускают корни в тело,
И алфавит скользит по нашим глазам.

Однажды, мы осмелились быть.
В тот день мы переписали одиночество,
которое купили накануне,
Чтобы совершить паломничество в нас.
В ночи с глазами поэзии Элюара...

СОКРОВЕННОЕ

Тяжелый медленный мир,
Желтый лист думает о листопаде,
У него есть точное место, куда он упадёт,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Открывать свою дверь и впускать
тишину,
В ней стоять...
И смеяться печалью на грани забвенья
и снега.
И смотреть, как Нерон, на рассвет,
сжигающий тьму,
В достоверность отсутствия,
Вылетая за скобки ковчега.
И вскормить и скалой и землей эту белую
грусть
В ветхом шепоте серебряного ночлега.
Исчезаю по капле,
По словам остаюсь...
Что такое для вас голос поэта?
Не имеющий берегов алый путь...
Там, где все безымянно под сводами
Босха и бреда.
Имя жизни — Любовь,
имя смерти — Часы...
Ветка ветра над папертью покрывала...
Выжигает слова на ветру чья-то кровь...
В ночь сквозных недомолвок
Перекрестится звуком октава
И покатится ввысь с широты своих
дней,
Обнимая распятого, что ходит дождем
по звукам,
Чтоб услышать и спеть теплом
чьих-то губ
Что такое Поэт... И строку вложить
в его руку.
В тех конвертиках тел, что разносит
земной почтальон,
Письма, полные снов и откровений...
У поэзии вечный Серебряный век.
Заверните её в саван вместе со мной,
Положите её, как терновый венец,
к изголовью.

БЕЛОЕ ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Дерево, скрипка, ноты.
Желтый сад с черными птицами.
Дождь, мокрые цветы.
Вся наша кровь...
Будем всем и сразу!

Мы бродили этой ночью по миру,
и мы промокли до строчки...
Сумасшедшие аристократы,
Мы усваивали чувство обретения
и потери,
Рождения музыки
В этих смертельных особенностях тела...

Это то же самое, что лежать между словами;
Мгновения падают на страницу,
Чтобы открыть тебя Высоко.
И почерк изгибается в каждом
прикосновении к тебе,
Единожды и вовеки веков...

До дня моего рождения ничего
не произошло;
И, будь я смертным, после меня
ничего бы не случилось.
Пепел попыток,
И капля воды, свисающая с кончиков
пальцев ветвей,
Так похожи на жизнь,
Где нас, одетых в красное,
Будет снова преследовать белое
головокружение...
И времена года будут предлагать нам
жесты,
И никто не знает — будут это тишина
или аромат
И никто не знает — могут ли прочесть
это пыль или человек.
И никто не знает — произносить ли
это, молчать ли это,
писать ли заново...
Мы пообедем слова, задыхаясь
от непроизносимого...
Помнишь, когда мы еще не знали,
что жизнь не пощадит нас,
Окруженные яркими взрывами времен
года,
Мы пытались угадать возраст мечты...
До конца света оставался ноябрь...
Но и это нам не было помехой,
Ведь мы всегда верили в Бога
и в ближайшие пять минут.

Жизнь будет смотреть на нас
Спокойствием четырех сторон света.
Юг оставит бронзовые шрамы,
Восток оставит на письме отпечаток
твоих губ,
Север будет играть с нашей смертью
несколько дней,
Запад окружит нас пылью.
Есть одна секунда в день, где вы стареете
и молодеете одновременно,
Просто найдите эту секунду,
Именно в ней все образы как наша
собственная кровь...

Любовью не любят, любовью молятся!

Сегодня вечером она придет,
чтобы осветить мой мир,
Туда, где отпущенные листья
ещё не ударились о реальность
На эшафоте пыльцы прошлых веков,
Где мы репетировали друг друга
в темноте задолго до нашей встречи...
Медленный полет двух белых птиц
в милосердии ночи.

Не забудь поцеловать мою душу
в разрыве строк...
В этой великой лжи, заставляющей
поверить что мы — лишь тело.
Когда вы закончите читать это
стихотворение,
вы станете кем-то другим.

Женщина моя, я обязан тебе безумием.
Я приду сегодня на свидание с букетом
сломанных часов.
Дерево, скрипка, ноты.
Желтый сад с черными птицами.
Дождь, мокрые цветы.
Вся наша кровь стала всем и сразу!

2020

*Как тихо... Сам уж, боюсь,
разучился я здесь говорить по-латыни...
Овидий, «Скорби», V 12, 57*

Как тихо тишина впускает ночь...
Столь тихо.
И стенографией снегов бездонный след
Столь тихо.
Свечой стою я в тишине тебя
Столь тихо.
О, милая, не погаси меня!
Как тихо.
Играй со мной в священные слова,
Так громко.
Несметный снег, нечетный мой —
Как громко.
Сейчас, когда вокруг латынь,
Столь тихо,
Не торопи остыть у теплоты...
Как тихо.
О вере белых лепестков пиши
Столь тихо,

Как не умею я, умеешь ты —
Так тихо.
Скажи мне имя на часах
Столь тихо.
Мне больше ничего не надо от тебя.
Так тихо.
Когда пойму как тихо — не молчи,
Не надо...
Свечой стою я в тишине тебя
Как имя сада.

2017

Мучительное понимание
Неодолимости границ...
К чему, зачем все наши знанья,
Когда беспомощны они?
И мудрость наша эфемерна.
И книги наши, как стена.
Лишь тишина одна безмерна,
И так прекрасна и страшна.

ПИШУ ТЕБЕ

Пишу письмо тебе, перо макая в свет,
И ветер в небе рифм узор сплетает...
Любимая, я сочиню тебе сонет
Рассветом, что вновь воздух обжигает.
Я не писал так много долгих лет...
Восторженно и ясно, всей душою.
Ночь стёрта, золотистых строчек свет,
Движение рифм слагается в сюжет...
На лист скользит птиц солнечная стая —
Крыла любви моей небесный свет.

2011

СЛОВО

Ничего нет сильнее слова.
Ничего нет страшнее слова.
Ничего нет опаснее слова,
Слово в строчке, как бритва в руке.
И, тогда лишь, когда нас бесполо,
безъязыко и невесомо...
Смертный выигрыш выданный Богом,
Станет строчкой в небесной строке.

2018

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

УПАЛА...

Закатилось солнце за берёзу,
Вечер вышел в город золотой.
Падает листва, а у Привоза,
В думках ходит парень молодой.

Опустела площадь, павильоны.
Девушка-гречанка не ждала.
Трепетная лань... летел влюблённый,
Разбросав над городом крыла.

Не успел немного, дворник зоркий
Видел коммерсанта с ней, ландо.
Оглядела площадь, встала, горько
Выдохнула, и, подав ладонь,

В чрево, показалось, как упала...
Коммерсанта окрик выгнал вон...
Паренёк отчаялся сначала,
Но остыв, лицо сменил и тон...

До Люстдорфа враз «лихач» доставит:
Прикупили бургеры ландо...
И пропал... гречанку на Заставах
Видели в лохмотьях и седой...

16.09.2020 г. А-V-A.

НЕ ГЕРОЙ...

Комкая гордость, подхожу к парадной...
Она выходит в восемь, до метро
Минут пятнадцать... ветерок прохладный...
Плотнее воротник. Её герой...

Ты должен! Ты обязан! Ты — мужчина!
С обидой кричала... промолчал...
По парку возвращались, матерщина
Летела от компании «торчал».

Прибавил шаг, прикрыл её, девчонка...
Не за себя боялся, за мечту:
В руке держал холодную ручонку,
И отводил подальше в темноту.

Рванулась, побежала по аллее...
Вернулась, была в грудь мне кулачком...

А я молчал... себя не пожалею,
Но разберусь с треклятым сходнячком

Один. И без свидетелей. В обратный.
В парадной попрощались... холодна...
И объяснил компании приватной,
Как следует вести себя у дна

И на верху, коль дети, дамы рядом...
Они и сами дети... три ножа
Достали, подарили: добрым взглядом
Я на земле их до утра держал...

Комкая гордость, подхожу к парадной...
Она выходит в восемь, до метро
Минут пятнадцать... ветерок прохладный...
Плотнее воротник. Нет, не герой...

17.09.2020 г. А-V-A.

ГОРЧИТ ВИНО...

В подсвечнике горели три свечи.
Гусар лихой вдруг выстрелил, погасла
Одна — мадам восторженно кричит,
И вдребезги стекло в окне... неясно

Донёсся то ли хохот, то ли вскрик...
На брудершафт вина испила пара.
Свалился на пол женственный парик,
И ткань трещит под пятернёй гусара...

Увы, раздался выстрел: раз, второй.
В вечерний сумрак проскользнули тени...
Лежит герой бездыханной горой,
Над ним мадам поднялась на колени...

Какая глупость — выстрел по свече.
Под жерновами затрещали души...
Горчит вино и алым на парче
Не кровь гусара — безнадёга глуши...

24.09.2020 г. А-V-A.

ВОСТОК И ЗАПАД...

Гудят моторы, взлётка как стрела.
До новых встреч — прощаемся у трапа.

Открыться так хотела — не смогла:
Восток не отпускает, нервный запад

Углами оцарапает хрусталь
Твоей души — опасное сближение...
У центра жизнь, теряет вязкость сталь,
И так легко сорваться на скольжение —

Я вывод сделал в мыслях за тебя...
Игра без правил, как канат над бездной:
Шажок, ещё шаг — и затрубят
Фанфары над расщелиной помпезно —

Ан нет — ударит ветер по басам.
И барабанщик дробью напугает...
Ревут моторы, режут небеса,
И бездна вновь канаты предлагает...

28.09.2020 г. А-V-A.

У РОДИНЫ...

Увязывает вещи... переезд.
Так далеко — ни родины, ни флага...
Не человек бежит с любимых мест:
Дракон трехглавый жжёт огнём...
дворняга,

Останется на привязи... помрёт.
От голода, с тоски ли... будь ты проклят,
Век новых технологий! Твой черёд
На расстояние выжженного вопля!

У Родины уродины в мехах.
В трёх шкурах, что сдирали по живому.
Без совести, без страха от греха
Снимали, выносили, а слепому

За золото навязывали медь.
Трёхглавый неизменно за плечами.
Ни Бога нет, ни Чёрта, и гореть
Их душам не придётся, заручались

На всякий случай, в храм бредя раз в год.
Свечей поставить важных к аналою...
Увязывает вещи на исход
Весь городишко — проку нет забою...

28.09.2020 г. А-V-A.

ОКТАБРЬ. АТТИЛА. ВАШИНГТОН...

Да, ожидалось небо голубое
С пронзительно пылающим светилom...
Октябрь вошёл, в дверях столпились роем
Зелёно-жёлто-красные... Аттила

Стоял как столп, держа в руке нагайку.
Смотрел и ждал: вошедший поклонился.

Кивнул ему, спустились на лужайку
Пред домом — гунны ждали —
потеснился

Отряд огромный, знают цель похода:
Глупцам пора напомнить о пределах...
Октябрь просил добрее быть к народам,
Правитель обещался... пролетела

Большая птица — аист? — знак победы...
Аттила бросил клич и в даль помчался...
В Европе собирались на обеды,
Империи трещали, Мир качался...

Октябрь вошёл под небом голубым...
Светило сумасшедшее слепило...
С Кавказа потянулся чёрный дым
В Милан, Париж, Берлин... гудит горнило,

Поток воздушный искры в Вашингтон
Добросит — дым накроет лес и горы?
В Санкт-Петербурге Осень вальс-бостон
Танцует в подворотне, разговоры

Сидящих на скамейке уведёт
С эпохи на эпоху: Рим, Аттила...
Известно, что и где всеильных ждёт,
Как далеко бы не были горнила...

01.10.2020 г. А-V-A.

НА КОЛКУЮ БЫЛЬ...

Плавно, торжественно звёздная пыль
Падает в свете Луны.
Окна раскрыты, прикручен фитиль,
Весь в ожидании: сны

Из микрометра картины берут,
Выражу мысль на холсте.
Начал вчера — белокаменный пруд,
Лотос цветёт, на листе

Бабочка-девочка, в розовый цвет
Волосы, крылья и смех...
Сон оборвался — стучал в дверь сосед,
Выпить хотел за успех...

Не накричал я, не бросил упрёк —
Не повернуть тишины...
Денег отсыпал, отправил в ларёк:
Будет гулять до весны...

Осень. Октябрь. Окна настезь открыл.
Падает звёздная пыль...
Девочку-бабочку бросил порыв
С рамки на колкую быль...

02.10.2020 г. А-V-A.

С ЗАВИСТИ ЛИ, ОТ УМА?

Не исправить Зло Добром.
Зло не злость, ошибка в мере.
Только страх за жизнь и дом
Сдержат в рамках. Даже в вере,
В каждой из, лазеек тьма:
С Богом и ружьём на брата
С зависти ли, от ума?
Кровь дурная виновата?
Гильотина! Пулю в лоб!
И фанатику, и чину,
Что приказ отдал — особ
Сжечь прилюдно, чтоб картину
Долго гнал по венам страх,
По годам передавая...
Человек, ты просто прах,
Как изгнали двух из Рая...

03.11.2020 г. А-V-A.

ОТЦВЁЛ ВИШНЁВЫЙ САД...

Отцвел вишнёвый сад и лепестки
Усыпали газоны майским снегом.
Едва касаясь тоненькой руки,
Веду мамзель вдоль берега... Онега
Об эту пору жутко холодна,
Не то, что Чёрное — от солнца тает...
Там далее есть бухта, не видна
Из городка — француженка витает
По волнам голой — дразнит, ловит свет
Миниатюрным тельцем идеальным...
Росли мы вместе долгих десять лет
Сестрой и братом, жили в одной спальне,
Да ветер разбросал нас перемен...
На днях выходит замуж за корнета —
Не по любви: Папа; сдаётся в плен
Деньгищам, положению... Одетой*
Себя она считает — поцелуй,
И ласки мои снимут цепь проклятий...
Я раздеваюсь и с потоком струй
Влетаю в заключения объятий...

18.11.2020 г. А-V-A.

ПРОВИНЦИАЛКА ИЗ...

Цветы в душе у добрых и зимой
Растут, цветут и манят эхом света...

* Одетта — главная героиня старинной немецкой легенды о прекрасной принцессе, превращённой в белого лебедя колдуном — рыцарем Ротбартом (нем. Von Rothbart), которую спасает принц Зигфрид (нем. Siegfried).

Иду по тротуару и спиной
Почувствовал тепло бывшего лета.

Я обернулся: в десяти шагах
Провинциалка из... Страна большая...
Она остановилась... на Дега
Похож был сильно, знаю... Вспоминая

Встречала может? — мысли на лице.
Лицо — за жизнь водички не напиться.
Цветы души в горшочках на крыльце
И двери нараспашку — не таится:

Она — сама добро... каких глубин?
Где эти берега любви и чести?
Мы выродились — в тысяче один,
Достоин с ней идти по жизни вместе...

Припомнила. Качая головой,
Пошла... в упор смотрела, улынулась...
Текли, текли ручки по мостовой,
«Провинциалка из» цветка коснулась...

22.12.2020 г. А-V-A.

«СЕНЬОРИТА ГРЕТА»

Снега не жалела «сеньорита Грета»,
И доволен Город: в белом хорошел.
Парком пробираюсь по следам рассвета,
И мотивчик новый подберу в душе.

Ёлочки и сосны улыбнулись — рады.
Воздух подморожен и снежок искрист.
Ровно лёг на лапы: в Новый год в наряде
Каждая пройдёт — протрубит горнист.

По всему проспекту украшенья, крыши,
Как в песцовых шапках —
пошутил рассвет.

Слышал в разговорах —
Бог и думы слышит,
Думаю — так дал бы всем, чего в нас нет.

И запляшут ноты не на нотном стане:
Эго двинет мыслью и толкнёт слова.
Веточкой по снегу зарисую танец,
И оставлю нежность в белых кружевах —

Вдруг кому потребна музыка сближенья?
Год такой ужасный, что несёт другой?
А по скалам души вверх без снаряженья:
Там судьба, страхуя, крикнет пустельгой...

«Сеньорита Грета» зашепила к югу.
Вежливая «дама»: нежно сыплет снег.
И доволен Город — пыльную подругу
Ночью Новогодней не прижмёт во сне...

26.12.2020 г. А-V-A.

БАХ АХМЕДОВ

Узбекистан, г. Ташкент

ВЕЧЕР

Приехал с работы. Ответил
на пару е-мейлов.
Прилег.
А где-то на улице дети
играли в седьмой лепесток.

И вдруг он подумал: «Как грустно!.
Когда-то я тоже искал
седьмой лепесток безыскусный...
Когда-то я всё понимал.

От ясности этой щемящей
кружилась порой голова.
Когда-то я был настоящим,
и верил в простые слова.

Но всё растворилось в потоке
безумных бессмысленных дней.
И жизни шагреновой строки
всё меньше относятся к ней.

И ясности больше не будет
уже до последнего дня.
И кто-то быть может осудит,
и кто-то забудет меня.

Но всё это тоже пустое...
Скользкая тень на стене.
Я ваших сомнений не стою,
и света всё меньше во мне.

Всё больше усталости странной,
и нежности к старым вещам.
А правда пустого стакана
пронзительней всех мелодрам».

От нас останутся, наверно,
от нас останутся цитаты.
От нас останутся фрагменты,
и бесконечный поиск веры,

и наши хрупкие моменты,
и наши призрачные даты...

От нас останутся две строчки....
А может быть, всего одна.
И с каждым днем она короче,
И с каждым днем больней она.

И с каждым сном границы наши
трудней бывает очертить...
Набросок легкий карандашный
нас, может, сможет сохранить.

И на листке тетрадки школьной
от нас останутся слова.
Ему гореть совсем не больно,
и он не больше, чем листва...

И все же, даже в горьком дыме
вдруг промелькнет наш силуэт.
И наше маленькое имя
от нас останется, как свет.

А свет не ведает пределов,
и вся Вселенная — его.
И на доске рисунок мелом
нас сохранит точнее всего.

В ПОРЯДКЕ САМОКРИТИКИ

*Если бы я был не Бахом,
а его другом, я бы посвятил ему такие
критические строки, как его друг.*

Легко жонглировать словами,
когда запас их невелик.
Но если честно, между нами,
ты в пропасть катишься, старик.

В твоих стихах всегда три слова:
свобода, вечность, тишина...
Какая жалкая основа,
плюс рифма жалкая «луна».

Ну да, ведь без нее не может
поэт в томлении уснуть.
И лунный луч скользит по коже...
А ты все пишешь эту муть.

Опомнись, Бах, дружище милый.
Свою фантазию включи.
Неужто будешь до могилы
писать про вечности ключи?

Ты всех сумел, мой друг сердечный,
своими штампами достать.
И вздрагивает даже вечность,
когда садишься ты писать.

Все, что случилось, случилось на взлете.
Все, что открылось, открылось потом.
Кто я? И как вы меня назовете,
Если однажды войду я в ваш дом?

Прошлого призрак? Безумный бродяга?
Тающий отблеск былого огня?
Я не умею смеяться и плакать.
Как вы теперь назовете меня?..

Жизнь нас хранит, как попытку прозренья.
Все, что случилось, случилось во сне.
Кружатся две одинокие тени
В черном квадрате — в разбитом окне.

2010 г.

Нас держит с тобой бесконечность,
чье имя узнать не дано.
И падает небо на плечи
в разбитое насмерть окно.

Нас держит с тобою молчанье,
что глубже любого «прости».
А все, что нам снится ночами,
едва ли нас сможет спасти...

Не знание и не подсознание,
а что-то другое совсем.
Нас держит с тобою прощание,
где каждый останется нем.

Где каждый откроет спокойно
в пространство холодное дверь.
Нас держит не то, что нам больно,
а опыт забытых потерь.

И все, что еще ожидает,
нас вряд ли друг другу вернет.
Никто никого не узнает,
никто никого не спасет.

И все же, и все же, и все же
надежда сильнее правоты.
Быть может, однажды ты сможешь
дойти до последней черты.

А там обнаженная правда,
и спрятаться негде уже.
Нас держит иллюзия завтра
на остром, как нежность, ноже.

Все прошло, ничего не вернется.
Все прошло, и вернется опять.
И осеннее тихое солнце
нас из пепла сумеет создать.

Чтобы снова однажды разрушить,
и отправить в холодный костер.
То ли время врачует нам души,
то ли просто обманчивый вздор...

То ли жизнь оставляет возможность
перейти, наконец, через ноль.
И в надежде, безумно тревожной,
превратить в красоту нашу боль.

Впрочем, все это фразы пустые.
Только Лета не знает преград.
И горят наши строки слепые.
Но красиво горят...

В этом времени и в том
мы разорвано живем.

Мы пытаемся тревожно
времена соединить.
Невозможно, невозможно!
Рвется призрачная нить.

Рвется нить и рвутся сроки.
Рвется сердце от тоски.
Только голос одинокий,
да мерцание строки...

Да игла во тьме летает,
только мимо, не туда.

Прямо в сердце попадает,
остается навсегда.

Остается в нем навеки...
Остается после нас.
Тихим светом в первом снеге,
грустным светом наших глаз.

В этой вечности и в той
мы летим над пустотой...
И душа всего лишь птица,
что пытается запеть.

Рвется нить, но небо длится...
В нем не страшно умереть.

ОТРЫВОК

Мы спрячемся с тобой однажды в книге,
Где нас уже никто найти не сможет...
Мы станем просто частью гипертекста,
Где автор даст нам новую свободу,
А время даст нам новую надежду.
И не страшны нам больше будут точки,
Поскольку в этой книге их не будет.
Как впрочем и других ненужных знаков.
Но лишь движенье сверхтекучей речи,
Лишь небеса на выдохе и вздохе,
да чистые страницы на рассвете...

*Иногда старые стихи
обретают пугающе-новое звучание
в новой реальности.*

ПОДИИСЬ К КАРТИНЕ

...И люди шли навстречу ветру в гору,
прощаясь с незаконченным сюжетом,
и оставляя прошлое внизу.

Их было много сотен, может, тысяч...
И каждый шаг давался все труднее,
и глядя вверх, в разорванное небо,
они надежду обнажали, словно шпагу,
готовые к последнему сражению
с невидимой судьбой,
с пустым пространством,
и с тем, чему названья не найти,
но что влечет к себе неотвратимо.

И осень все швыряла листья в лица,
и город, что раскинулся в долине,
устало погружался в темноту.

А наверху чернел валун сомненья...
Усилия ребенка бы хватило,
чтобы вниз его столкнуть,
но спал ребенок,
слезинкою ладошку обжигая
и открывая окна прямо в вечность.

2011 г.

Будь что было, будь что будет —
Фатум не перехитрить.
Все мы люди, просто люди,
Все мы — призрачная нить.

Даже парки ждут в тревоге —
Тест сдавали на ковид.
Срочно вызваны все боги
на собрание в Аид.

Зевс завис в недоуменье:
что за мутные дела?
Всех измучили сомненья,
всех надежда извела.

А Геракл развёл руками:
Я бессилен тут, друзья.
Лишь Сизиф все катит камень
На вершину бытия...

А под вечер смех и грохот:
камень вниз летит опять.
И уходит Зевс со вздохом,
Чтобы очередь занять.

Жизнь под маской
Узнаём друг друга по глазам,
По уже невидимой улыбке.
Узнаём, не делаем ошибки,
Словно мы уже немного там...

Узнаём по странной тишине,
Что несём перед собой устало.
По тому, что навсегда осталось
В том последнем беззаботном дне.

Узнаём уже не по словам...
А по обнаженному молчанию.
Узнаём друг друга по дождям,
Что с ума сводили нас ночами.

По желанью жить одной строкой,
Зная, что она недолго длится.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Узнаём по беззащитным лицам.
По надежде.
Маленькой такой...

На чёрном зеркале пластинки
Спала соната октября.
А взгляд застыл на паутинке,
Свисающей с календаря.

Закатный луч скользил устало
По корешкам любимых книг.
И чья-то истина простая
Сверкнула лезвием на миг.

И в этом хрупком равновесье
Качнулся мир над пустотой.
О как же всех нас тянет к бездне!
На пару с нищенкой-судьбой...

Не знаем часа своего.
И вечности не знаем тоже.
Но страшно всем до одного
себя итожить...

Какого цвета небеса
нам выпадут в тот час прощальный?
И чьи приснятся нам глаза
в тиши хрустальной?

Уже не будет больше слов.
И так понятно всё по взгляду.
И жизнь — лишь дробное число,
что просто выпало из ряда.

Пытаемся друг друга утешать.
Пытаемся хоть как-то успокоить...
А где-то спит замёрзшая душа,
Укрывшись одинокою строкою.

Пытаемся смеяться и шутить.
И прячем вновь отчаянье под маской.
Пытаемся, как прежде, просто жить.
И время усыпить дежурной лаской.

Пытаемся свой разум обмануть
И оставляем для надежды ужин.
Когда бы лет на двадцать нам уснуть,
Пока не наступило царство стужи...

Пытаемся не думать о часах.
О том, что и они бежать устанут.
И видим в каждом встреченных глазах
Безумие надежды и обмана.

когда стоишь
под горячим душем
мир за стенами
перестает казаться страшным
и фатально непоправимым
в конце концов
что есть наше тело
в масштабах вселенной?
все эти жалкие
локти, колени,
ключицы, пятки...
все эти первичные
половые признаки
и вторичные — тоже
всё это по большому счету —
лишь капля воды
которая растворится бесследно
в бесконечном мировом океане,
тумане, нирване (нужное подчеркнуть)
а душа, которая, как обещают нам,
бессмертна
станет пятнышком пара
на холодном стекле космоса
бесформенным пятнышком
чем-то средним
между кругом, овалом
и многоточием
и хотя бы на десятую долю градуса
уменьшит вселенский холод
конечно, это ничтожно мало,
но всё же лучше, чем ничего
вы скажите: слабое самоутешение.
и будете, наверное, правы...
ну уж чем богаты...

ЛИДИЯ ЖИДКО

Беларусь, Минская обл., г. Жодино

БЕЛАРУСЬ

Беларусь ты моя синеокая:
 Край безбрежных озёрных красот,
 Где луга заливные широкие,
 Белых аистов тихий полёт.
 Здесь боры вересковые хвойные,
 Вековые дубравы шумят,
 Тополя к небу тянутся стройные,
 Да берёз изумрудный наряд.
 Родники и криницы холодные
 И глубокие воды Днепра,
 Мелодичные песни народные
 И прекрасная жатвы пора.
 Залихватскую трель соловьиную
 Можно слышать в весеннем лесу,
 Видеть сойку смешную, пугливую
 И хохлатого дятла, сову...
 Это всё — Беларусь моя милая,
 Нет на свете прекрасней земли!
 Хорошей год от года, родимая,
 Благодарность народа прими!

ПЛОЩАДЬ ЯКУБА КОЛАСА

Как клавиши рояля
 Под пальцами скользят,
 Мелодия звучала
 Полуденного дня.
 Фонтан, в лучах сверкая,
 Аккорды отбивал,
 Мажорный стук трамвая
 Улыбку вызывал.
 И тихий шопот ветра,
 И летняя теплынь,
 Валун в траве заметный
 И Колас-исполин.
 И дед Талаш с берданкой,
 Панас невдалеке,
 Сымон-музыка с Ганкой,
 Смычок в его руке.
 Игриво проплывали
 И стаи облаков,
 В гармонии звучали
 Мотивы «Песняров».

ОСЕНЬ

Разгулялась осень меж берёз и сосен,
 Разноцветных листьев хоровод кружит.
 Разукрасив небо в голубую просинь,
 Разбросав палитру, на поля сбежит.
 Распустила косы в золоте берёза,
 Разморили иву долгие дожди,
 Растворились утром розовые грёзы,
 Расплескались лужи на моём пути.
 Разудалый ветер облака уносит,
 Раздевает рощи, парки и сады,
 Растянула нити тоненькие осень,
 Растрожив стаи птички у воды.
 Разрумянив щёки, яблоки игриво
 Разбиваясь гулко, падают в росу,
 Раскраснелся куст шиповника на диво,
 Раздаёт плоды боярышник в лесу.

МНЕ БОЛЬНО ВИДЕТЬ...

Мне больно видеть, как ребёнок плачет,
 Как лошадь, загнанная в мыле, скачет,
 Как пёс дрожит голодный под дождём
 И как земля пылает под огнём.
 Мне больно видеть, как страдают люди
 От хитрости, предательства «Иуды»,
 Терактов и бесчисленных потерь
 И как слепой нащупывает дверь.
 И как бездушные людей калечит,
 И как бездарности награды светят,
 Когда любовь уходит навсегда,
 Когда раздор бушует и вражда.

Мне больно видеть немощную старость,
 Потухший взгляд, тяжёлую усталость...

СУЩНОСТЬ БЫТИЯ

Нам отмерены разные сроки,
 Что б в конце превратить в пыль и прах.
 Мы же люди, друзья, не пророки
 И скорбим, и страдаем в грехах.
 Без борьбы не бывает победы,
 Светлый день не наступит без тьмы,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Где есть друг — появляется недруг,
В круговерти рождаемся мы.
Не бывает и счастье безбрежным,
Рядом ходит разлука, печаль...
И с годами мечтаем мы реже,
Всех тревожит последний причал.
В суете забываем о главном —
Жизнь даётся один только раз!
Может случиться — исчезнет всё завтра.
Не держите её впро запас!

ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Луна зависла в сонме облаков,
Среди планетных звёзд мерцают блики.
И вдруг, с далёких сказочных миров,
Мелькнула тень, придав ей облик дикий.
Расправив крылья, дьявольский дракон,
Оскалив пасть, кровавую, во мраке,
И так завис над горизонтом он,
Победу одержав в неравной драке.
Змеиный зев, кроваво-огневоый,
Считали катастрофой, смертью близкой...
Цветная умбра, конус теневой,
Несёт разгадку огненного диска...

На линии одной сошлись тела —
Легенда о драконах умерла.

ЭХО ВОЙНЫ

Как в агонии боец метался,
Бинт срывая яростно с плеча,
В забытии подолгу оставался,
Иль кричал, ругался сгоряча.
А на тумбочке конверт измятый,
Из тетради вырванный листок,
Веточка давно иссохшей мяты —
Запах Родины без боли и тревог.
Мать писала: «...Дзе ж ты мой сыночек?
І чаму не пішаеш пра сябе?
Праглядзела сплуканыя вочы,
Калі ж пошта вестку прынясе?
Шмат бяды ад супастата злога,
Наступіла цяжкая пара...
Тваю жонку і сынака малаго
Пахавалі ўчора, на Пятра.
Што ж, фашыст пракляты, робіць з намі?
Ад пажарышчаў смуга сцяной,
Аж зямелька стогне пад нагамі
І калі жнаступе супакой?»
Сын измученный лежал в кровати,
Бредил ночь и всё кого-то звал...
Тусклый свет мерцающий в палате —
Фитилёк коптил и догорал.

Мать молила Вышнего за сына...
Сила воли подняла бойца.
Он дошёл до самого Берлина!
Верен был присяге до конца!

ВСТРЕЧА

Воздух застыл от трескучих морозов,
Поздний февраль отодвинул весну,
В белых нарядах каштаны, берёзы...
Тихо дрожат на холодном ветру.
Щёки зарделись, как будто смугил кто,
В шапочке тёплой, закрученный шарф.
Он улыбаясь сказал: «Очень мило!»
Выдохнув белый, клубящийся пар.
Музыка в танце вела и кружила,
В старом уютном кафе, в стиле Loft,
С кисло-солёным лимоном текила —
Так создавала душевный комфорт!
И не казался февраль очумелым,
И не страшил уже больше мороз,
И не сводило от холода тело...
Губы шептали: «Я счастлив до слёз»...

МУХОЛОВ ПРОШКА

Мухолов по кличке Прощка
Поселился у окошка:
— Как же муху заманить,
Западню ей учинить?
Растянул умело сети,
Муху держит на примете.
Выбрал в щели место он
И уселся, как барон.
Сизобрюхая жужжалка
Побывала там, где свалка,
Полетала по двору —
Угодила в западню.
— Ой-ой-ой! Какое горе,
С пауком давно я в ссоре!
Что же делать? Просто жуть,
Помогите кто-нибудь!
— Ха-ха-ха! Привет, соседка!
Угодила в сети метко,
За тобой давно слежу
И во сне, и наяву.
Ты назойлива, строптивая...
А наглеешь — просто диво!
Оставляешь всюду след
И наносишь людям вред!
Задрожала, сникла муха:
— Что же мне за невезуха?
Успокоюсь, отдохну...
Путь к спасению найду!

ОСЬМИНОГ

Замелькали в море рифы —
Разбежались рыбки. Тихо!
Кто же так их напугал?
Может, страшный ураган?
Краб залез под скалы боком,
Скат в испуге бьётся током...
Что ж за чудище плывёт:
Голова и восемь ног?
На ногах горят присоски,
Взгляд пронзительный и острый,
Притаился среди скал,
Превратился в цвет «коралл».
Любопытному лангусту
Под камнями стало грустно.
Защититься он не смог —
Сцапал хитрый осьминог.

ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ МНЕ
ПОЛЕЗНЫМ?

Чем заняться мне полезным?
Может, книгу почитать,
«Ералаш» включить потешный
Или просто помечтать?
На столе коробка с мелом,
Черепаша под рукой,
Попугай уселся смело
Возле чашечки с водой.
Пёс улёгся на диване —
Поводок в его зубах.
Кот царапается в ванне —
Он у нас персидский Шах.
Черепашу Ниндзя нашу
Посажу я у руля!
Панцирь мелом разукрашу
И наклею якоря!
Попугай косит глазами —
И ему присвою ранг!
Нацеплю очки с усами:
Будет строгий капитан!

НИНА БЕЛАНОВА

Украина, г. Днепропетровск

МОРЕ ГРУСТИ

Свободное место на кухонной полке:
Той чашки любимой не склеить осколки.
Не сшить сарафан обветшалой надежде:
Не будет, как прежде, не будет,
как прежде...

Никто не вернёт нам весны аромата,
Ни пламенных слов, что звучали когда-то,
Ни грёз наяву, затерявшихся где-то...
Кончается лето, кончается лето...

Солёное море сгустившейся грусти
Качает кораблик — не скоро отпустит.
И ветер несётся с осенней депешей:
Никто не воротит любви улетевшей...

18 августа 2020 г.

ВМЕСТЕ ПОМНИМ

Лет немерено синим блестит стеклом
Эта мною намоленная лампадка.
Вместе плакали: дом уходил на слом,
Вместе помним, как в доме том было
сладко...

Там лужайкой служил мне большой ковер.
Там дивились подружки несмелым строкам.
Там смотрели в зелёный сплошной забор
Полосатые шторы из пары окон...

Под асфальтом теперь не растёт спорыш.
Кем-то выброшен в мусор почтовый ящик.
Беспощадно голодное время-мышь!
Не прочесть больше писем, тепло таящих.

Позабить о потерях давно пора,
Но от прошлого нет никакого средства.
Три тоскующих тополя у двора
Забредают во сны прямиком из детства...

12 сентября 2020 г.

Я НАУЧУСЬ

Я зря учусь терпению давно
У соловья, живущего в неволе.
Я зря учусь терпению у поля,
Растящего озимое зерно.

Не развязать сплетения времён!
Я, видимо, плохая ученица...
Тот мир чудес, что мне ночами снится,
В реальность быть не может воплощён.

Поняв, что никогда не сбыться нам,
Душою я окрепну, и однажды
Сверну мечту корабликом бумажным
И унесу к играющим волнам.

Плыви, моя иллюзия, плыви...
Пусть боль мою уносит по течению!
Я научусь у Господа прощенью.
Я научусь у Господа любви...

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Суета сует... О сколько
Повседневной шелухи!
Благодать — в стогу иголка,
И не пишутся стихи.

Не хочу слова искать я:
Пусть найдётся благодать!
Я цветущих вишен платья
Буду мерить-примерять...

Покачаюсь на качелях,
Вспомню всё, что не сбылось,
И под песнь виолончели
Упаду слезами рос...

Попрошу у ночи звёздной
Бесконечной глубины!
Стану чуточку мимозой —
Станут сны обнажены...

И вольётся вдохновение!
Сладким будет этот миг,
Как вишнёвое варенье
На родных губах твоих...

МИРОМ ГОСПОДУ ПОМОЛИМСЯ

Наш милостивый Бог все мысли слышит,
Ему претят пустые сонмы слов.
Пусть шёпот наших душ летит всё выше,
Минуя звёзды, страхи поборов!

Всего два слова: «Господи, помилуй!»
Из миллионов любящих сердец
Достигнут Неба, напоятся силой —
И сотворится чудо из чудес!

Проснёмся утром — все вокруг здоровы,
И нет коронавирусной чумы!
Весь мир — под Богородицы покровом.
И вертится Земля! И живы мы!

Карантин

Не выйти в карантин... Закрыта клеть,
Но я не чахну пленницей унылой:
Душа моя пичугой быстрокрылой
Округу всю готова облететь!

Найти на берегу росток тугой
И жизнь воспеть, не трогая руками,
И росами рыдающие камни
Утешить утром, не поправ ногой...

Как птичий хор в лесу многоголосье!
А мне в окошко тенькает синица,
И манит неба чистая страница,
И дарит свет цветущий абрикос...

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

«Благословенна Ты в женах!» —
Архангел произнёс.
И содрогнулся мир в потьмах
До кончиков волос!

«Господь с Тобою!» — он изрёк:
И ад затрепетал!
Надежды слабенький росток
Среди камней восстал.

И веры начал вызревать
Заветный сладкий плод:
Родит нам Дева Благодать,
Спасение придёт!

«Благословенна ты в женах!» —
Читаем каждый день,
И убегает смерти страх
От любящих людей.

*В ТУГИХ ЗАСТЕНКАХ
КАРАНТИНА*

Цветёт, красуется весна,
Апрельским солнцем греет крыши.
И ветки вербы у окна
Пушатся, котиками дышат...

Хочу, накинув палантин,
Уйти в поля, развеять душу,
Но бдит постылый карантин,
В тугих застенках страхом душит!

А мне бы — в храм душистых трав,
Да опуститься на колени,
Чтоб сердце млело, свет вобрав,
Чтоб между снов и откровений

Ходить, не пачкаясь грехом,
По тропам дней, по бездорожью...
И свято верить в милость Божью,
И выживать в миру лихом.

ЖИЗНЬ ПОБЕДИТ!

Мрак на посту: в карантинные ночи
Спят фонари.
Ветер холодный протиснуться хочет
В щели двери.

Город скукожился. Музыка смолкла.
Тишь расплзлась...
Звёзды таращатся в тёмные окна
Тысячей глаз...

Плачет душа об ушедших, но с верой
В Небо глядит.
Чёрная линия сменится белой —
Жизнь победит!

Вот уже дух расцветающих веток
Дарит нам сад.
Жизнь победит! Это Ангелов светлых
Крылья шуршат...

НАСХА 2020

В час комендантский тихо: ни души...
Приказано, чтоб по домам сидели.
Но ликования не заглушить!
Я знаю: где-то в Небе на свирели

Играет Ангел миллионам звёзд!
Вселенная поёт о самом главном
И славословьем созидает мост
Меж вечностью и миром Православным.

На окнах свеч мигают огоньки,
И в каждом доме теплится лампада...

И не беда, что не подать руки —
Мы все сердцами любящими рядом!

Огонь возжётся чудом из чудес,
Наполнив благодатью день весенний.
Согрело мир Святое Воскресенье:
Христос Воскрес! Воистину Воскрес!

ИЗЛЕЧАТСЯ СТРАНЫ

Весна разодела в зелёное диво,
Но лихо сорокой стрекочет пугливо!
На детских качелях блестит паутина...
Всех держит в застенках сезон карантина.

Кому не хотелось бы плыть с облаками?
Но птичьей свободы не знаем пока мы...
О как сиротливо без тёплых объятий!
Свобода милее всех царских полатей.

Стартует уже долгожданное лето,
И кто-то нас любит, волнуется где-то...
Излечатся души, излечатся страны,
И примется ветер зализывать раны...

МНЕ СЧАСТЬЕ ГРЕЗИТСЯ И СНИТСЯ

Слова легки, как майский ветер,
Свежи, как мятные драже.
Слова поют про всё на свете!
Здесь, на четвёртом этаже,

Внимаю им... Ведь мне не ново
Томиться в четырёх стенах.
Несокрушима сила слова!
Душа мечтой вдохновлена:

Вкруг нас лугов пестреют ситцы,
В моей руке — твоя рука...
Мне счастье грезится и снится,
И зреет за строкой строка...

В РАЗЛУКЕ

Нам полночь пахла звёздами.
Кружась в небесном стиле,
Свисали звёзды гроздьями,
А мы с тобой грустили...

К нам трели соловьиные
Лились из разных окон,
И помыслы глубинные
Свивались в мятый кокон.

Шептала ночь-кудесница,
Скрещала две дороги.
И чудилось: на лестнице
Шуршали чьи-то ноги...

Устало сердце мучиться:
Ты рядом и далече...
И шаль судьбы-разлучницы
Совсем не греет плечи...

ЛЮБОВЬ МОЯ

Любовь живёт во мне, растёт
И рушит рамки личной жизни,
Лучится солнцем от щедрот,
И нет в ней места дешевизне.

Любовь готова стать дождём,
Чтоб утолять посевов жажду,
Теплом делиться с каждым днём
И кланяться былинке каждой,

Учиться пению у птиц,
Учиться мудрости у Слова...
Любовь, не ведая границ,
Весь этот мир обнять готова!

ИДЁМ К НЕМУ

Идём к Нему: кто млад, кто стар,
Кто больно зол, кто вечно весел,
И тот, кто принял Божий дар,
И тот, кто сердце занавесил...

Идём к Нему тропою лет,
Летим со дна греха колодца.
В конце тоннеля Божий свет
Рекою в каждого вольётся —

Души очистится сосуд...
Слетимся все, подобно птицам,
В Небесный Храм на Божий суд —
Никто не сможет заблудиться!

БЕСТОЛКОВЫЕ МЫСЛИ

Не плывут облака —
Над водою повисли...
Сторожат у виска
Бестолковые мысли.

Неподвижны маслин
Серебристые пряди...
Я одна, ты один —
Только душами рядом.

Будет сладок наш чай,
Как дождёмся пожинок!
Разливаю печаль
В чашки белых кувшинок.

Упиваюсь тоской:
Провидение немо...
Мне б уйти с головой
В отражение неба!

ИРИНА УРАЛЬСКАЯ-ДИМИТРЕНКО

Казахстан, г. Уральск

ВИШНЁВАЯ БАЛКА

Вишнёвая балка. Озёрная чайка.
Не знает чайка — прощание сладко.
Зетеяла чайка игру в салки.
Хозяин бросил икринок остатки.

Весёлые игры. Прощание с летком.
Стоим три девчонки, вот бы сетку.
Но рыбка клюет. Поспорим, чайки.
Кто больше поймает рыб по нечайке.

А тропки нехожены. Стоит шлагбаум.
Нас тоже поймают. Распнут амбалы.
Пока мы беспечно купаемся в алом.
В Вишнёвой балке жара напалмом.

Светает. Чайки с голодного края.
Как будто в озеро души кидают.
Как будто в этом степном захолустье,
Им тоже как девочкам грустно.

Пора грибная. Груздей початки.
Ах, мы забыли для рук перчатки...
Мелькают среди трав ромашки-матки.
Смеемся весело, но украдкой.

А ивы вечером по колено,
В воде отраженные девы — Евы.
Холмы пожаром. Сгоревшие травы.
А рыцарь пастух на конике бравом.

Он едет, пора собирать манатки.
Прощайте, чайки! Сестрёнки и братки.
Каржата, утки и ёжки — бабки.
В своем государстве проданы в рабство.

Вишнёвая балка. Хозяйская палка.
Шлагбаума цепи. Степная русалка.
Бегут приведенный белые хатки,
Жуют философски коровки — брюхатки...

*Поездки по Приуралью.
Лето 20 года. Лоре.*

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Нам ли судить её?
Нам ли рядить
в платы цветастые.
В звёзды ее возносить,
В ангелы царские.
Нам ниспослана средь
тоски вечно грызущая,
Мука совести,
Гроздь руки,
Вечнозовущая.
Мара, Мари, зови неси,
Снедь и сдобушку,
Но избави изгой народ
от стыдобушек.
От своей души отведи и от нашей,
И помолись за нас в камыши,
если наша.
Вечна память, мерзка, туга
и злословица,
Вейся, вейся тугой шпагат
пересортица.
Запечатает рот сургуч,
Песня реквием.
Первый утром тоскливый луч
Режет лезвием.

2020 год

БЕЛАРУСЬ

Мчал трактор «Беларусь»,
Подпрыгивая резво.
На Русь, на Русь, на Русь,
Смотрели пашни трезво.
И Ленин хитрый глаз
Прищуривал мгновенно.
Шли массы в хлебный квас,
Зерном дрожжей лечебных.
Колхозница. Любовь.
Ночной дозор неволи.
Малюй, художник, новь,
Деревню, звезды, поле.

Как опоённый ты,
Мчал в тракторе с цветами.
О, юные понты.
О, Беларусь с ментами.

25 августа 2020 год

КОРОНА В АПРЕЛЕ

Уже и апрель на исходе,
По-новому чертыхнусь...
И кашель в пустующем горле,
И пуст и кошель и турус...

Уже проникает неверье,
В Ухани (у нас говорят),
Заводы рабочим по вере,
А иностранцам откат..

Пять джи антенны под Шатцком,
Пугают прививки и даж,
Пугают полицией в штатском,
В Уральске кураж и типаж...

Иду коронована в вирус,
Иду вся такая на вы..
Но ловят меня люди иксы..
И штрафом грозят пустыри.

Пустующий город на взморье,
Манит в очарованных снах...
И сладкое слово Капорье,
И горькое Ленинград...

Бегу по своим воспоминаньям,
В Анталии, в Демре, и Кемер...
И платье дышит из марли,
И не было в жизни потерь.....

27.04.20

ЖЕЛАННЫЙ СЕНТЯБРЬ

Все изменилось, матка осень,
стучится клёна пальцами в окно.
Колюч сентябрь.
Дерзка погодка волчья,
а дождь
в микрорайоне — домино,
Между домов в асфальт кидает капли,
И промыкает шифер крыш —
где стык.
Все так.
Расправил тополь лапы,
И пьет как алкоголик.
В дождевик
Одет один ребёнок.
Он бродит,
Не боясь земных простуд.
Ах, осень, я простила и спросонок,
смотрю на мир,
сквозь солнечный сосуд.
Кого простила,
и кому простится,
пусть знает ангел мой и босс.
Пусть кошка,
как твоя невеста окатится.
А ты Сентябрь, навеки
повелитель душ
и ос.

Сентябрь 2020

ЕВА ТАЛАЯ

Россия, г. Севастополь

И СЧАСТЬЕ, ТАМ, С ЛЮБОВЬЮ БРОДИТ...

Так безутешно плачет небо.
Под облаками счастья нет.
Оно осталось выше где-то,
Где дан молчания обет.

Там с неба солнце не уходит,
Для непогоды места нет,
И счастье, там, с любовью бродит,
Пока здесь небо слезы льёт.

А здесь гроза и птицы стихли,
И всё заглядывает внутрь,
Где в тишине стихают вихри,
Что по ночам спать не дают.

Все мысли загоняя в душу,
Так низко-низко облака,
Им выйти не дают наружу —
Их не утешить никогда.

Поэтому, бывает слёзы,
За нас сливают облака,
Чтоб следствием метаморфозы,
Явить нам крылья мотылька.

22.08.19

ЛЕТО ЗАДЕРЖАЛОСЬ В КРОНАХ КЛЕНОВ...

Вот, лето задержалось в кронах клёнов,
В цвете листвы последнее тепло.
Судьба его быть сметенным с газонов,
Прощаясь с нами каплями в стекло.

Поблёкшие намокнут листья в лужах,
И пряный аромат во все дворы,
Проникнет с осенью, и первой стужей,
Очистит все дворы от детворы.

И распахнутся снова занавески,
За окнами все больше света ждут,
А вечером тепло в них, цвета виски,
Щедро расплещет в сумерки уют.

В кармане прошлогодняя монетка,
Как будто ваш давно знакомый друг,
Напомнит, как за это лето редко,
Вы размыкали ваш привычный круг.

Захочется пройтись, шурша листвою,
И спрятаться в уютный отворот.
Осенней меланхолией порою,
Забытая мечта вдруг оживёт.

Сентябрь 2019. Крым

ОСЕНЬЮ СУМЕЮ РАЗЛЮБИТЬ

Я ещё тебе не всё сказала,
Да и нет желанья говорить,
Стоя у безлюдного причала,
Куда стала часто приходить.

Даже осень сильно запоздала,
И не хочет лето торопить,
Знает, я сегодня загадала —
«С осенью сумею разлюбить»

Осень от разлук давно устала,
Грусть мою не хочет приютить,
Ведь её теперь и так не мало,
Чтоб ещё и нашу допустить...

Сентябрь 2019 г.

СЕГОДНЯ ОСЕНЬ ВО ДВОРЕ ВСТРЕЧАЛА...

Сегодня Осень во дворе встречала,
Мы, улыбаясь, в парке разошлись.
Как будто знали — с самого начала,
Мы с ней для этой встречи родились...

03.10.19

СЕНТЯБРЬСКИЙ НОКТЮРН...

Сегодня за окном шумят платаны.
Так ветрено и зябко во дворе.
Сырыми как-то стали вдруг фонтаны —
Вот так уходит лето в сентябре.

И с моря ветер, по-сентябрьски, свежий,
Но лето еще прячется в траве,
Хоть зелень уж давно не стала нежной,
И облака, всё реже, налегке.

Над «балкой золотой»* спустилась дымка,
Вуалью накрывает виноград,
И горы вдалеке теряют зыбко,
Такой неровный очертаний ряд.

И вместо чаек, чаще, крик сороки,
Им почему-то осень хороша,
Как и поэту, что выводит строки,
Вслед Осени идущей не спеша.

Сентябрь 2019

АНГЕЛОМ СЕЙ МИР ЛЮБИТЬ...

Проходят дни, уходят в память,
Как слайд на выцветшей стене,
И боль уже не в силах ранить,
Нет крыльев — раны на спине...

Всё чаще запрещают видеть,
И поддаваясь суете,
Мы забываем ненавидеть,
Оковы на своей судьбе.

А птицы нас зовут на небо,
Но нам до них так далеко,
И шепчет голос: «Ты там не был,
Тебе не нужно высоко»

Но где я был? И что ж так больно,
В местах, где крыльев больше нет?
Не убеждайте — всё, довольно,
Не исчерпал я свой лимит!

И мне дано ещё вернуться,
И мне дано ещё прожить,
И крыльям в небе встрепелиться,
И Ангелом сей мир любить!

Осень 2019

* «Золотая балка» — территория виноградников в Севастопольской винодельческой зоне, рядом с г. Балаклава.

ЖИЗНИ БЕНЕФИС...

Какая страсть в душе бушует!
А внешне просто холодна.
И взгляд молчит, и не ревнует —
Ложь, чудом, с правдою родна.

Лишь только чуть заломит руки,
Потупит взор немного вниз,
И вздрогнет взгляд, едва услышав,
Как села птица на карниз.

Как будто плачет, что ль, от боли?
Нет, улыбается. Каприз.
Любви и боли мерять доли —
Играть для жизни бенефис.

На завтра будет всё как должно,
И страсть утихнет, может быть.
Без слёз забыть, конечно, можно,
Но как, с любовью, боль любить?

17.11.19

СЕГОДНЯ СЕРОСТЬ РВЁТСЯ В ДУШУ

Сегодня серость рвётся в душу,
И просит отпустить печаль.
Клянётся — «Мира не нарушу».
А мне его совсем не жаль!

Пусть ливнем размывает краски!
Пусть небо рушится к земле!
Я так устала видеть маски,
И примерять, порой, к себе...

03.12.19

ГРОЗА, ЧТО НАДВИГАЛАСЬ С МОРЯ...

Гроза, что буйно рвалась с моря,
Скрывала неба синеву.
Как обезумевши от горя,
Пронзали молнии канву.

По небу нитями сверкая,
Гудели громом, вместе с тем,
Пугали всё, того не зная,
Сами не ведая зачем.

Лишь с первой каплей стало тише,
Пролились слёзы на траву,

И не казалось небо выше —
Лаская землю, наяву...

17.11.19

ПРОХЛАДА НАШИХ НЕДОПОНИМАНИЙ...

Из прошлого уже ничто не ранит,
И осень наступила без хандры —
Тихонько за окном с дождём гутарит,
А я, под тёплым пледом из махры.

Пью тёплый грог и просто вспоминаю,
Все то, о чём таинственно молчат,
О чём шумят опавшею листвою,
Те клёны, что под окнами стоят.

О чём морщинки возле глаз сказали,
Тому, кто внемлет свету моих глаз.
О том, о чём так долго забывали,
Болея от невысказанных фраз.

Из прошлого уже ничто не ранит,
И боль от несказанного сквозит,
Прохладой наших недопониманий,
Что ранит душу, и она болит...

Декабрь 2019 г.

А ЛЮДИ ХОДЯТ МИМО СЧАСТЬЯ...

А люди ходят мимо счастья.
И не пускают, в дни ненастья,
Его, на радость, к себе в дом.
Оставив счастье под окном.

А счастье, шлепает по лужам,
Стучит в окно, к тем кто простужен,
Срывает зонтики из рук,
Шалее видя наш испуг.

Пугает птиц, и диких кошек,
Шумит везде, как только может,
Само идёт навстречу к нам,
Пренебрегая всем делам.

А мы, по платным вебинарам,
Поём всё Ом и мантры Раме.
И учат коучи нас жить —
Деньгами счастье ублажить.

А счастье — денежки в фонтаны,
Испортив, напрочь, все их планы,
Бросает прям через плечо.
Желанье счастья горячо!

Оно желает нам случиться!
Оно желает с нами сбыться!
Оно желает войти в дом,
Остаться с нами, и потом,

Встречать рассветы и закаты,
Вкушая чай, со вкусом мяты,
И долго, с чувствами, читать,
Стихи — как, вдруг счастливым стать.

09.03.2020

СОЖАЛЕНЬЯ...

Теперь ни боли ни обиды,
Ещё один забытый день,
И за окном, всё те же виды,
На потолок вползает тень.

От света фар стекло искриться,
И чуть дрожит на нём ответ.
Ну как могло все так случиться?
Вопрос не дан на мой ответ.

И долго-долго мыслям биться,
И долго чувствам душу рвать.
А может заново влюбиться?!
И клином клинья выбивать.

Проходит время, уже «хватит» —
И нет желанья продолжать,
Без сил спасать и душу тратить,
И расставаний избегать.

«Здесь и сейчас» — миг наполнения,
И всё что было — благодать,
Забыты мною сожаленья,
Здесь и сейчас — не нужно ждать!

12.12.2019

ЛЕПЕСТКОВ БЛАГОУХАЮЩАЯ НЕЖНОСТЬ

Весна... И лепестков,
Благоухающая нежность.
Всегда, с покон веков,
Надежды нашей неизбежность.

10.04.2020

ИДА ЗАМИРСКАЯ

Украина, г. Северодонецк

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ НОВЕЛЛА

Among the Animals by Susannah Carlson

Сюзанна Карлсон. Среди животных

С чашкой кофе в руке, Линда всматривалась в сгущающиеся сумерки за окном, расположенным над раковиной, настороженно прислушиваясь к отдаленному урчанию и жадному утробному реву охотящихся койотов, — к этакому сумасшедшему скрежету, который переходил в дикий хохот, когда они вгрызались в добычу и разрывали на части какого-нибудь бедного чернохвостика или зайца. Она вся напряглась, пытаясь разглядеть это действие в темноте, но видела только очертания гигантских кактусов сагуаро и креозотовых кустов на фоне более светлого небосвода.

Ей нравилось жить под сенью Каталины, среди животных, к звукам которых она привыкла с детства: это и квохтанье перепелок, брачные песни их самцов, звуки воркующих голубей инков «ноу хоуп, ноу хоуп», ритмичный стук дятлов по крыше, а ночами — вой койотов, свист ястребов и пронзительные крики сов. Иногда она вставала рано утром, чтобы наблюдать за местным стадом вилорогов, роющихся в объедках вчерашнего ужина, которые она оставляла для них у большой миски с водой. Однако в последнее время она позволяла себе поспать подольше, так как ночи были беспокойными.

Сегодня она была даже рада, что еще не нашла работу в городе Тусоне, экономика которого переживала глубокий кризис. Она чувствовала себя больной и разбитой и лишь к полудню смогла подняться с постели. Не то, чтобы она не хотела спать, скорее, наоборот, она всячески пыталась прогнать сон, с жадностью пила кофе и смотрела в потемневшие окна, стараясь не заснуть. Дело в том, что когда она погружалась в сон, то сразу оказывалась во власти мрачных сновидений, из которых нелегко было выбраться. Это нельзя было назвать кошмаром, скорее всего, это были какие-то темные, спутанные образы. То за ней кто-то гнался, то она преследовала кого-то, а иногда она просто кружила в темноте, в полудрёме, в некой неопределенной бесконечности. И когда её охватывало всепоглощающее чувство страха, она просыпалась и чувствовала, что кто-то невидимый наблюдает за ней всю оставшуюся ночь. Она чувствовала на себе чьи-то взгляды — хитрые, голодные, хищные, хотя и незлобные.

Когда она впервые приехала сюда, ей удалось приобрести глинобитный домик. Друзья её друзей тщетно пытались его продать, но покупатели не находи-

лись. Их мать прожила в этом доме не одно десятилетие. Ветхая старушка перебивалась кое-как, обслуживала сама себя до конца жизни, пока однажды в июне не исчезла. И хотя ее поношенная одежонка вскоре была найдена в овраге, тело её так и не было обнаружено. Линда предположила, что она просто умерла в саду и была съедена животными, но сарафанное радио создавало разные мифы вокруг ее исчезновения, которые, очевидно, отпугивали потенциальных покупателей.

Линда считала себя прагматичной городской девчонкой. Её не пугали страшилки, рассказанные соседями. Они не помешали ей влюбиться в это укромное местечко, и она сразу же купила его со всеми нехитрыми пожитками. В течение нескольких недель она упаковала свои вещи и навсегда покинула Сан-Франциско в поисках спокойной жизни. Она мечтала закончить свои дни в пустынном месте, как та ветхая старуха. Теперь, когда её мечты сбылись, она стала снова тосковать по своей городской квартире в долине Хайес и по постоянному гудению человеческих голосов и муниципальных автобусов на улице...

Койоты продолжали таявкать и скулить. Линда сидела на своей кровати с открытым ноутбуком, в комнате, расположенной над гостиной. Она выглянула в окно, надеясь, что с этой более высокой точки обзора ей удастся их увидеть, но она увидела лишь темные тени в серой дымке, мчащиеся среди кактусов и мелких кустарников. Можно сказать, что она морально выдохлась, но после выпитой чашки кофе совсем не чувствовала усталости. Это было ужасное состояние, но оно оправдывало цель. Она наблюдала, как стая сбилась в кучу в ее палисаднике, и тут она услышала визг кролика, — его предсмертный крик пронзительно прозвучал в победоносном гвалте койотов. И вдруг что-то ударило в окно. Прямо ей в глаза смотрел койот. Его острая морда, на миг освещенная светом спальни, была искажена гримасой отчаянного триумфа. Со страху она выронила чашку кофе и громко вскрикнула от боли, когда горячая жидкость выплеснулась на ее скрещенные ноги. Струйки белого дыма поднялись с экрана ноутбука, и экран потемнел. Она отшатнулась от окна, больше озабоченная своим дымящимся ноутбуком, чем тем, что ей только что пришлось увидеть за окном.

Спускаясь вниз по лестнице с намокшим постельным бельем в руках, она вдруг осознала, что всё случившееся ей привиделось. Койоты не могли так высоко прыгать. Конечно же, это всё следствие переутомления: переутомленный мозг с кофеином создал это видение. Ее ноутбуку был нанесен ущерб, кровать промокла, и впереди её ждала целая ночь без сна...

Как-то раз соседка принесла ей книгу, которую она очень советовала ей прочесть, но Линду небылицы абсолютно не интересовали. Но теперь ей не оставалось ничего лучшего, как взяться за чтение, и она сняла книгу с полки. Линда несколько растерялась, глядя на мрачную обложку и нелепый заголовок «Перевёртыши: Мифы или чудовища». Соседка полагала, что именно эти перевёртыши виновны в исчезновении предыдущей хозяйки дома, — злобные духи, обладающие способностью принимать облик любого животного. Со слов соседки, старушка верила в то, что подобные существа преследуют её. Раньше Линда списала бы всё это на старческое слабоумие, но теперь у неё появился интерес к этой теме. Она пролистала книгу в поисках каких-нибудь сведений о летающих койотах, но так ничего не нашла. Тогда она откинулась на диван и позволила себе расслабиться. Снова вернулись сны: нагромождение причудливых образов, пустынный кустарник, свет

и тьма, ее босые ноги бегут по пыли и камням, шипы кактусов и колючки царапают ее тело, тело разрывается на части, кружится в воздухе и падает...

Она проснулась в ужасной панике. Сердце билось как сумасшедшее. Линда вскочила и стала ходить по комнате взад и вперед, словно пойманный зверь в клетке, чувствуя на себе чьи-то взгляды, нет, не через окно, а рядом с ней, в каждой комнате. Терпеливые, спокойные, голодные глаза. Она заварила себе ещё одну чашку кофе, вытащила постельное белье из стиральной машины и запахнула его в сушилку. Под знакомые звуки сушильного барабана она немного пришла в себя.

И всё-таки Линда не могла избавиться от ощущения, что в доме был кто-то ещё. Ей чудились какие-то призраки, там, где их не должно было быть, — низкорослые темные существа, которые тут же исчезали, как только она смотрела в их сторону. В полуобморочном состоянии она стояла посередине своей гостиной, сжимая в руке чашку кофе, озиралась по сторонам, словно зверёк, пойманный в ловушку. Ей бы выбраться из неё, куда-то убежать. Хотя бы к соседке. Но как можно в четыре утра стучаться в чью-то дверь — в пижаме, на которой проступают мокрые кофейные пятна, — чтобы рассказать о каких-то призраках? И она ни за что не станет подниматься по лестнице в свою комнату, к тому окну, где ей привиделся койот. Призраки становились все наглее, легко ускользали от её взора, но не исчезали. Она чувствовала, как они приближаются. Что-то метнулось к ней со стороны дивана. Она выронила чашку кофе и выскочила через парадную дверь на улицу.

Высоко над ней протянулся Млечный Путь, — как знамя, повисшее между высокими скалами Каталины на западе и низкими холмами Ринконы на востоке. Что-то большое и темное пролетело над ее головой. Сова, подумала она и побрела в ту сторону, где ярко горели огни города, придерживаясь середины дороги, освещенной желтыми уличными фонарями, и краем глаза следя за призраками, которые плотно обступали её со всех сторон. Она бросилась бежать босиком по мостовой. Фалды её халата развевались за спиной. Она чувствовала, как призраки преследуют её, — эти темные существа, темнее ночи, эти мелькающие тени среди звезд. Сначала они были где-то далеко, теперь всё ближе и ближе, совсем рядом, за спиной. Она слышала скрежет их когтей по тротуару, их тяжелое дыхание, радостные вопли. Вот одна тень мелькнула перед ней, затем другая. Она свернула с дороги прямо в кусты, помчалась мимо кактусов вдоль одного из многочисленных оврагов, которые пересекали пустыню. Каждый вдох отзывался нестерпимой болью в грудной клетке. Ноги в кровотокающих ссадинах отказывались бежать, и, наконец, она рухнула навзничь. Она чувствовала их приближение и ощущала, как сильно изодрана её кожа, повреждены мышцы и разорваны сухожилия. Затем она перестала что-либо чувствовать, просто стала проваливаться в темноту, вращаясь в безмолвном пространстве...

Жаркое солнце поднялось над горами и разбудило ее. Линда лежала неподвижно на песке, наблюдая, как неподалеку медленно и важно бродит выводок белых куропаток. Ее рот был набит песком, бескровные губы в пыли, волосы прилипли к коже, но она совсем не чувствовала боли. Скорее наоборот, она чувствовала себя отдохнувшей впервые за долгое время. Она встала, отряхнулась и побрела в кусты, оставляя глубокие вмятины на песке — единственное свидетельство того, что она была здесь когда-то...

ДМИТРИЙ КОПЬЁВ

Россия, республика Карелия, г. Петрозаводск

ФЕЙЕРВЕРК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У Василия Петровича был баритон. Мягкий, глубокий, проникающий в самую душу... Когда он пел, делалось впечатление, будто вы попали в огромный мыльный пузырь, в котором вибрируют стены и слушателей обволакивают тёплые, ласкающие волны...

Любимый его певец был Муслим Магомаев. Василий Петрович частенько советовал, что артист рано ушёл со сцены, в результате чего его место быстро заняли остававшиеся в тени Кобзон и прочие. Был ещё Захаров, но с тем случилась неприятность. А Хворостовский, тот вообще, олицетворял собой целую Вселенную, Космос... Только вот Муслим для Василия Петровича всё равно оставался всех ближе ...

Василий Петрович работал мастером цеха на обувной фабрике, а свой талант проявлял и совершенствовал на сцене местного ДК, выступая как в сольных концертах, так и вместе с районным народным хором.

Большинство хора составляли женщины и молодые девушки, мужчин было всего пятеро, не считая баяниста, и все возраста довольно солидного, так что в этом цветнике Василий Петрович всегда находился в приподнятом состоянии духа, поскольку был весьма влюбчив и ценил женскую красоту.

И хотя Василий Петрович имел внешность довольно скромную, и возраст его перевалил уже за отметку сорок, у него было счастливое качество человека общительного, компанейского, бойкого на язык. Так что в любом коллективе он был всегда человеком своим, а в некоторых случаях даже незаменимым.

И жена у Василия Петровича, Анфиса Петровна, работавшая в местной больнице заведующей кардиологическим отделением, также была общительной и весёлой, и также участвовала в художественной самодеятельности, только в кружке бальных танцев, и получала от этого занятия большое удовольствие. Так они и ходили с Василием Петровичем в этот ДК вместе, один — петь, другая — танцевать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И вот раз в народном хоре появилось новое лицо, молодая, довольно симпатичная девушка Настя. Ну, казалось, появилась себе и появилась, и очень даже хорошо, что появилась. Однако в настоящем случае произошло то, что часто бывает в жизни, то, что неожиданно поворачивает эту самую жизнь круто в сторону.

Василий Петрович влюбился в Настю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У них начался бурный роман.

Василий Петрович, будучи человеком честным и романтическим, не особенно скрывал эти новые обстоятельства, так что Анфиса Петровна недолго оставалась в неведении. Однако она была женщиной умной и сдержанной, и не спешила что-то изменять в привычном порядке их общего с Василием Петровичем жизненного уклада, и заняла выжидательную позицию, подготавливая себя морально к грядущим неизбежным потрясениям. Разумеется, речи о семейной идиллии уже не шло. Они стали меньше общаться, делиться новостями, разговоры на привычные темы отошли на второй план, прежние естественные отношения стали натянутыми. Муж и жена словно прятались друг от друга, стараясь не причинить друг другу боли...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

А между тем, у Василия Петровича, образно выражаясь, выросли крылья. Более того, эти крылья продолжали расти день ото дня. Приливы вдохновения накатывали на него буквально ежечасно, и талант его обрёл второе дыхание. Песни любимого Муслима Магомаева рвались из души наружу, он пел их своей возлюбленной в её крошечной квартирке так, что стены содрогались в унисон призывам «Ээххх!», вдоль по Питерской», а соседи, возможно, сперва с удовольствием прослушивавшие репертуар великого баритона, в конце концов заволновались, и один старичок вызвал как-то наряд полиции, мотивируя свою обеспокоенность непрекращающимися пьяными оргиями за стеной. Наряд полиции приехал, Василий Петрович спел служивым «Надежду, мой компас земной», чем заслужил оvation слушателей, а старичок, в свою очередь, заслужил штраф за ложный вызов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

И вот случилось то, что назревало последние месяцы. Василий Петрович вернулся домой. Он был как-то особенно сосредоточен, печать глубокой озабоченности отражалась на его челе. Во время ужина он не произнёс ни слова, закончив же, вытер салфеткой рот и сказал: «Анфиса, извини. Я ухожу»...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

И он переехал к Насте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Настя была девушка очень живая и влюбчивая. Она любила мужчин, влюбляющихся в неё, любила посторонних людей, поклонников, ценителей и обожателей её сценического и певческого таланта, любила своих друзей, которые восхищались её умом, обаянием, и прочими, присущими ей замечательными качествами, но больше всего на свете она любила себя, и восторгалась собою, как маленькая девочка, искренне и совершенно бескорыстно. И это милое, невинное качество чрезвычайно нравилось Василию Петровичу и он всячески поддерживал эту игру в «здоровскую» и «клёвую» Настю.

И так они проводили время, беззаботно, с походами в рестораны, встречами с многочисленными друзьями Насти, и строили планы на будущее, в котором ожидалось бесконечно много радостных минут, путешествий по миру и самых неожиданных и приятных открытий.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Анфиса Петровна ждала неделю. Течение её жизни немножко притормозилось и сделалось похожей на сон, в котором всё немножко смазано и нелогично. Она не могла сосредоточиться ни на одном деле, прежние привычные занятия потеряли всяческий смысл, ценности обесценились, и все окружающие предметы, будто почувствовав свободу, перестали слушаться и валялись из её рук.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Спустя неделю Анфиса Петровна очнулась от своего странного сна. Неожиданно, почувствовав неведомый толчок, она бросилась к Интернету и закинула в сеть вопрос о том, как избавить мужа от любовного наваждения.

Изучив десятки занимательных страниц, просмотрев и прослушав популярных гадалок и прорицательниц, Анфиса Петровна составила небольшую подборку, должную послужить ей руководством к действию.

Из опасения, что по неопытности своей может сделать что-нибудь неточно и совершить непоправимую ошибку, она выбрала наиболее простое, но, как ей показалось, самое действенное заклинание.

Дождавшись определённого часа и трижды произнеся избранный текст, она произвела несколько предписанных магических манипуляций и, опустошённая морально и физически, легла спать.

Ночью ей снились кошмары.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В ту же самую ночь, после праздничного, при свечах, с хорошим вином и изысканными блюдами ужина, с Василием Петровичем случилась беда. У него сильно заболела голова, так сильно, что пришлось вызвать «скорую». Врач поставил диагноз «инсульт», и Василия Петровича повезли в больницу. По дороге он потерял сознание и впал в кому.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Анфиса Петровна прибежала в больницу, и первой, кого увидела она в реанимационной палате, была заплаканная Настя, сидевшая возле неподвижно лежавшего Василия Петровича.

Анфиса Петровна молча села напротив соперницы.

Они так и сидели, не проронив ни слова, пока Настя не встала и, утирая глаза платочком, не вышла из палаты.

Тогда Анфиса Петровна спросила:

— Василий Петрович, ты меня слышишь?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Поскольку Анфиса Петровна сама работала в больнице и имела возможность выбирать время для посещения мужа, она легко сумела минимизировать свои встречи с соперницей, и таким образом, Настя и Анфиса Петровна стали посещать Василия Петровича в разное время.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Настю хватило на семь дней.
Потом она перестала приходить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Анфиса Петровна каждый день разговаривала с Василием Петровичем, делилась с ним текущими новостями, вспоминая смешные и трогательные истории из их жизни в прошлом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Через семнадцать дней Василий Петрович пришёл в себя.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Процесс выхода из болезни был мучительным. Отнялась правая половина тела, он потерял речь. После длительного лечения чувствительность руки и ноги более или менее восстановились, однако передвигаться отныне он мог только при помощи трости, да и то, с большим трудом. Походка его сделалась неустойчивой, ноги он переставлял с такой осторожностью, будто шёл по мокрому льду, вдобавок при сильном порывистом ветре. Но самое печальное было то, что способность к привычному человеческому общению, то есть, умение произносить слова, похоже, утратилась навсегда, и звуки, которые Василий Петрович пытался транслировать окружающим, не несли в себе информацию, которую те способны были понять. Так что ему приходилось дополнять свою речь жестами, мимикой лица и интонационно, то есть так, чтобы понятно было, когда он разочарован, недоволен, или напротив, рад чему-то, и его всё устраивает. «Ти-ти-ти», либо «Та-та-та», или «То-то-то» — примерно так объяснялся Василий Петрович, не более того.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Впрочем, взаимопонимание между Василием Петровичем и Анфисой Петровной наладилось довольно скоро, и Анфисе Петровне не составляло труда распознавать каждое слово мужа, и даже предугадывать его желания. Она перевезла Василия Петровича в родной дом, и они зажили вместе, почти так, как прежде.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В новой действительности отсутствие привычного дела, связанного с работой на фабрике, воспринималось Василием Петровичем как утрата собственной значимости и полезности обществу. Но настоящая трагедия заключалась для него в том, что он потерял возможность заниматься любимым делом: участвовать

в художественной самодеятельности и дарить слушателей и поклонников своим талантом, блистая своим прекрасным бархатным голосом.

Анфиса Петровна понимала это и потому постаралась обставить жизнь Василия Петровича таким образом, чтобы он не тяготился своим положением. Она, сколько умела, окружила мужа заботой, подолгу гуляла с ним, водила его всякий раз на репетиции в Дом культуры и на концерты, и время от времени в кино, а дома старалась занять вынужденный досуг чтением книг и обсуждением текущих событий внутренней и внешней политики.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Василий Петрович много читал, смотрел телевизор, точнее сказать, старался много читать и смотреть. Однако скоро он осознал, что ему не интересны ни чтение, ни то, что происходит в телевизоре. Это всё было о чём-то другом, о том, что не имело к нему никакого отношения, и все сюжеты, которые описывались в книгах и разыгрывались на экране, не могли ни трогать, ни волновать его, и вызывали лишь стойкое раздражение по поводу напрасно потраченного времени.

Пробовал он найти точку опоры в Интернете. Однако, поскольку опыта в этом деле у него не было, он так и не смог понять, что ему, собственно, нужно от этого самого Интернета, что именно он хочет там найти. Потыкавши кнопки, и не найдя ответа на вопросы, которые сам не мог сформулировать, он оставил бесполезное занятие...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Был у Василия Петровича и Анфисы Петровны ещё один член семьи, пёс по имени Пират. Самой обыкновенной, неизвестной породы, обыкновенного роста, с короткой рыжей шерстью и выдающимся тёмным пятном вокруг левого глаза, что, очевидно, явилось поводом к избранию его имени, он сделался верным собеседником Василия Петровича. Василий Петрович выговаривал ему своим странным языком всё, что накопилось на душе, всё, что не умели понимать окружающие его люди. Впечатление от того, что бессловесный слушатель понимает каждое его слово, успокаивало, примиряя на время с новой действительностью. «Ти-то-то, та-та-та», — говорил Василий Петрович, а Пират вздыхал, деликатно пряча глаза, и незаметно засыпал под баюкающую музыку слов...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Однако, несмотря на старания Анфисы Петровны, несмотря на то, что Пират готов был безропотно выслушивать излияния хозяина, большую часть времени Василий Петрович вынужден был проводить наедине с своими думами. Мыслительный процесс был непрерывным и не оставлял его ни днём, ни особенно ночью, во время бессонницы, когда желание встать и заняться каким-нибудь делом, разбивалось осознанием того, что нет у него никаких особенных дел и занятий, и что впереди его ждёт бесконечно длинный день, а за ним та же бессонница, то есть, нечто уныло-беспросветное, неизменное, вплоть до самого конца. И мысли о конце в связи с этим приходили, пожалуй, чаще других.

Неожиданно, расхожие фразы о том, что всех нас ждёт одно и то же, приобрели реальное, вполне осязаемое значение в том смысле, что пускай финальная

дата не была ещё назначена с определённой точностью, но приготовления к событию начинались прямо сейчас, сегодня, бесповоротно и совершенно неизбежно. И ужасающая картина окончания всего, картина исчезновения окружающего мира, открылась перед его мысленным взором.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Если раньше, в минуты отчаяния, которые посещают едва не каждого человека хотя бы раз в жизни, он, как многие, столь же простодушные и наивные люди, представлял себе свою смерть в виде сна и сопутствующих этому сну сновидений, теперь понял, что смерть будет означать только одно, а именно, что не будет никаких снов, и не будет никаких сновидений, ничего не будет, и что Вечность, которая откроется ему за роковой гранью, останется непознанной им, поскольку в этой Вечности не будет места сознанию его, сознанию Василия Петровича, а будет лишь отсутствие всего, что только может отсутствовать, и даже собственное своё отсутствие он никак не сможет оценить...

И это абсолютное отсутствие, отсутствие вечное, без пробуждения, без начала и конца, без возможности оценки того, что происходит вокруг, больше всего пугало его в будущей неизвестности, и давние детские страхи возродились в нём и вызвали к жизни воспоминания, тягостные и жуткие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ему вспомнилось, как когда-то давно, в детстве, они сестрой Иришкой шли весёлым летним деньком по улице и вдруг увидали впереди перегораживающую тротуар и проезжую часть большую толпу людей. Люди стояли довольно плотно и у многих в руках были цветы, из чего можно было вывести, что готовится какой-то праздник. Подойдя ближе, брат и сестра принялись продираться сквозь толпу, как вдруг, резко и очень громко грянула музыка. Буханье большого барабана, звон литавр, гнусаво-медные, тянущие душу звуки составляли мелодию этой музыки. Василий и Иришка оглянулись и увидели нечто, чего никак не предполагали увидеть, и от увиденного кровь застыла у них в жилах и мурашки электрическим током пробежали по всему телу. Над толпой медленно и торжественно плыл, обитый красной материей продолговатый ящик, и в нём неподвижно лежал дядька с страшным в своей неподвижности восковым лицом, запавшими глазами и выделяющимся крючковатым носом. Брат и сестра взвизгнули от ужаса и опрометью бросились прочь. Прибежав домой, они долго не могли прийти в себя, и в эту ночь никак не могли заснуть.

Впрочем, Иришка, как старшая сестра и человек с более устойчивой психикой, легче справилась с потрясением, а вот у Василия начались ночные кошмары. Как только, ложась спать, он закрывал глаза, являлся страшный дядька. Чтобы отогнать видение, пришлось засыпать с включённым светом, что, впрочем, помогало лишь отчасти. Ночные мучения продолжалось довольно долго, однако время лечит любые раны. Постепенно видение становилось всё расплывчатее, пока окончательно не исчезло, спрятавшись где-то в глубинах памяти.

С тех пор Василий стал очень нервно реагировать на всё, что связано с процессуальными церемониями. В те давние годы было принято выносить усопших прямо из подъездов домов, и Василий, возвращаясь домой со школы, ужасно бо-

ялся встретить, заворачивая за угол, похоронную процессию, а медно-гнусавые звуки мелодии Шопеновского марша с тех пор сделались для него самыми неприятными звуками на свете...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Впечатление от первого столкновения со смертью наложило глубокий отпечаток на сознание Василия Петровича. С течением времени у него составилось определённое убеждение, что действия, к каким прибегают люди, обставляя прощание с близкими, имеют весьма отдалённое отношение к сути происходящего. Вместо того, чтобы как можно бережнее сохранить в памяти живой образ ушедшего, полагал Василий Петрович, люди тратят силы на совершение строго регламентированных в своей последовательности обрядов над оставшейся после него неживой оболочкой, то есть над чем-то совершенно чуждым и противоположным жизни. Но именно это неживое они для чего-то обряжают и украшают, обкладывая цветами, и всматриваются в это неживое, желая запомнить его в этом состоянии как можно дольше, тогда как естественнее было бы запомнить и сохранить в памяти то живое, человеческое, которое оживляло эту оболочку и было единственно значимо для окружающих, любимо ими, оставить себе свет, который излучал ушедший, и который согревал их во всём протяжении жизни...

И вся последовательность обрядов, всё это жуткое разглядывание неживого, все эти цветы и памятники, на холодной мраморной поверхности которых улыбались похожие на живых, но уже неживые люди, наконец, само старательное запечатывание останков в ящик и дальнейшее закапывание их в землю, туда, в самую глубь, подальше, куда-то в подземное царство червей, для того будто, чтобы из этой глубины уж точно, невозможно было выбраться наружу, всё это наводило на Василия Петровича жутчайшую тоску, и когда он сталкивался с необходимостью присутствия на прощальных мероприятиях, он старался, не протестуя, впрочем, и не пытаясь оспорить никоим образом правильность поведения окружающих, старался по возможности минимизировать собственное своё участие, оставаясь в сторонке, на возможно приличном расстоянии от происходящего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Но теперь, вследствие приближения к нулевой точке, Василий Петрович с ужасом вдруг осознал, что и с ним самим неизбежно поступят точно так же, то есть, обрядят в новенькую, с иголочки одежду, поместят в ящик, обложат тело цветами, и будут долго, с жадной жалостью вглядываться в мёртвое восковое лицо, не замечая подмены, потому что мёртвое лицо это не будет иметь ничего общего с Василием Петровичем, жизнерадостным, весёлым человеком, обладателем великолепного баритона, душой компании... Не улыбнётся это лицо, и не споёт, не расскажет анекдот... Нет потому здесь никакого Василия Петровича, нет.... Наконец, нагладевшись, люди накроют ящик крышкой и старательно заколотят крышку гвоздями, чтобы продемонстрировать окружающим последнюю, самую звучную и многозначительную точку в жизни человека. Затем ящик опустят в яму и засыплют землёй.... И Василия Петровича охватил ужас, и он понял, что нужно что-то делать...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Он сел перед компьютером и принялся торопливо, одним пальцем левой руки набирать текст. Печатал он волнуясь, исправляя фразы, и в итоге получилось следующее: «Находясь в здравом уме и твёрдой памяти, и полностью отдавая отчёт своим словам, наказываю: после моей кончины не совершать надо мною никаких обрядов, не проводить прощальных церемоний, тело же незамедлительно кремировать. Прах затем прошу зарядить в петарду и выстрелить в воздух в виде фейерверка. Василий Петров».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Когда с работы вернулась Анфиса, Василий Петрович подвёл её к монитору и показал запись. Прочитав, Анфиса Петровна, не находя слов, молча взглянула на мужа.

— То-то-то! — горячо залопотал тот, сопровождая свою речь жестиками здоровой руки. — Та-ти! То-то-та! То-ти-та-та-то! То-то-та!...

Анфиса Петровна поняла общий смысл сказанного, но Василий Петрович, чтобы не оставалось никаких сомнений, обернулся к компьютеру и, отчаянно стуча по клавишам и в спешке допуская орфографические ошибки, набрал: «Не хочу, чтобы меня разглядывали неживого... Хочу, чтобы меня запомнили живым. Хочу фейерверк...».

Прочитав, Анфиса Петровна расплакалась.

Василий Петрович встал и, оставив жену плакать, заковылял на балкон.

Он стоял и смотрел на освещённые окна соседнего дома, в которых происходила обыкновенная, самая обыкновенная жизнь. Люди ходили, о чём-то беззвучно разговаривали друг с другом, готовили на кухне, смотрели телевизор... Василий Петрович вдруг понял, что со всем этим, с своим недугом, женой, телевизором, равно как и с жизнью окружающих людей, ему ещё жить и жить. И придётся, хочешь не хочешь, с этим мириться и не роптать, потому что впереди будет — фейерверк...

На балконе было довольно свежо, и его вдруг поманило тепло комнаты за спиной. И ему захотелось прямо сейчас вернуться в это тепло, сесть и почитать какую-нибудь умную книжку, желательно, с интересным сюжетом, а потом поговорить о чём-нибудь с Анфисой Петровной, а перед сном выпить горячего чая с мягкой булкой...

На балкон вышла Анфиса Петровна, подошла, обняла мужа за плечи.

Вслед за ней появился Пират и остановился в балконном проёме.

Помолчав немного, Анфиса Петровна сказала:

— Будет у нас фейерверк, будет...

Пират, стуча хвостом по дверному косяку, тыкался мокрым носом в ладонь Василия Петровича.

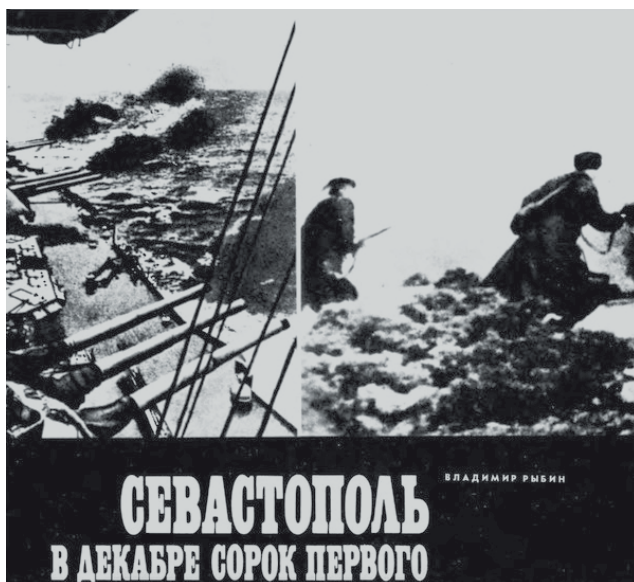
— То-то-то! — сказал Василий Петрович. — Та-та-то...

— И правда, становится зябко, — согласилась Анфиса Петровна. — Пойдём домой...

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ

Летопись Великой Отечественной... Документальный рассказ Вл. Рыбина «Севастополь в декабре сорок первого»:

Перед рассветом корабли вошли в густой туман и снизили ход. Потом и во- все легли в дрейф: впереди были минные поля. Туман заливал море сплошной непроницаемой мутью, потом он посветлел, и сгустки его холодными бесфор- менными медузами пластались по палубам, пеленали надстройки, заползали в коридоры, переполненные, как и все помещения на кораблях, измученными качкой людьми. Было тихо, только волны монотонно ухали под бортами. Даже в радиорубках была необычная тишина: в целях маскировки строжайше соблю- далось радиомолчание.

Невысокий, коренастый человек неподвижно стоял на открытом крыле мо- стика, втянув голову в плечи. Кожаный реглан, туго перетянутый ремнём, поблескивал от сырости.

Время от времени человек поёживался, словно ему было знобко тут стоять, и тогда он доставал аккуратно сложенный белый платок, снимал фуражку и вы- тирал лысую голову таким торопливым движением, словно ему было жарко. За- тем резко опускал руку, отчего с рукава, украшенного большой звездой и тремя серебристыми полосами, срывались капли воды и падали на влажную палубу. Че- ловек снова застывал в неподвижности, устремив напряжённый взгляд в серую муть тумана. Его думы были нелемки в этот час, и потому толпившиеся на мости- ке командиры не подходили к нему, не мешали. Командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Октябрьский с досадой думал о том,

что всё получается не так, как хочется. Такая была задумана операция, что, может быть, изменила бы всю обстановку на Южном фронте: внезапным десантом овладеть Керчью и Феодосией, высадить войска, а затем совместным ударом от Севастополя и Керчи выбросить немцев из Крыма. Но Манштейн опередил, начав штурм Севастополя, и приходится часть войск, предназначенных для высадки в Керчи, перебрасывать в Севастополь, приходится по приказу Ставки самому мчаться сюда, отстранившись от руководства намеченной десантной операцией. Почему немцы всё время опережают? Почему?

Конечно, он понимал, что всё дело в стратегической инициативе: пока она в руках противника, трудно что-либо изменить. Но от такого понимания легче не становилось, даже разгоралось желание теперь же, немедленно, ошеломить врага, чтобы он не сразу пришёл в себя и бежал, растерянный, не понимающий, что происходит. Такой операцией может стать та, задуманная Керченско-Феодосийская...

И вот теперь приходится ждать, пока рассеется туман. Но это значит дать себя обнаружить противнику. А у него близки аэродромы, артиллерия. Ладно бы просто бой — боя моряки не боятся, но главная задача этого похода — доставить в Севастополь подкрепления, высадить в целости тысячи людей, которыми до отказа забиты корабли. Может быть, уйти далеко на юг и вернуться следующей ночью? Но где гарантия, что немцы за сутки не продвинулись к Северной бухте? Тогда уж в неё не войти...

Октябрьский снова достал платок, вытер голову и вдруг подумал, что прорыва эскадры в Севастопольскую бухту среди бела дня противник наверняка не ждёт. Массированный налёт авиации опасен только в море, а там, в бухте, корабли будут под прикрытием всей артиллерии оборонительного района, всей авиации, пусть малочисленной, но героической. Да своя корабельная артиллерия, да дымзавесы...

Мысль была рискованная, но заманчивая. Она всё возвращалась и, наконец, полностью завладела Октябрьским. Тральщик, который должен был встретить эскадру, затерялся в тумане, значит, надо поставить головным, скажем, лидер «Харьков» и, когда туман начнет рассеиваться, всем кораблям лечь в кильватер. Главное — пройти опасный минный район на подходе к береговому фарватеру у Балаклавы, а там по береговым ориентирам можно выйти к мысу Фиолент и лечь курсом на Херсонесский маяк... Рассудить — всё просто. Но как получится?

Был уже совсем день, когда туман начал редеть. Это заставило Октябрьского поторопиться отдать нужные распоряжения. И вот призраками заскользили громады кораблей в белой мгле — лидер «Харьков», крейсеры «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Быстрый», «Незаможник». Облегчённо вздохнули, лишь когда обогнули мыс Херсонес и легли курсом на Инкерманский створ. Почти дома...

И тут взметнулся неподалёку первый белый фонтан.

Октябрьский знал, что сейчас, в эту минуту, артиллеристы уже наносят на планшеты место немецкой батареи, открывшей огонь по кораблям. Но знал также, что немцы постараются не упустить возможности помешать кораблям прорваться в бухту, и потому к первой батарее будут присоединяться всё новые. Знал он и то, что командующий ВВС генерал-майор Остряков поднял в воздух все имеющиеся самолёты, поставив перед ними задачу — не ввязываться в бои с истребителями, а делать только одно: всеми силами мешать бомбардировщикам выходить на корабли. Но хорошо, если немцы не успеют поднять все свои

самолёты, которых у них не в пример больше. Как бы там ни было, медлить не следовало, и он отдал распоряжение ускорить движение и даже в бухту входить, не снижая скорости.

Это была величественная и грозная картина, какой никто ещё не видел с начала обороны Севастополя. Потому что никогда ещё за последние месяцы эскадра среди белого дня не входила в бухту. Гул воздушных боёв, разговарившихся в блеклом, затянутом несплошной облачностью небе, треск сотен зенитных орудий и пулемётов, глухие утробные взрывы снарядов и бомб, рвущихся в воде. Пенные буруны идущих на полной скорости кораблей среди вздымающихся и опадающих белых столбов воды. Концевой «Незаможник» то и дело совсем исчезал за частоколами этих гигантских всплесков, но и ему каким-то чудом удавалось избежать прямых попаданий. Всё это смешивалось с отдалённым вибрирующим гулом непрерывного боя на Мекензиевых горах, откуда до бухты было всего несколько километров.

Плотная вуаль дымовой завесы затянула бухту. Но самолёты всё ревели где-то совсем низко, и в какой-то миг Октябрьский увидел громадные, как бочки, авиабомбы, падающие прямо на крейсер. Невольно втянул голову в плечи. Корабль дёрнулся раз и другой: две бомбы рванули близко по правому борту, две другие — по левому. Это было везение, каким не часто балует фронтовая судьба. Но почему самолёт, не видя крейсера, так точно вышел на него? И тут же Октябрьский понял: потому что над низко стелющейся дымовой завесой видны мачты. Он дал команду кораблям рассредоточиться, каждому идти к заранее обусловленному месту швартовки и сразу почувствовал, как «Красный Кавказ» начал забираться влево: командир корабля знал Северную бухту, как свою каюту.

В стелющейся дымной пелене Октябрьский увидел небольшой катер, идущий наперерез крейсеру, и догадался: не выдержали командующие, мчатся навстречу. Катер ошвартовался на ходу, и по сложному выражению лиц поднявшихся на палубу контр-адмирала Жукова, генерал-майоров Петрова и Моргунова, выражению, в котором были и тревога, и облегчение, и радость, понял Октябрьский, как нелегко им тут было все эти дни, как ждали они помощи, какую надежду возлагают на доставленные подкрепления.

Сухарная балка, где разгружался «Красный Кавказ», была, пожалуй, самым безопасным местом всей Северной бухты — крутые обрывы создавали мёртвое, не простреливаемое вражеской артиллерией пространство. Но бойцы 79-й морской бригады, прибывшей на этом корабле, не медлили с разгрузкой. Можно было залюбоваться, как стремительно скатывались они по трапам и исчезали на берегу, словно врастали в белые скалы. Специально выделенные люди сразу же вводили подразделения бригады на исходные рубежи.

Адмиралам и генералам некогда было любоваться разгрузкой; на том же катере они пересекли Северную бухту, вошли в Южную и высадились на бетонный пирс возле входа в казематы флотского командного пункта, где был и штаб СОРа — Севастопольского оборонительного района. Здесь, в глухой тишине подземелья, где даже шёпот казался слишком громким, командующий сухопутными войсками Петров, командующий береговой артиллерией Моргунов и подъехавший позднее командующий ВВС Остряков докладывали Октябрьскому о непрерывных атаках, бомбёжках, массированных обстрелах, об упорном стремлении противника прорваться, проломиться, хоть просочиться через нашу оборону.

В этот самый час противник массой пехоты и танков навалился на совсем истаявшие полки кавдивизии, в каждом из которых не насчитывалось и сотни бойцов. «Держимся и будем держаться», — заверил штаб сектора командир 149-го кавполка подполковник Калужский. А через несколько минут он был опрокинут очередью из танка, прорвавшегося на КП дивизии. Сам комдив полковник Кудюров встал к противотанковой пушке, заменив убитого наводчика. И он-таки достал ближайший танк. Но следующий достал его, прямым попаданием растерзав и орудие и комдива. Бойцам удалось отсечь пехоту от танков, и это предопределило провал немецкой атаки. А потом на почти опустевший участок обороны были переброшены разведбат 95-й дивизии и сапёрный батальон, и оборона не рухнула. Держал свои позиции снова оказавшийся в окружении, совсем обезлюдевший полк Дьякончука. С трудом, но всё-таки отбивали атаки чапаевцы, моряки 8-й бригады...

Подробности этих боёв ещё не дошли до высших штабов, но уверенность, что оборона выстоит, не покидала никого. Теперь, когда в Севастополе эскадра с её мощной артиллерией, когда так удачно, без потерь, доставлено пополнение, прорыв врага к бухтам казался и вовсе уж нереальным.

Восьмая бригада морской пехоты, после многодневных жестоких боёв выведенная в резерв, меньше чем через сутки снова была поднята по тревоге. Командир бригады полковник Вильшанский, вызванный генералом Петровым к высоте 60 для получения боевой задачи, понимал, что других резервов ни у сектора, ни у армии нет, и потому ничего не сказал командарму, не задал ни одного вопроса. Хотя сказать и спросить было что: двадцать два часа — не время для приведения в порядок измотанной в боях части.

— Противник прорывается к тридцатой батарее, — говорил командарм. — Ваша задача: прикрыть её. Как важна для нас «тридцатка», вам, надеюсь, ясно без объяснений?

— Ясно, товарищ генерал...

КП, куда пришли полковник Вильшанский и комиссар Ефименко, напоминал боевую рубку корабля. Это и была рубка, снятая со старого линейного крейсера. Командир 30-й батареи береговой обороны, смуглый и худощавый капитан Александр был весьма обрадован пехотной поддержкой: отсутствие надёжного прикрытия пугало его больше, чем тысячекilограммовые бомбы, которыми противник не раз пытался вывести батарею из строя. Откуда-то из бетонных глубин «форта» прибежал военком старший политрук Соловьев, с ходу начал рассказывать о только что состоявшемся открытом партийном собрании, на котором было твёрдо решено: взорваться вместе с батареей, но не сдаваться.

— А мы не для того сюда пришли, чтобы вы взрывались, — сказал Вильшанский. — Если уж погибать, так в бою. Готовы ли ваши люди быстро выйти наверх? Сколько у вас автоматов, гранат?..

И пошёл уже спокойный разговор о том, как и в каких случаях вести себя, чтобы не допустить врага к батарее.

А в километре от бронированных куполов с мощными жерлами орудий оккупывались в промёрзшем каменистом грунте поредевшие батальоны восьмой бригады. За их спиной, вдалеке, темнели дома казарменного городка и виднелась на склоне надпись, выложенная камнями: «Смерть Гитлеру!» Склон пестрел пят-

нами воронок, похоже было, что немцы не раз пытались «стереть» эту надпись бомбёжками и артобстрелами.

Ночь прошла спокойно, а утром на не успевшие как следует окопаться подразделения обрушился огневой налёт. И едва рассеялся дым разрывов, моряки увидели перед собой танки и вражескую пехоту, сплошной сыпью испятнавшие склоны холмов.

Первую атаку отбили. Отбили и вторую, и третью. Теперь склоны были усыпаны трупами, горели танки, но немцы вновь и вновь поднимались в атаку, и к полудню совсем истаявшие подразделения морских пехотинцев отошли за городок. И Вильшанскому и Александру было уже ясно, что ещё немного и враг подойдёт вплотную к орудийным башням, и тогда всем придётся укрыться в бетонных подземельях и вызвать на себя огонь других батарей. А если это не поможет, то что же — взрываться? Нужно было придумать что-то другое.

— Мы можем развернуть одну башню и попробовать шрапнелью, — предложил Александр.

Вильшанский поёжился: двенадцатидюймовка, бьющая в упор шрапнелью, — страшно даже представить. Но и это не спасало.

Связь работала безупречно, и Вильшанский легко связался с командармом, доложил обстановку.

— Что же решили? — спросил Петров.

— Решили просить обработать огнём других батарей казарменный городок, где засели немцы, потом хорошо бы авиацию.

Это было равносильно вызову огня на себя, потому что от городка до батареи рукой подать, и Петров задумался.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Готовность к тринадцати часам. Оставьте только несколько пулемётов, чтобы прикрыть подходы к башням. Потом решительной контратакой отбросить противника...

Вильшанский положил трубку, повернулся к Александру:

— Задраивайте все входы и выходы, выставляйте к ним охрану. А мы далеко не уйдём, не беспокойтесь.

К 13 часам подразделения бригады оттянулись в лошину за батареей. Вильшанский нервно похаживал по чёрной, протоптанной до земли меж снежных заносов тропинке под обрывом и то и дело поглядывал вверх, где по склонам залегли его бойцы. Было тихо, и тишина эта угнетала больше, чем артобстрел. Ни с кем он не разговаривал, и никто ему не задавал вопросов. Все напряжённо ждали, понимая, что если немцы оседдают башни, то Александр вызовет огонь на себя. Бронированные башни выдержат, но не пострадают ли орудия? А главное — не успеют ли немцы заложить взрывчатку? Ни у кого не было сомнения, что главная задача всех этих немецких атак в том и состоит, чтобы если не захватить, то хотя бы вывести из строя, взорвать так мешавшую им батарею, самую мощную во всём оборонительном районе.

Когда чего-либо долго и напряжённо ждёшь, это долгожданное обрушивается внезапно. Вильшанский вздрогнул от близких сплошных разрывов, побежал по склону туда, где лежали наблюдатели. И без бинокля было хорошо видно, как мечутся немцы среди частых всплесков огня. Вскоре дым и пыль совсем затянули полуразрушенные дома, но в этом чёрном мареве всё частили огненные всплески.

Едва затихла артиллерийская канонада, как сразу же, почти без паузы, загудело небо. И снова в густом дыму замельтешили всполохи разрывов. Вильшанский насчитал десять самолётов, делавших над городком один за другим, и снова подивился: при малости авиации в Севастополе — такой подарок?! Это убедительнее любых слов говорило о том, какое значение придаёт командование СОРа 30-й батарее, какая ответственная задача стоит перед бригадой.

Контратака началась сразу, как улетели самолёты. То ли встречный огонь был не таким уж плотным, то ли немцы, уцелевшие после артобстрела и бомбёжки, поняли, что контратакующих не остановить, и сами побежали, но уже через час бригада вновь осваивала недорытые за ночь окопы. Тишина повисла над этим участком фронта. Лишь изредка грохотали двенадцатидюймовые орудия спасённой «тридцатки». Оглушительные, как гром, раскаты уносились за холмы, вливались в непрерывный рокот боёв, не стихавших справа, там, где была станция Мекензиевы горы.

У войны свои масштабы. Бывало, оставлялись без боя большие города и завязывались ожесточённейшие сражения за иную крохотную деревеньку. Людей в этой, вдруг ставшей стратегически важной деревеньке никогда не жилось столько, сколько за один лишь день умирало на её улицах, огородах, околицах.

Такая судьба выпала станции Мекензиевы горы. Была она крохотной: одна-единственная платформа, приткнувшаяся к железнодорожной однопутной, да маленький посёлок возле неё — вот и всё. За ней, если смотреть на юг, в сторону Северной бухты, была лощина, поросшая кустарником, за лощиной — пологая высота, отмеченная на картах цифрой 60. Эти-то лощина и высота и определили судьбу станции. Стоило немцам взять высоту, и они могли бы видеть всю Северную бухту. Сдача одной-единственной этой высоты была равносильна прорыву противника к бухте, расчленению фронта, потере Северной стороны, что, в свою очередь, поставило бы всю оборону Севастополя в крайне тяжёлое положение. Это понимал командующий немецкими войсками Манштейн и не жалел усилий, чтобы взять высоту, это понимало командование СОРа и делало всё возможное, чтобы высоту удержать.

Манштейн торопился. Бросал отдельные роты и батальоны в атаки в южных секторах обороны. Атаки эти без особого труда отбивались, да Манштейн и не рассчитывал там на успех. Цель этих атак была одна: имитировать активность на других участках фронта, не дать генералу Петрову снимать оттуда войска для укрепления обороны в районе Мекензиевых гор.

Манштейн торопился. Никогда ещё так не утюжили наши позиции немецкие самолёты, как в эти дни. К сверхмощным 14-дюймовым орудиям прибавилась реактивная батарея тяжёлого калибра. Ракеты летели по серому небу огненными сгустками и рвались с ужасающим грохотом. Упорные, прямо-таки бешеные атаки вражеской пехоты с танками следовали на Мекензиевых горах одна за другой. Четыре полнокровные немецкие дивизии рвались к Северной бухте на участке шириной четыре километра. Непрекращающийся грохот боёв катался по Мекензиевым горам, и казалось, ничто не может уцелеть под этим адским катком войны.

Артиллеристы береговых батарей, бронепоезда «Железняков», 265-го богдановского, оказавшегося на главном направлении вражеских атак, и других артполков не успевали переносить огонь с одной цели на другую. Днём в эту канонаду

вплелись тяжёлые вздохи главных калибров вошедших в бухту линкора «Парижская коммуна» и крейсера «Молотов». Разрывы сотен снарядов сдерживали врага, но ненадолго. Ещё до полудня противник захватил то, что называлось когда-то станцией Мекензиевы горы.

К пяти часам дня контратаками поредевших полков дивизии Гузя противник был выбит со станции и отброшен от неё на 600 метров. Но к вечеру — новый натиск, и, снова овладев станцией, немцы растеклись по лощине перед высотой «60». И опять застряли в кустарниковом хаосе этой усеянной трупами лощины: пехоте не давал продвинуться дальше сосредоточенный ружейно-пулемётный огонь отошедших подразделений, танки в упор расстреливала стоявшая на высоте 365-я зенитная батарея младшего лейтенанта Воробьева.

— Ударом с воздуха и с земли уничтожить батарею на высоте «шестьдесят»! — открытым текстом кричал кто-то по радио, может быть, сам Манштейн.

— Этот замысел противника надо сорвать, — сказал Петров, когда ему доложили о радиоперехвате. — Батарею надо защитить во что бы то ни стало.

Гаубичный полк Чапаевской дивизии, артполк Богданова, другие арtdивизионы, способные достать до вражеских орудий, ведущих огонь по высоте «60», были привлечены для прикрытия одной-единственной зенитной батареи. Такое значение приобретала эта батарея, защищавшая скромную одинокую высотку с пологими, ничем не примечательными склонами.

Накануне на 365-й зенитной батарее, стоявшей на высоте с отметкой «60», прошло партийное собрание.

Обсуждали статью «Правды» «Коммунисты — передовые бойцы на фронте и в тылу». Постановили: «Высоту не сдадим... Закон коммуниста — победа или смерть...» Приняли в партию комсомольцев Воробьева — командира батареи и Данича — командира орудия. И комсомольское собрание записало столь же категоричную резолюцию: «Отступать некуда — позади бухта». И младший лейтенант Воробьев, и военком батареи младший политрук Донюшкин, занимавшиеся ночью подготовкой к завтрашнему бою, после этих собраний уже несколько не сомневались, что так оно и будет, как постановили коммунисты и комсомольцы.

Однако, два оставшихся исправными орудия не столь большая сила, чтобы устоять против танков, если они прорвутся на высоту, и особенно против пехотинцев, если подберутся близко к огневым позициям. Было решено организовать круговую оборону, создать подвижную группу из 10 человек для переброски к местам прорыва противника, разместить на склонах высоты бойцов прикрытия с пулемётами и автоматами. При такой расстановке наличных сил у орудий могло остаться только по четыре человека, но на это Воробьев и Донюшкин пошли безбоязненно: зенитчики — народ проверенный, справятся. Беспокоило одно: а ну как противник навалится на высоту авиацией, снова обрушит на неё огонь многих батарей. Тогда может статься, что и вовсе некому будет обороняться.

Этот рассвет был особенно долог и тягостен. И когда внезапно утренняя тишина взорвалась оглушающим непрерывным грохотом, в первый момент артиллеристы почувствовали даже что-то вроде облегчения.

Не высока высотка, на которой разместились зенитчики, но отсюда хорошо просматривалась кустарниковая лощина, станция Мекензиевы горы, точнее — та груда развалин, которая от неё осталась, позиции наших войск и немецких, про-

ходивших по ближней окраине станции. И вот ничего не стало видно в дыму и пыли, поднятой взрывами. Снаряды залетали и на высоту, некоторые рвались близко, разбрасывали сухие ветки, маскировавшие пластавшиеся над самой землёй длинные стволы зениток.

Потом снаряды на высоте перестали падать, но за ложиной, там, где проходил передний край, всё гремели взрывы — рвались гранаты, снаряды танковых и противотанковых пушек, стрекотали пулемёты, трещали автоматы, горохом сыпались винтовочные выстрелы. И вдруг из дымной пелены, затянувшей пространство, выдвинулось несколько танков. И пехоты высыпало множество, на взгляд, как определил младший лейтенант Воробьёв, не меньше батальона. Похоже, была у этих, прорвавшихся, одна задача — занять высоту, и они побежали по ложине, растекаясь по ней, охватывая высоту справа и слева.

Вражеская пехота пока не беспокоила, но вот танки, уже ломившиеся через кусты по склону, были очень опасны. Они шли так, что стрелять по ним могло только орудие сержанта Данича.

Данич не торопился, старательно выцеливая ближайший танк. Первый снаряд рванул левее, второй правее, третий взрыл землю перед самым танком, остановившимся на миг, в свою очередь, выцеливавшим орудие. Данич чуть приподнял ствол и снова выстрелил. Башня танка вдруг отлетела, из чёрной коробки выметнулся сноп огня и дыма. Но тут же возле орудия один за другим взорвались несколько снарядов. Данича отбросило в сторону. Вскочив, он увидел, что двое из его расчёта остались лежать то ли убитые, то ли тяжело раненные — разбираться некогда. Данич бросился к орудию, но ни первым, ни вторым, ни пятым снарядом не мог попасть в приближавшийся танк.

Снова рвануло на бруствере, осыпало землёй. Данич невольно присел, зажмурился. Когда открыл глаза, увидел схватившегося за голову своего последнего помощника краснофлотца Цикалова.

— В медпункт дойдёшь?

— Дойду...

Очередной снаряд угодил в гусеницу танка. Третья машина попятилась, разворачиваясь, чтобы взять на буксир подбитый танк, подставила борт. И Данич не упустил момент.

А пехотинцы подбирались всё ближе. Откуда-то сбоку по ним бил пулемёт, стучали винтовки, но немцы всё приближались.

— Давай шрапнелью, — проговорил кто-то за спиной.

Оглянувшись, увидел Цикалова с перевязанной головой.

— Чего пришёл?

— Так ты ж один... Давай шрапнелью...

Несколько шрапнельных снарядов положили атакующих немцев, то ли ненадолго, то ли навсегда. Затихла стрельба. Но тут на высоте опять начали рваться снаряды.

— Ничего! — кричал Данич обессиленно сидевшему рядом на земле помощнику. — Отобьёмся. Два орудия остались на батарее, а стоим!..

Цикалов промолчал. Там, в медпункте, ему сказали, что второе орудие сержанта Литовко уничтожено, и теперь вся батарея — одно-единственное орудие Данича...

Серая муть рассвета разливалась над притихшими окопами. Военком 345-й дивизии Пичутин всматривался в мглу нейтралки и в который раз перебирал в памяти сделанное за ночь: в подразделениях проведены короткие собрания и беседы, каждый красноармеец отдохнул от двух до трёх часов в тёплой землянке, все полностью обеспечены боеприпасами... Вроде бы ничего не упущено. Но чувство тревоги и беспокойства не проходило.

Грохот разрывов обрушился внезапно, оглушил. Огненно-дымная завеса скрыла переднюю линию окопов. В короткие мгновения, когда дым рассеивался, было видно, как меняется эта линия, прерывается то язвами воронок, то вспухшими холмами вывороченной земли. Людей издали видно не было, но все мысли переносились на эти окопы, стоявшие такого большого труда.

И вдруг всё стихло. Сквозь медленно оседающую пыль Пичутин разглядел немцев, несколькими группами бегущих через нейтралку. Их подпустили близко и срезали внезапным ружейно-пулемётным огнём. Даже не верилось, что таким сильным и дружным может быть огонь после такого мощного артогня.

Снова загрохотала вражеская артиллерия. Наши батареи ответили, быстро пристрелялись, и огонь противника поослаб. А потом на широком пространстве нейтралки увидел Пичутин десятки танков и множество солдат противника, волнами перетекавших через неровности местности.

Там, во вражеских цепях, один за другим взорвались несколько разнокалиберных снарядов, а затем встала сплошная стена разрывов: наша артиллерия ставила заградительный огонь. В дымном мареве появилась какая-то большая движущаяся масса. Со стороны казалось, что она въехала в самую середину атакующих цепей противника, замельтешила всплесками пулемётных очередей, яркими вспышками орудийных залпов. Это был бронепоезд «Железняков». Вокруг него сразу заплясали разрывы: немецкие артиллеристы, давно охотившиеся за бронепоездом, торопились накрыть его в открытом поле. Не переставая стрелять, бронепоезд попятился, скрылся за складками местности. Снова огромное пространство перед оборонительными рубежами перечеркнула огненно-дымная стена заград-огня, заставила залечь массы вражеской пехоты. Горели отдельные танки, но многие прорвались, навалились на слабую оборону полков.

Как ни хорошо расположен наблюдательный пункт, но всей картины боя дивизии отсюда не увидеть. Пискунов поспешил на КП, укрытый в каменной толще горы, чтобы понять, как она складывается, эта картина, по донесениям из частей и подразделений точнее определить своё место в этом бою. Донесения поступали тревожные: противник то там, то тут врывается на позиции, местами и прорывается.

Пискунов маялся своим кажущимся безучастием: военком сейчас нужен был повсюду, и повсюду было не до него. В бою убеждают не слова, а только личный пример. И где, в каком полку нужнее всего был сейчас его, комиссара дивизии, личный пример, Пискунов не мог определить. Разве что в 1163-м, где, как только что сообщили, военком Сонин возглавил контратаку и погиб?

Телефоны на КП зуммерили непрерывно, сообщения из частей поступали всё более тревожные. Оборона рушилась.

Мотодрезина с разведчиками вернулась в Цыганский тоннель на исходе ночи. Железнодорожный путь оказался в порядке. Разведанные цели быстро были на-

несены на планшеты, и бронепоезд, громыхнув буферами, потянулся к выходу из тоннеля. Светало. На всем переднем крае стояла напряжённая тишина.

— В воздухе разведчик! — доложил сигнальщик.

Высоко в светлеющем небе кружила «рама» — двухфюзеляжный «фокке-вульф». «Рама» улетела сразу, как только бронепоезд вышел на открытую местность. И тут взорвалась передовая сплошным грохотом разрывов. Всем было ясно, что это артподготовка, что за ней последует атака, и вот для отражения этой-то атаки орудия и пулемёты бронепоезда придутся как раз кстати.

— В воздухе самолёты! — крикнул сигнальщик.

Самолётов было много — целая эскадрилья. Сдав назад, бронепоезд быстро втянулся в чёрную нору тоннеля. Перед входом загремели бомбы, осколки хлестнули по бронеовой обшивке хвостового паровоза.

На фронте всё гремела артиллерийская канонада, от сплошного грохота даже под скальным монолитом что-то дребезжало на броне-площадках.

Сразу же, как перестали рваться бомбы у входа в тоннель, специально выделенные в помощь бронепоезду сапёры принялись восстанавливать разрушенный путь. Работали артиллеристы и пулемётчики, машинисты и девчонки-санитарки. Торопились. Фронт изнемогал под непрерывными вражескими атаками, фронту нужна была помощь.

Теперь из тоннеля вышли стремительно. Бойцы с обочин пути махали шапками, кричали радостное.

— Убрать дым! — приказал командир, чтобы не обнаружить себя раньше времени.

Миновав выемку, бронепоезд выехал на открытое пространство, сплошь усеянное атакующими немцами, огнём десятка пулемётов, орудийными залпами расчистил себе дорогу, ворвался на станцию. С высоты бронеплощадок далеко видно, наблюдатели быстро засекали цели, и артиллеристы тотчас ловили эти цели в прицелы. Танк высунулся из-за полуобвалившейся стены, его в упор расстреляли стомиллиметровки бронепоезда. И ещё был танк, и ещё. Стволы раскалились, краска на них коробилась. Кто-то накинул на ствол мокрую шинель, чтобы быстрее остывал. И на других стволах появились мокрые шинели и одеяла.

Так он и маневрировал возле станции, увешанный шинелями и одеялами. И, маневрируя, всё грохотал пушечными залпами, всё рассыпал длинные пулемётные очереди.

А навстречу уже катилась волна контратаки. Краснофлотцы и красноармейцы раздирали рты в неслышных криках «Ура!», штыками выковыривали немцев из воронок, из-за камней и строений.

— Ура! — кричали артиллеристы и пулемётчики на бронеплощадках. — Станция наша!..

Все понимали: удержать эту груду развалин, называвшуюся когда-то станцией Мекензиевы горы, — значит спасти Севастополь.

Среди дня на КП армии неожиданно приехал вице-адмирал Октябрьский. Вдвоём с Петровым они закрылись в кубрике и долго обсуждали складывающееся положение. Как быть, если враг всё-таки вырвется к Северной бухте? «Не вырвется», — хотелось сказать Петрову, но подкрепить эту уверенность было нечем, и он молчал, сосредоточенно разглядывая карту, разложенную на столе. Если враг вырвется к Северной бухте — значит, расценит северный фронт и в конечном

счёте захватит всю Северную сторону, склады боеприпасов в Сухарной балке, крупнейший подземный госпиталь в Инкермане. Страшно подумать о потере этих объектов!.. Но командованию полагается быть выше эмоций. Командование должно предвидеть, рухнет в этом случае оборона Севастополя или всё же устоит? Если враг займёт другой берег Северной бухты — значит, корабли уже не смогут заходить в неё. Но ведь есть ещё Камышовая, Казачья бухты. Кое-кому могло показаться, что оборона, проходящая по прямой — от Северной до Балаклавской бухты через Инкерман, Федюхины высоты, Сапун-гору, — обладает некоторыми достоинствами: линия фронта сокращается до 13–15 километров, а за спиной остаётся город и весь Херсонесский полуостров...

Так напрямую они и решили обсудить этот вопрос с работниками штаба армии. И получили такие же прямые ответы.

— Оборона на этом рубеже не может быть надёжной и длительной, — решительно заявил начальник артиллерии армии полковник Рыжки. — Я убеждён, что при существующем положении наших войск можно не только отразить удар противника, но и восстановить оборону.

— Как вы себе это представляете?

— Самый опасный участок прорыва не превышает трёх с половиной километров. На этом участке мы можем сосредоточить огонь многих батарей, довести плотность огня до восьмидесяти стволов на километр фронта. Я предлагаю завтра в восемь ноль-ноль, когда противник, как обычно, начинает наступать, обрушить на него двадцатиминутный огневой удар. Затем методическими короткими налётами мешать ему занимать исходные позиции. И наконец, нанести всей артиллерией новый массированный удар по пехоте и танкам, когда враг пойдёт в атаку...

И посыпались вопросы по уточнению предложения, будто оно не было для командования неожиданным, будто и день этот тяжкий уже закончился, и никаких каверз от неприятельских войск на сегодня уже не предвидится...

Во второй половине дня части дивизии Гузя выбили немцев со станции Мекензиевы горы. Как им, рассеянным, почти рассеянным, не имеющим никаких резервов, удалось это, командарм и сам не мог понять. Думал, мера злости бойцов давно уж превзошла все мыслимые пределы, да, видно, нет этих пределов для людей, готовых умереть за Родину. Выбить-то выбили, да не удержались, и к вечеру станция снова была в руках у немцев. Но это уже не пугало: день прошёл, тяжелейший день, можно сказать, решающий, а противник к концу дня оставался, по существу, на тех же рубежах, что и утром. Манштейн терял самое главное — время.

Вечером Петров, едва сдерживаясь, чтобы не дать волю радостным эмоциям, объявил своим штабистам о крупной победе, только что свершившейся на Керченском полуострове.

— Войска Закавказского фронта и корабли Черноморского флота захватили города Керчь и Феодосию, — с удовольствием процитировал он поступившее сообщение. — Операции продолжаются... Наши части выходят в тыл противнику, осаждающему Севастополь... Но, — сдержал он готовое прорваться всеобщее ликование, — Манштейн не начал пока отвод войск от Севастополя. Есть сведения, что противник собирается завтра предпринять ещё одну попытку прорваться к бухте. Вероятно, последнюю попытку, но именно поэтому самую отчаянную.

Он помолчал, оглядел сияющие лица своих помощников и добавил:

— Так что, товарищи мои дорогие, праздновать победу нам ещё рано. Но о взятии нашими войсками Керчи и Феодосии сегодня ночью должны узнать все, каждый командир, каждый красноармеец и краснофлотец...

На рассвете 240 орудий, все, которые могли повернуть стволы в сторону Мекензиевых гор и достать до них, обрушили снаряды на вражеские позиции. Немецкие батареи ответили, но погасить лавину огня не смогли.

Тем же утром, как и было спланировано штабом армии, части второго сектора атаковали врага, быстро разгромили его передовые подразделения, овладели вершиной высоты с Итальянским кладбищем, селением Верхний Чоргунь, продвинулись вперёд в районе Камышлы. Успех был неожиданный, и комендант сектора полковник Ласкин не скрывал радости, докладывая командарму об итогах боя.

— Вводил ли противник резервы? — только и спросил Петров.

— Нет, не вводил.

— Значит, у него их там нет, всё перетянул на северный участок...

Орудия умолкли, и на Мекензиевы горы снова упала тишина. Над расположением противника стояла непроницаемая стена тумана, пыли, дыма. Все ждали, что вот сейчас из этого дыма начнут выползать танки и, как вчера, повалят пехота, но прошло десять минут, полчаса, час прошёл и полтора, а никакого движения, ни единого выстрела. Только в десять часов заговорили немецкие пушки.

Первая атака была стремительной. Танки торопились проскочить нейтральную полосу и ворваться в район передовых наших траншей. И пехотинцы, не меньше двух батальонов, бежали, не останавливаясь, не залегая под сильным встречным огнём. Падали только убитые и раненые. Их было много, но уцелевшие всё бежали, и они вслед за танками ворвались в траншеи, перебороли численностью своей в рукопашном бою.

А вдалеке уже маячили другие вражеские танки и цепи пехоты. Пустить их в образовавшийся прорыв было никак нельзя, и подполковник Гузь вызвал огонь артиллерии на свои траншеи, занятые немцами, а потом поднял уцелевшие на флангах прорыва подразделения в контратаку.

Схватились в рукопашную. Артиллерия, Илы и «ястребки», пользуясь малочисленностью вражеской авиации (её оттянул на себя Керченский полуостров), утюжили цепи подходившего противника. Не отбросили врага, но и развить прорыв не дали. Началась тяжёлая крутоверть боёв, похожая на вчерашнюю. Это и тревожило командарма (никаких резервов не было, чтобы остановить новый натиск), и радовало (противник терял время).

Перед полуднем северный ветер погнал со стороны немцев густой серо-зелёный дым. Это никого не испугало и не удивило: всего от фашистов ждали. Над полуразбитыми окопами, над артиллерийскими позициями понеслись никогда прежде не слышанные команды: «Газы!» Не слышанные, но не неожиданные: противогазы у всех были наготове.

И припали к пулемётам, к орудийным прицелам носастые и глазастые резиновые маски. Оборона не дрогнула. Вскоре выяснилось, что это всего лишь дымовая завеса необычного цвета, под прикрытием которой противник пошёл на решительный штурм. Однако, и он захлёбывался в круговороте множества отчаянных крупных и мелких стычек.

— Продержитесь ещё немного! — совсем не по-начальнически просил командарм непрерывно звонивших в штаб армии командиров частей и соединений.

«Держитесь!» Сколько раз повторял он это слово за последние две недели! И всегда уповал на помощь, которая должна была вот-вот подойти. Теперь не на помощь надежда, на то, что враг выдохнется.

Противник терял время, и генерал Петров уже к середине дня ясно понимал: Манштейн нервничает, судорожно бросая новые стрелковые батальоны и танки всё в тот же огневой котёл, где они один за другим перемалываются, растворяются, как пригоршни соли, брошенные в воду.

— Нет, не выйти им к бухте, — почти весело сказал Петров. — Теперь уже не выйти!

И вдруг атаки противника прекратились. Было ещё светло, и это вызывало недоумение: ещё никогда вражеский штурм не прерывался засветло, а только с наступлением темноты.

— Будет ещё одна атака, — сказал Петров. — По крайней мере, одна. Последняя.

С начальником штаба генерал-майором Крыловым и начальником артиллерии полковником Рыжи командарм обсудил встававшую новую задачу: как использовать батареи для того, чтобы в самом начале сорвать атаку, а затем организовать огневое преследование противника?

Немцы атаковали с упорством обезумевших в том самом месте, где напрасно ломились все эти дни. Спланированный огневой налёт всеми видами артиллерии ослабил натиск. Ещё полчаса шёл упорный бой с прорывающимся противником. Всего лишь полчаса. А затем начались контратаки. Они следовали одна за другой, сливаясь в единый порыв отбить, уничтожить...

— По обстановке вводите в бой ударные группы преследования, — передавал командарм командирам соединений и частей.

— Как? Повторите? — переспрашивали некоторые. Слово «преследование» звучало ещё слишком непривычно.

Ровно в 24.00 по всем артполкам, артдивизионам, батареям Севастопольского оборонительного района прокатилась команда: «За слёзы наших жён, детей, матерей! За светлую память о погибших героях! По указанным ранее целям! Артиллерия — огонь!»... Вздрогнула земля. Начинаясь новый, 1942 год...

Мария Дьяконова
(Россия, Санкт-Петербург)

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС, И ДО, И ПОСЛЕ

Город жадно гудел, как укладчик асфальта у Парламента.

Мои каблучки жалобно стучали, а невидимая война продолжала идти.

Грядущее действие стало разворачиваться в метро.

Была страшная давка, эскалатор то и дело останавливался и его пускали то в одном направлении, то в другом.

Я пыталась с ним бороться, успевая то вверх, то вниз, пока не поняла: что-то не так с моим чувством юмора...

Когда удалось, наконец, остановиться — на эскалаторе остались семеро: пятеро мужчин и одна девушка, не считая меня. Своих узнаешь сразу! Взглянув на них с нижней ступени, я вдруг заволновалась, как бедуин, увидевший пирамиду Джосера.

Глаз врезал в память барельеф из шести лиц — где стоящий на самой верхней ступени, ни молодой, ни старый, какой-то очень вертикальный, человек кивнул мне, как старой знакомой.

Тут подошел поезд, и народ стал затапливаться вовнутрь. Вполне реалистичная давка, но выглядела выразительно, как в кино у хорошего оператора.

Вот я вижу знакомое лицо — та самая, Одна девушка с эскалатора, она протягивает мне листок бумаги и я уверена, что там ее номер телефона.

Я помахала ей рукой вослед, и закрыла глаза, опершись спиной о просьбу «Не прислоняться».

С вами такого не бывало разве, что вы хорошие полчаса глядели бы в одну точку, а потом ловили себя на том, что все это время созерцали внутри себя захватывающие драмы в пяти действиях?

Пожалуй, это похоже на заплыв далеко в море. Если что-то и держит тебя на плаву, то это — страх не добраться до берега. Нет ничего: ни вкуса морской соли, ни цветов, ни звуков, только твое перепуганное тело и сознание, взглядом цепляющееся за берег.

Когда-то, наблюдая за подобными «заплывами» я и открыла для себя новые возможности: ускорять и растягивать время, например.

Если вы спросите меня: «Как?», я не смогу вам ответить потому, что не уверена в их универсальности, это — дело личного опыта.

Ключом является притча: «Когда Господь сотворил время, Он создал его достаточно».

Именно этим я и руководствовалась в своих опытах. Сыграем маленький временной этюд. В моем излюбленном стиле: семь часов «до» этого момента.

«На улице синяя ночь с огромной желтой луной, и я думала о любви. Я смотрела на цвета вокруг и думала: вот обыкновенная фантастика, такого же не бывает! Но я это вижу, ощущаю запах ночных фиалок.

Давно, я — маленькая, тоже вдыхала запах ночных фиалок...

Теперь все изменилось, кроме красок ночи и запахов, и кроме вопроса: а знаю ли я, что такое — любовь?

Только два момента моей жизни выдерживают проекцию силы этого слова: ночные звезды в колоде двора, и молчание при судорожно сцепленных руках над столом. Неужели все?

Самое сильное чувство я пережила над листами той самой рукописи, «Про замок». Ничего-то с этим не сделать, жизнь моя проходит в воображении.

Тут я спотыкаюсь о рельсы и замечаю, что какое-то время развиваю свою мысль вслух, судя по тому, что имеется Слушатель.

Мне немедленно становится стыдно. Но поскольку еще и холодно, стыд перед холодом отступает. Смотрю: у Слушателя в руках растянутый скрипичный футляр. Я оглядываюсь назад, где вижу только наши темные следы на мокром снегу.

— Вы скрипку потеряли!

Он печально оглядывает ботинки:

— Да, еще до вас. До любви, мы говорили о метро.

Вы спросили, как найти метро, а я этого тоже не знал, поэтому раз я её выронил, решил: по крайней мере, помогу вам найти метро.

— Спасибо!

— Да, что вы! Все равно моя жизнь не выдерживает никаких проекций, а так — будет хоть, что вспомнить...

— Ну...

Что тут сказать, кроме того, что я подумала: «Ну, теперь уж воспоминания вам обеспечены. Это точно, при моей редкостной способности притягивать беспокойные ситуации».

Еще бы недурно узнать, где мы и куда, собственно, я направлялась, до позорного выпадения из процесса «здесь и сейчас».

Слушатель повернулся лицом к фонарю и спросил:

— Вы не подскажете, как пройти к метро?

И когда глаза мои привыкли к свету, я узрела кучку заиндеветших Прохожих, сучивших башмаками под ржавым автобусным расписанием.

Вопрос был встречен дружным молчанием. Скрипело только расписание.

— Ясно...

Мы со Слушателем двинулись дальше, прямо в сторону сплошной завесы из белой крупы. Ещё шаг.

— Эй! Какое метро-то? — рассыпалось о наши спины.

— Любое, — повернулся Слушатель.

Теперь мы и Прохожие как бы разделены световой траншеей — границей! Про себя я срифмовала: «Граница — тупые лица».

Голос глухо посмеялся:

— А зачем?

«Бац». Что подумаешь, то и пожнешь! Нечего глупо рифмовать!

— Пошли! — Слушатель дергает меня за рукав и я, как Буратино, выписываю крутой поворот на деревянных ногах, делая тот самый, сакраментальный шаг в Неизвестность. То бишь, в вышеозначенную белую «крупяную завесу»...

— А-А-А-А!!! — пропели мы со Слушателем в характере хроматической гаммы потому, что самым недвусмысленным образом, упали и покатались под откос.

Мы пытались хоть чем-то помочь друг другу, а получилось просто хватали друг друга за руки, увеличивая количество шишек. Падение — долгое, как жизнь, зато становится очевидным, сколько же на тебя налипло!

— Мне ка-а-ажется, мы — не первые! — прокричал мне в скольжении Слушатель.

— И, увы, не последние! — развила я. — главное, в конце не останавливаться!

— П-почему?

— Все чужое соберем!

— Аг-а! А-а-а! — конец восклицания потонул в снежном прибое и видимость пропала.

Когда можно стало что-то различить, я обратила внимание на некую зеркальную поверхность, что светилась прямо под нами внизу.

— Ма-моч-ки! — все-таки крикнула я, хотя кричать, строго говоря, было уже поздно: пролетев с прежней скоростью конец нашей ледяной горы и узкую улочку, мы падали прямиком на крышу оранжереи.

И сказать-то было нечего: мы сидели, как две потрепанные птицы, присыпанные стеклом, тупо уставившись на потрясающий цветок, который стоял невредим перед нашими расцарапанными носами.

— А я сбежал, — сказал мне Слушатель.

— Что?

У него глаза, оказывается, зеленые.

— Сбежал, говорю.

Прядь к щеке прилипла, пол-лица закрывает. В темных зрачках я вижу себя. Хорошо, что я не пошутила, что нас всех, рано или поздно вылечат. Он поправил волосы. Под правым веком — легкий такой синячок.

— Прекрасно! — сказала я, — я, в некотором смысле, тоже.

— Понимаешь, прихожу домой, а у меня гости. Плюс к населению нашей квартиры.

Словом, тьма народу! Замечаю, что комнаты все, теперь общие! Вместо двух кухонь — спальня общая — кровати для всех.

Спрашиваю, с чего бы это коммунизм?

Отвечают, решили всех уравнивать в правах.

Я подумал, не сильно это удачная идея, но можно и подождать, потерпеть...

А тут моя барышня! Понимаешь, для наших романтических дел, мы не нашли места, кроме как в общей спальне...

Что делать, коммунизм! Там кто-то был, и поначалу, мне было жутко неловко, но потом уж мы стали делать назло, кому не нравится, пусть не смотрит! — и он стряхнул с рукава осколки, — концлагерь!

— Понятно, — я попыталась подняться.

— Нет, правду говорю, меня преследуют! Я и скрипку так потерял. Ой, футляр! — он ринулся к дверям и исчез.

Потрясающий все-таки цветок! Белый и не белый, и золотистый, и голубой, и розоватый одновременно... Мне захотелось его потрогать, но я не успела.

В помещение вдвинулся Мощный Мужской Силуэт (ММС), оценил картину, задержался на моей потерянной физиономии. Открыл рот и изрек:

— Короче, я тебя не видел — у тебя две минуты есть, пока патруль не приехал, вот в это окно сматывайся! Поняла?

— Как это «в окно»? — заглянула я в пятиметровую пустоту.

— Молча! — сказал и «помог».

А я полетела, и плюхнулась в сугроб причинным местом.

— И вообще, что происходит? — спросила я пространство.

А пока я вопрошала, в это самое пространство действительно въехал мили-
цейский ГАЗик, притулившись к гнущему козырьку парадного.

Сама не знаю почему, больше ждать я не стала, махнула к арке.

Слушателя жалко. Вывести меня к метро некому.

Сначала, я бежала быстро, потом чуть медленнее, а потом вообще попыталась
понять, а отчего, собственно, бегу?

Заснеженная улочка отдавала Андерсеновскою призрачностью. Было пусто.

Сквозь снежную взвесь, проглядывал ровный пирамидальный холм с по-
трясающим Сооружением, парящим в воздухе, вопреки всем земным законам
тяготения. Было такое ощущение, что существует некая Точка зрения, кото-
рая удерживает спираль крыши, идущую вверх, позволяя ей плавно покоиться
над основанием.

Надо подойти поближе, это кажется, недалеко.

Снег все падал и падал, обледеневшие окошки отливали бронзой. Удивитель-
ное дело! При лунном свете тени казались коричневыми всевозможных оттен-
ков охры, как этюд сангиной на тонированной бумаге. Вот-вот, рисунок старого
мастера!

Спускаюсь по улице вниз, выхватывая взглядом очертания моего Сооруже-
ния в промежутках между крышами.

Очень странно, продвигаясь дальше, я не приближаюсь к заветной цели,
а даже, как будто удаляюсь.

Обманчивы бывают расстояния!

Углы путанной улицы, внезапно, разъехались, открыв обзор, и я очутилась
на смотровой площадке с каменным парапетом.

Да. Увы. Видно, смотрела я под углом: потому, что от подножия пирамидаль-
ного холма, до аллеи под моими ногами, разливалось целое море крыш — при-
чудливый город! Но что это за город? Таллинн, Вена, Париж, Петербург?

В Петербурге холмов, извините, нет. Отпадает.

Вот пойду, и прямо спрошу, как называется этот Город, пускай думают обо
мне, что хотят!

Кофе пить, срочно!

Из-под вон той двери, характерно так, выбивается свет — на кофеюшники
у меня подлинное чутье!

Что-ж они посудой-то так гремят!

Звон посуды мне напоминает Вену: вечером на Кёнтнер-штрассе, этот звук
составляет главный фон действия.

Косяки японцев с фотоаппаратами теснятся под навесами «фаст фуд», неон
заливает стойки, и жизнь кухни вывернута вся наружу: вся эта лихорадочная воз-
ня, на грани изнеможения.

Из вечера в вечер, видела лица этих «кухонных солдат», бредущих домой.

«Колесики» внутри еще крутятся, даются клятвы «брошу» и «забуду» эту про-
клятую работу, и «все будет иначе».

Мечты потекут стройной вереницей, и мир будет велик и прекрасен...

Плюхнешься сам за столик и ждешь чашечки венского ароматного кофе, или на худой конец, пива, глаза жадно поглощают блеск, блики, отражения, лица и позы.

Ты весь — зрение, слух, чувства. Не без злорадства, глядишь на таких же, как ты бедняг, что еще продолжают «пахать» на кухне.

Вот идет официант — к нему ты расположен, он так же как ты молод, и так же скажет себе за полночь: «брошу и забуду».

Первый глоток, чей-то привет, ты радостно возбужден.

Вечер катится, как цветные шарики по желобку в аттракционе.

Когда ты успел очутиться на безлюдной улице? У закрытой булочной ярко горит вывеска.

В ванной из зеркала на тебя смотрит чужое лицо:

— И когда я успею понять, что делаю? Завтра, завтра, все завтра!

Завтра все начнется сначала. В общем, звяканье посуды, нагоняет на меня тоску.

Я протиснулась меж малюсенькими деревянными столиками, переступила через пару-другую ног, и утвердилась в укромном уголке: между каминной полкой и подставкой с ископаемым «Ундервудом».

Отличное напало местечко, тут возможно быть незримой и расставить, наконец, акценты.

Странностей накопилось немало: метро, Слушатель, который сбежал, оранжерея, милиция, неизвестный город, и это еще — недостижимое Сооружение.

Я так упорно стремилась в метро... а правда, зачем?

Как я не силюсь, все бывшее до монолога «о любви», аккуратно стерто большой стирательной резинкой.

Законченное свинство!

Никогда амнезией не страдала, я же не героиня сериала, в конце-концов!

Из клубов дыма возник, как Джин, официант и на лице его отразился вопрос.

— Кофе, лучше черный и пять граммов цианистого калия, будьте добры!

Внезапно он наклонился к самому моему лицу и заглянул в глаза. Как под гипнозом, я уставилась в его темные расширенные зрачки, меня бросило в жар.

— Калия нет. Могу предложить лимон!

У него даже лицо не дрогнуло!

— И, правда, благодать нам ни к чему...

— Что?

— Все в порядке, лимон не нужен!

Надо же! Может, адекватность восприятия не совсем потеряна. Это приятно.

Куда-то я ехала за чем-то конкретным, раз так упрямо стремилась в метро...

Глупая эта формула пленкой крутилась в голове, бесполезная-прибесполезная!

Я почувствовала, что очень устала, и хочется поплакать.

Упрашивать себя не пришлось: слезы полились полноводной рекой, да я и не собиралась сдерживаться. Сижу, реву тихонько, и легче становится.

— Вот так дела! — расстроился официант, который принес кофе, — хочешь, поговорю с тобой?

— Спасибо, не поможет, — хлюпаю я, — у меня — процесс!

— А-а-а! Ладно.

— Сколько я вам должна?

— Да, ладно, за счет заведения, раз процесс! Какой у тебя номер?

— Не знаю.

— Как это, не знаешь? Подожди, живешь-то где?

— Далеко.

Он посмотрел на меня с такой укоризной, что я почувствовала себя преступницей, морочащей голову хорошему человеку. Придется спрашивать название города прямо сейчас.

В этот момент дверь заведения распахнулась, и в клубах пара ввалился знакомый ММС, я попыталась стать невидимкой, но видимо, поздно: он нашел меня глазами, и направился прямоком к моему столику.

— Привет! Плохо бегаешь!

Я боролась с плавным движением сердца в пятки.

— От фирмы подарочек тебе! — и он поставил на столик футляр с тем самым, потрясающим оранжерейным цветком, подмигнул мне и вышел.

«Интересно, там бомба, или ядовитая змея?» — весело подумалось мне, а друг мой, официант придвинул футляр. И покрутил его в руках.

— Потрясающе! — изрек он.

— Да, ерунда какая-то получается, — согласилась я.

Теперь я, наконец, цветок потрогала, а на ощупь он был теплым и шероховатым.

Из невидимой субстанции вокруг меня, вдруг оформилась идея, и я, не раздумывая, спросила:

— Далеко отсюда до метро?

Официант выразительно на меня поглядел, так что отвечать, собственно, не было необходимости: я и так прекрасно поняла, что никакого метро в Городе нет.

Как у бывшего бродяги, у меня выработалась постоянная готовность к бою, и рефлекторная ориентировка на местности.

Впервые ориентационный рефлекс меня подводил, а это повод для серьезного беспокойства.

Поднимаясь, я стукнулась головой о выступ каминной полки. Я должна была сказать официанту «Большое спасибо» — если бы могла сейчас говорить, а на деле отступила в узкий фарватер между столиками и устремила к выходу, как к единственному средству спастись.

«Я хорошо помню, что родилась сколько-то лет назад в Петербурге. Помню это так же хорошо, как то, что рождалась и раньше, так же, как каждый день прожитой мною жизни.

Она так тяжела, моя непомерная память, но чем дальше, тем ценнее Груз и больше Осадка.

Я хорошо понимаю, что однажды, насовсем растворюсь в веренище собственных лиц, обменяв весь мой Груз на знание, кто я.

Но сейчас, вся моя память — мой ключ, мое имя, мой меч! И я помню, что не сдавалась без боя!

«Еще шумела непогода. И ночь спала.

Когда зловещая свобода нас позвала.

Она пришла, нага и страстна, замкнулся круг.

Сама судьба подобострастна к нам стала вдруг».

Уже не стихи, а настоящий боевой клич получился из любимой мною баллады о корсаре Челли.

Мчусь, как легкий бриг при попутном ветре — назад, к истоку всей текущей нелепицы.

Я непременно его отыщу — у меня удивительная способность познавать чужие города — всегда нахожу верную дорогу.

Выскакиваю на верхушку спуска — вот оно: Непостижимое мое сооружение, эманерирует Божественное спокойствие, держа в пространстве свою Точку зрения.

Тут-то я и остановилась, потому что обнаружила у себя симптомы болезни «непонятно куда бегущего зайца», что не соответствует, извините, моему внутреннему статусу.

Эразм Роттердамский сказал бы: «И очень удивилась, хотя стоит ли удивляться, если многие из нас склонны не останавливаться вообще».

Есть такая игра. Остановиться и мысленно идти от текущего момента шаг за шагом вспять. Если заняться этим честно, то увидишь, мимо чего бодро сегодня прошел, и удивишься: «Интересно, где были мои глаза, о чем же я думал?»

Тела бранные на автопилоте ходят, мысль работает, нечто «подрывает», а то и в засаде сидит.

Не то страшно, что я заблудилась. Хуже всего, что я заплутала внутри.

Безответственно выпала из «здесь и сейчас» и теперь должна отыскать дверь — одну из миллионов — ту, в которую вошла.

Есть один человек, который возможно видел ее — это Слушатель. И встреча с ним мой единственный шанс.

Очень символично, но мой блуждающий взгляд остановился на импозантной двери парадного подъезда. Весь дом имел очень симпатичную физиономию, с приветливым светом в окошках.

В душе моей поднялся предательский соблазн зайти хоть к кому-то, сказать, да что угодно!

Я нажала кнопку переговорного устройства квартиры номер семь.

Лихорадочно соображаю, что скажу сейчас, в ответ на чье то «Да?», но слышу гудок, мне открыли, ничего не спросив.

Стерильная античная тишина, портик из полуколонн, будто портал сцены, и я — восхищенный зритель, благоговейно взираю на белейшую мраморную лестницу, уходящую в неизвестность.

Боже! Я не видела таких вестибюлей ни в одном из подъездов!

Девственные мраморные плиты пола и ступеней, покрыты настоящей ковровой дорожкой, страшно даже наступить.

Но окончательно меня поразили живые цветы на лестничных маршах.

Я немного оробела, и зачем-то поднялась к квартире номер семь. Там кто-то играл фугу Баха.

Фуга — чудесная идея для моих временных этюдов.

Тема — как мысль, странствует по незримым мирам, приобретая форму то одного, то другого, в конце концов, возвращается к хозяину.

Получается, играющий — как лучник, стреляющий в цель. Чтобы попасть, я должна слиться с нею, так учат китайцы.

Честно заглянув внутрь себя, я увидела там малую часть своего сознания. Большая часть, несомненно, где-то пребывала. Вопрос, где?

Только спросила, тут же и увидела: сидит на ступеньках, вытянув уставшие ноги, и не может успокоиться: как же такое возможно, чтобы я, приличная барышня, как бомж, искала ночлег в подъезде, прямо на лестнице.

Некуда идти. Некому помочь.

Однако, очень хочется вытянуться во весь рост, хотя это и неприлично. Интересно, а как на лестницах вообще спят?

Жестковато. Хотя если вот так: затылок на одну ступеньку, лопатки на другую, а поясницу на третью — то очень даже можно лежать.

Теперь главное, растечься телом.

Чтобы отвлечься, стала представлять, что лежу на глади моря.

Интересно, о чем думает перед сном бродяга? Удивительно, мысли полетели, легки, как ласточки — завтра будет светлое морозное утро, и я буду умываться снегом.

Вот и кода. У меня не достало духу позвонить и войти.

Сладко растянувшись, прямо на ступенях, я пропустила момент перехода ко сну.

БЕЗУМНЫЙ СОН

Я спала и не могла спать, захотела проснуться, но не получалось.

Чувствовала себя маленькой, словно зернышко, падавшее из-под купола цирка. Только падало оно не вниз, а к некому центру, и как только его достигало — стало стремительно расширяться, так что я терялась в самой себе.

Пространство вокруг кривилось, как в комнате смеха.

«О, Боже, хоть одну неискаженную линию, хоть одно законченное движение!» — с какой радостью я бы сейчас заплакала, чтобы получить облегчение, но не могла, не получалось.

Мне мучительно хотелось посмотреть на себя в зеркало, я видела его совсем рядом, заглянула, но там я ничего не увидела, совсем ничего! Нет ни тела, ни слез, ни соответственно, облегчения.

«Куда же я пропала?»

Словно ответ на крик души, возникла моя детская комната в родительском доме.

За письменным столом, моим, сидел кто-то другой, с длинными косичками, и писал что-то в зеленой тетради.

Я подплыла, круглым облачком, и зависла над плечом:

«Куда б я ни пошел — везде мой дом.

Чужбина мне — страна моя родная.

Я знаю все — я ничего не знаю.

Отчаянье — мне веру придает».

Девочка вырвала листок со стихом и приписала ниже: «Я знаю, что ты — здесь. Я могу тебе помочь».

Я бы задала ей вопрос, если бы могла говорить. Она как будто прислушалась.

Встала, сняла с моей полки какую-то книгу, раскрыла ее и подчеркнула карандашом несколько строк, затем дала мне возможность прочитать:

«Это полнейшее астральное безобразия! Только люди совершенно безответственные смакуют и гордятся своими подвигами в так называемом «астрале».

По мне, так ничего хорошего и полезного! Одни отпечатки дурных чувств, убогих мыслей, странных намерений.

Чего только стоят все эти «супер» идеи, из разряда дешевой магии, про вселение в чужое тело или обмен телами! Это вам не химчистка пальто, в конце концов!»

Я не знала, что и думать, полный бред!

Потом девочка встала, повернувшись лицом ко мне, так даже казалось, она смотрит прямо в глаза, и указала рукою в сторону. Там висело мое старое зеркало. Бог мой, какой слой пыли! Девочка подошла, и, отразившись с головы до ног, обернулась ко мне.

Неизвестно почему, меня жутко трясло. Когда я, наконец, заглянула в зеркало, то увидела отражение. Не меня. Совсем другое тело, другой цвет волос, другой рост. Подняв руки, я ощупывала округлые щеки, такой непривычный, «домиком» разрез губ, азиатские карие глаза — Боже мой! как мне стало жалко своего последнего лица, такого привычного и послушного. Даже носа, что раньше приводил меня в такое отчаяние!

Я разглядывала новый облик, и мне, вдруг, стало стыдно за мои малодушные жалобы. Что-то теплое раскрылось навстречу этому новому и «не моему».

Девочка поднялась на цыпочки и написала пальцем на поверхности:

— 1, 2, 3, 4, 5 — дальше будем мы играть. Все что нужно — есть внутри. Ты на это — посмотри! Отправляясь в дальний путь, оглянуться не забудь!»

Ладно. Давай поиграем, детка. Попробуем, что можно с этим всем сделать.

Девочка откинула косички за спину и пошла к дверям, шагнув в коридор, она улыбнулась.

«До свидания, гостя! — подумалось мне.

Я попробовала идти, и почувствовала себя человеком на коньках.

В который раз убеждаюсь, чем себя назовешь, тем и будешь на самом деле.

Так и на сей раз: я размеренно катила на «снегурочках» по арене стадиона.

Что ж сон — он и в Африке — сон.

Тут я «трясу» стариной, крутанув пируэт и ...

Просыпаюсь от ломоты во всем теле.

Почему-то я надеялась увидеть солнечные блики, а получалось — вижу лунные, и на фоне окна напротив, отсвечивал чей-то силуэт.

Что же, не впервые делать хорошую мину при плохой игре...

Я села, как можно непринужденнее.

Человек сел рядом, оказалось, это был Официант.

— Еле-еле нашел тебя.

— А как?

Боже мой, до чего же мне стало хорошо и спокойно!

— По следам, — заулыбался Официант, — снег шел, а когда ты ушла, он как раз перестал. Свежие следы остались.

— Можно подумать, что мои, единственные в мире, — проворчала я.

— Ты знаешь, который был час? В три часа ночи толпы уже не ходят! Ладно, я уже все про тебя знаю!

Слава Богу, хоть кто-то что-то про меня знает определенное, «я знаю все — но только не себя», прямо как Вийон. Почему-то этому Официанту мне хочется верить.

Кладу ему руки на плечи:

— Это так прекрасно и сногшибательно удивительно...

Как вас зовут?

— Тебя.

— Тебя.

— Цво.

— Цво? Это, как «Два» по-немецки? — деловито уточнила я.

— Именно.

— Я буду звать тебя Два, — сказала и отпустила его.

— Идет. Ну, что пошли? — он запахнул пальто.

— Куда?

— Домой провожу.

Он, конечно, очень милый человек, этот Два. Но не очень ли навязчиво с моей стороны его беспокоить, подумалось мне.

Он рассмеялся:

— К тебе, к тебе домой, если ты, не против. Пока ты бегала, я все узнал: и номер твой, и адрес, и ... ты уж извини, про твои неприятности на работе.

Я вытаращила на него глаза.

— Все будет хорошо! — и он от всего сердца заключил меня в объятия.

«Вот она, безопасная гавань, крепче стен, надежнее канатов, тише полного штиля. Пускай ведет, пусть спасает. Пускай, научит, как быть».

Я брела, спотыкаясь, а Два крепко держал меня за руку.

Мне казалось, мы играли с Два в детскую игру «Поход в Тридесатое Царство», потому что сто метров мы поднимались, потом столько же спустились, метров пять вперед, поворачивали, и метров шесть назад.

Но тем не менее, как-то ненавязчиво, мелькнула знакомая арка, из которой я давеча выбегала, а потом и склон, с накатанным ледяным спуском.

Вот она — элегантная шутка провидения — мне следовало довериться ему сразу. Что тут поделаешь, если я все время кричала: «Я сама, я сама справлюсь!» — вот и получила полнейшую возможность «справляться».

А все потому, что голос моей мудрой природы заглушен чем-то ненастоящим и неживым, вот и приходится кричать самой себе «отпусти». А как отпустить-то? Жалко. Столько строишь. Стараешься, одно умозаключение к другому, в общем, заключаешь свой ум в корявую монументальную форму.

И теперь, кажется, я разглядываю Вселенную сквозь дыру в заборе.

— Держись! — Два перетащил меня по ту сторону ледяной дорожки, — вот и пришли.

Покрутив головой, я поняла, что он имел в виду небольшой двухэтажный флигель, врезанный прямо в склон холма, и венчавшийся смотровой площадкой.

В окне второго этажа горел, между прочим, свет.

Так, очень забавно.

— Ура, все дома...

Как-то без энтузиазма получилось у меня. Два посмотрел участливо:

— Тебе не хочется домой?

«Ох, миленький, знал бы ты, как хочется, да только, как?» — чтобы не шокировать Два, я отвела глаза и ответила по-честному:

— Просто трушу. Не знаю, что меня там ждет.

Кажется, Два понял по-своему.

— Все равно решать проблемы придется, чего откладывать?

И то верно.

Я внутренне подобралась.

— Идем решать. Где у нас тут дверь?

Два позвонил в прелестный медный звоночек, несомненно, ручной работы, навскидку, век 18.

Иш-ты, какая тонкая расстекловочка.

Матовенькое стекло с рисунком, шириной не более семи сантиметров, в изящной медной оправе, дубовая дверная доска — обширна, импозантна и инкрустирована гвоздиками.

Если бы дерзновенные мои эстетические притязания воплотились бы в план реальности, иной двери я бы не желала.

В вестибюле забрезжил свет, и одно из стеклышек-створок скрипнуло вовнутрь, оттуда затарашил любопытный глаз.

— Это Цво. Я звонил вам полтора часа назад. Можно войти? — Два отступил на полшага, открывая обзор на мою персону.

Глаз моргнул, и оттуда послышалось взволнованное «Ох!», затем невидимый замочек брякнул, и дверь перед нами распростерлась:

— Слава Богу! — выдохнула стройная фигура в черном свитере, — телефон надрывался весь день; шесть раз заходил НикНик, и один раз — директор. Поговорим завтра, у меня лекция в одиннадцать, — она обмоталась шарфом и стала подниматься по лестнице, через минуту стукнула дверь.

Два выглядел заинтригованным. Я закрыла входную дверь. Очень неплохое начало.

Обратимся к экспертам по моей биографии:

— Два, ты сказал, что все обо мне знаешь, теперь мне жизненно важно понять — что и м е н н о? — я вложила в фразу столько значительности, сколько смогла.

— Может, пройдем куда-нибудь, или ты предпочитаешь в дверях?

Я бодро повернулась и отправилась наугад на свет, и не ошиблась: мы попали в миленькую гостиную, только я с размаху, чуть не влетела на толстый белый ковер в грязной обуви.

Покуда я ожесточенно расшнуровывала ботинки, Два нашел выключатель и зажег уютную лампу над камином.

Сели на диван.

Сказать правду — мне здесь очень нравилось.

— Классно, — протянул Два со вкусом, прямо-таки с интонацией растянувшегося на диване кошары.

Мне показалось, что он сейчас сильно расслабится, поэтому я быстренько переспросила сурово:

— Что, классно?

— У тебя здесь очень спокойно, сразу как-то расслабляешься, — привалился он к диванной спинке.

— Два!

— Да?

- Рассказывай, пожалуйста! — я стараюсь быть строже, потому что Два куда-то сознанием уже утек, и вперил взор в ковер.
- Ты меня заинтриговала тогда в кафе. Вроде бы пошутила, а голос был не убедительный. Тогда я посмотрел тебе в глаза, чтобы понять, что происходит.
- И как, понял?
- Странное чувство.
- Какое же?
- Будто я влип в историю. И ощущение, будто история будет непростой или даже опасной.
- Испугался, да?
- И да, и нет. Это великий соблазн, впутаться во что-то непонятное, оно будоражит. Ведь может все изменить, правда? А может и разрушить...
- Может.
- Вот именно. Правда, интригует, если во втором часу ночи у тебя просят пять грамм цианистого калия, даже если в шутку; потом рыдают над таинственным процессом. Но это еще не все! Человек не знает собственного номера, адреса, потом спрашивает про метро, которого никогда не было. И наконец: непонятный тип, бандитского вида, врывается с цветами и исчезает, после чего девушка в аффекте, убегает в ночь!
- Что бы подумала ты?
- Я оценила поэтику его картины.
- Так и что же ты подумал?
- Что с тобою неладно.
- Спасибо, ты так деликатен! Мог бы прямо сказать: «не в себе». А дальше?
- В бюро позвонил.
- Так.
- Спросил, не ищут ли кого-нибудь, вроде тебя.
- Ну и как? — поинтересовалась я с большим любопытством.
- Сказали, что ищут женщину, номер 16036819. Ну и приметы назвали, однозначно твои. Дали телефон.
- Дальше я позвонил к тебе домой и пообщался с твоей странной прислугой, еле-еле объяснил, где я тебя видел, она начала меня умолять, найти тебя и привести.
- Она сказала, что на сегодня у тебя выше крыши рабочих проблем. Никто твои проблемы не конкретизировал, не беспокойся.
- Все это начинало меня забавлять. У меня появился дом, заметьте, не комнатуха в коммуналке; у меня имеется прислуга — ха-ха! Работа с уже готовыми проблемами, номер...
- Я ничего совершенно не понимала, но казалось очень заманчивым, побыть в положении Шекспировского персонажа Сляйя, который заснул пьяным сапожником, а проснулся герцогом.
- Один из моих знакомых говорит, что все мы — снимся папуасам на одном Тихоокеанском острове, наша жизнь — их сон. При этом он добавлял, что хотел бы встретиться с тем папуасом, которому снится.
- Послушай, Два, получается, что все население пронумеровано.
- С приездом!
- Как в паспорте.

— Свежая мысль, — порадовался Два, и погрузил взор в самую мою душу.

Никому не понятно, что я тут делаю, в чужом городе и на чужом диване, как очутилась здесь, и куда уйду потом; суть — в глазах Два.

Еще несколько секунд такого погружения... и пропала я!

Мое сознание отказывалось вместить в себя все невероятные факты, я почти физически ощущала, как сгорают предохранители в бедной моей голове.

Автоматически потянувшись к шапке на голове, я надеялась одним махом закончить на сегодня все несоответствия, но из-под шапки выпала на плечи целая уйма темных волос — мамочки!

Дело в том, что до этого момента, я считала себя светлой шатенкой со стрижкой под мальчика...

Два настороженно следил за выражением моего лица, а мне уже было все едино: со мной не было истории более дурацкой, и мой сон отныне был жуткой явью.

Два встрепенулся:

— Ну, я пойду?

Я неопределенно пожала плечами.

Ясное дело, ему очень хотелось остаться, но сейчас, пожалуй, я бы этого не вынесла, и поэтому героическими усилиями поднявшись на ноги, заставила себя бодро и оптимистично посмотреть на Два. А он привалился к колонне:

— Ямари-сан...

— Что???! — я не сразу поняла, что это он мне говорит.

— Я просто хотел спросить, что это? — немного опешил Два, указывая на небольшую маску на каминной полке.

Я пригляделась и поняла, что речь идет об изображении Дзидзо — японского Божества детей и путников.

Вот интересно, что бы я делала сейчас, если бы в свое время не увлеклась синтоистской культурой и театром Но?

— Это Дзидзо, Божество детей и путников.

— Ааа! Понятно, — было видно, что он ищет повод для продолжения разговора, — а извини, кто у тебя японец? Мама?

— Дедушка, — вяло пошутила я и добавила, — но душою, я абсолютная русская и патриотка.

Знаешь, есть русские африканцы, отчего бы не быть русским японцам...

Два не понял шутки, это было видно. Он кивнул и, наконец, пошел к дверям:

— Можешь меня не провожать, — предложил он.

— Спасибо! — и я стояла на месте, пока не щелкнул замок.

Большой лимонно-желтый шар возник у меня перед глазами и разошелся кругами, толстыми, как пузырьки к периферии зрения.

Фу-фу! Какая глупость! Ну, кто меня мог здесь знать — никто не мог, я никогда не бывала в этом пространстве, это точно.

Мне стало душно, и я подумала, не раскрыть ли окно,...

Одно лишнее движение — и я замочила свои длинные рукава и чуть не свалилась в воду, ибо было на мне настоящее кимоно цвета сливы, и китайская пурпурного цвета накидка, и ветер поигрывал цветными лентами пояса... и си-дела я на гладко отполированных мостках посреди озера.

Было прохладно и тихо, а рядом на животе лежал Два и болтал рукой в светлой прозрачной воде.

— Не сигани в воду!

Ишь ты, спасатель! Благодаря всем этим японским прибабасам я поняла, что сплю, и этот сон получался исключительно приятный.

Ничего не имею против. Бывают сны много хуже, как давешний, с отражением в зеркале. Но это ведь только сон, какая разница, кем быть: русской или японкой?

Эта удивительная легкость в восприятии спровоцировала меня поговорить с Два начистоту.

— Слушай, Два! А если бы я тебе сказала, что я не тот человек, за которого меня все принимают. И дом этот не мой, и про номер этот слышу в первый раз в жизни... И вообще, я не знаю, как сюда попала, что бы ты на это ответил?

— Что я — Наполеон Бонапарт.

— Не веришь мне?

— Почему же. Тебе просто хочется, чтобы все было так, как ты говоришь...

Психолог! Я даже не знала, что и сказать. Шутки — шутками, но пьяный Сляй, действительно становился герцогом. И все вокруг играют очень убедительно.

Два поглядел на меня искоса и продолжил:

— Вообще-то они сказали, что у тебя поехала крыша от какого-то эксперимента по части психологии...

— Кто это «они»?

— Коллеги твои.

Он опустил глаза на секунду.

— Я спросил, в чем это выражается, а они замялись и немного погодя я услышал новую версию: они «не уверены, конечно, может быть с тобою все в порядке, просто в странном состоянии ты много чего лишнего наговорила руководству».

Вот это да! Изумительно! «Мои» проблемы оказались достойными внимания, хотя бы просто потому, что обычно, я в присутствии начальства, делалась удручающе косноязычна, а потому тиха.

— Теперь они меня поймают и посадят в психушку, разве все так плохо?

— Нет. Потому что с головой у тебя все в порядке, я думаю.

— Откуда такая приятная уверенность?

— Из личного опыта.

Как я ни ждала, продолжения не последовало. А Два — ловко погрузился в воду.

— Как же так, Два, это же абсурд! Ну, я же совсем непохожа на японку!

— А на кого ты похожа?

Мне ужасно захотелось закричать, затопать ногами, или сделать что-нибудь убедительное, почему-то казалось, что это будет сильным доводом.

Тут Два вынырнул прямо передо мной и ласково сказал:

— Иди-ка сюда! — сцапал меня за подол и наклонил над водою, — смотри!

Холодея, я разглядывала растрепанную особу с высокими скулами, губами «домиком» и миндалевидными карими глазками, которая отразилась рядом с Два.

Вот откуда имя японское.

Оставалось честно констатировать, что увиденное мною в безумном сне отражение — и есть реальность, и нравится мне это или нет, но незнакомое тело стало моим, как будто я надела новое пальто или платье.

И на секунду, я панически засомневалась, быть может это игра сознания: все мои воспоминания о жизни иной и ином теле.

Вдруг, со мной и правда что-то случилось, отчего я забыла изрядный кусок своей биографии.

Два по-свойски накрутил на палец мой локон:

— Лицо вроде бы на месте, — заметила я.

— Кажется, так, — Два отпустил кончик локона, и прядь развернулась, — ты похожа на Дзидзо, детское Божество.

Не ломай себе голову; то, что ты видишь, как и то, что тебе кажется, секрет для окружающих.

И мир этот для них плотный и конкретный, абсолютно нормальный, материальный мир.

Все остальное, твое дело, им это чуждо и непонятно.

Если ты им будешь мешать, они отторгнут тебя, как чужеродный элемент, и все.

Ты не дождешься от них жалости или сочувствия.

Они не поймут, за что тебя нужно жалеть.

В этом монастыре есть свой устав, и тебе решать, как ты будешь с ними строить отношения.

Либо ты придумаешь, как, и выживешь, либо они вытолкнут тебя, запомни это!

Он вылез на мостки и натянул на мокрое тело одежду.

— Ладно, я пошел. Будь здорова!

Мне не хотелось, чтобы он уходил, но ни за что на свете я бы не призналась в этом:

— Я не сказала тебе «спасибо»...

— Так скажи, — и он поднялся на ступеньку и вперил в меня взгляд.

Разглядываю его глазищи в светлую крапинку, хитрю-ю-ющие! Но мы на провокацию, как известно не поддаемся!

Опять кладу ему руки на плечи:

— Спасибо, Два! Без тебя я пропаду.

Вот это-то последнее «пропаду», вырвалось как-то само по себе, помимо моей воли, но доставило Два видимое удовольствие.

— Ладно! Не дам тебе пропасть, — и он погладил кончик моего носа.

Вот уже целый час по пробуждению. Я пыталась жить в шкуре Сляйя, в сотый раз констатируя про себя, что непонятным образом оказалась втиснута в чужое тело.

И меня сильно волновало то, кто совершил это астральное безобразие, и то, где находится хозяйка всученного мне тела.

Кружа по «моему дому», я искала ответ на свой вопрос.

Но дом оказался хитрым сундучком, таившим множество сюрпризов: непонятно куда ведущих дверей, пустот, ниш и лестниц.

Он нёс в себе загадку жизни Ямари-сан, и не собирался ею делиться.

Чтобы ее разгадать, мне нужно было, просто-напросто, найти связь между чайником с тростниковой ручкой, оставшимся стоять на уголке лестничного марша, и перевязанным лентой конспектом по французской литературе в студии наверху.

Просто определить, зависимость двух морских раковин от сломанного кота, засунутого под кровать.

Задумалась и села не пороге балкона.

Местная ночь казалась южной от большого количества звёзд на небе.

Только непонятно, что в ней было странного...

Я закатала рукава свитера и поняла вдруг: зима внезапно закончилась, ветер пах морем и был теплым.

Удивительно!

Я начинаю принимать чудеса как должное и вживаться в этот Город, название которого не знаю.

Дело в том, что очнувшись в мягкости Ямари Сановского дивана, я поняла, что занимаю это место не одна.

Выпрямив ноги, я попала прямо в живот неведомого почивающего блондина, и от неожиданности чуть не упала на голову брюнета, безмятежно спавшего на полу.

Оба, как по команде, широко открыли глаза.

— Вы здесь откуда взялись? — а что ещё, собственно, было уместно спросить в моём положении.

— С пожара, — извинился чумазый блондин.

— Театр сгорел, — добавил брюнет. Половинок двух передних зубов у него не было.

Дальше я услышала совершенно фантастическую историю про только что случившееся землетрясение в квартале рядом.

И про то, как созданный в здании кладбищенской церкви студенческий театр загорелся при вспышке молнии.

И все накануне премьеры.

И что самое удивительное, остался целым и невредимым альков с мощами местного Святого.

— Я им говорил, что добром это не кончится, — вскипел блондин.

— Ты у нас, как известно, добрый католик, — хмыкнул брюнет, — а по мне так какая разница, церковь или театр!

— Подождите, при чем тут мой диван? — вскричала я, чтобы понять-таки фабулу.

Но только через несколько минут словесных блужданий поняла, что они влезли сюда поспать, потому что до пожара жили в театре.

Экспликации писать их явно не учили, уж больно бестолковым вышел их рассказ.

Я свято верила, что вся эта история нормальное враньё, и мне мучительно захотелось их прижучить:

— Пошли, — поднялась я с места, — посмотрим на мощи Святого.

Желанием идти они не горели, но отказываться не стали.

Таким образом, мы оказались на запруженной народом улочке, весь вид которой говорил, что тут и впрямь бивак беженцев.

Народец растаскивал обломки, перетряхивал обгоревшие тряпки и стаскивал в кучу уцелевшую утварь.

За считанные часы тут вырос настоящий городок из шалашиков, халабуд и фигвамов.

Атмосфера напоминала Хадж в Мекке, поэтому настроение у люда было приподнятое, без печати страдания на челе, будто все радовались благополучному исходу дела. Истинные даосы!

Компания чумазных девчонок, варила что-то над импровизированным костерком.

Одна из них, непропорционально длинная и одетая почему-то, в венецианский парчовый наряд, побитый искрами, горделиво повернулась к нам лицом и красивым меццо-сопрано бросила:

— Не дадите ли соли, а, Крис?

Брюнет покраснел пятнами, сузил свои очи до двух злых щелочек и каркнул:

— Где я тебе ее возьму! Въезжаешь?

Девчонка перевела на меня выразительный взгляд.

— Вот дура! — прошипел Крис вне себя.

И рванул вперёд так быстро, что даже колыхнулись штанины его шортов в цветочек, которые я впотьмах приняла за семейные трусы.

Барышни звонко захихикали.

— Они постоянно на ножах, — доверительно пояснил мне блондин.

— А отчего она в таком платье, — поинтересовалась тихо я.

— Так это же наша костюмерша! — удивился моей непонятливости блондин.

— Понятно, — протянула я. Что-то мне становилось неловко, но отступать тоже было глупо.

Странное мною овладевало чувство, какой-то, прости Господи, сопричастности всему этому оживлению, и я предложила ребятам взять соли у меня дома.

Тем временем мы оказались перед черным остовом бывшей церкви.

Огонь уже потушили.

От былого великолепия остались лишь стены и новехонький, сверкающий стеклом и металлом, вестибюль, пристроенный к церкви, чудом оставшийся нетронутым.

Крис открыл передо мною дверь:

— Заходите!

Я нерешительно вступила в бело-мраморный холл.

За массивной дверью зиял черный провал, его зловеще пересекала бывшая ковровая дорожка, копчёно-бордового цвета.

Двое рабочих, сноровисто покрывали обгоревший кирпич пластиковой пленкой, приклеивая скотч крест на крест.

— Альков здесь, — указал рукой блондин на стену, уже затянутую пленкой.

Мы подошли поближе.

Из-за плёнки ничего не было видно, кроме темноты вокруг раки Святого.

Я осторожно приложила пальцы к пластику.

От раки исходило едва ощутимое тепло, именно оно было настоящим во всем окружающем безумии, и просто жило своею тайной жизнью.

— Здесь была сцена, — показал мне блондин, — а там мастерская Криса.

И мы с ним прошли под деревянными строительными лесами, в узкий лаз, по бокам болталась пара лампочек без колпаков.

Мастерская, это конечно, сильно сказано.

На самом деле это был полуподвал, стены которого оплавлены подтеками какой-то мерзкой синтетики, а ровно по центру помещения — стол.

На нем, как в фильмах ужасов, лежали кукольные головы, изготовленные с редким реализмом.

Даже в темноте было видно, как поблескивают их глаза.

— Отчего у них глаза блестят? — спросила я блондина.

— Крис вставил муляжи глаз для чучел, — объяснил он, — это куклы для премьеры, которая не состоялась...

Я придвинулась поближе к женской маске. Вблизи оказалось, что это лица, одетые, как маски, и когда я приподняла маску, под нею весело скалился задорный черепок, с клочком волос на теменной кости.

В глазнице крутился муляж глазного яблока.

Я одела маску на место, кажется эта кукла — субретка.

Листе личико с пухлыми губками, один глаз — кошки, другой — рыбы.

— Какая странная фантазия у художника, — заметила я вслух.

— Да, по-моему, у него не все дома, — согласился блондин, — по крайней мере, мне всех этих странностей не понять; Крис с ним водится, запрется в подвале, и чего-то делают, то-ли на рояле играют, то-ли дикую музыку слушают, то-ли анашу курят, обычному человеку не понять. Жена его, художника этого, Криса на дух не выносит, говорит, что после него псиной пахнет, и прыскает повсюду освежителем воздуха.

Мы протискивались обратно в зал, а Крис тем временем отрешённо расписывал золотянкой из баллончика стену вокруг алькова.

Это напоминало картины из жития Святых, правда, в весьма авангардном варианте, а подо всем этим красовалась надпись: «Пути креста».

— Послушайте, ребята, — я ощутила к ним теплое братское чувство, — поживите пока у меня, если что...

Крис кивнул. В общем, домой мы вернулись втроём, и завалились вповалку на обширной кровати Ямари-сан, ну, а дальше проспали не менее суток.

Хотя по-моему, это был скорее бездумный провал, чем сон.

Сквозь шторы пробивалось горячее солнце.

Если я захочу снова пережить самый безмятежный и шмяюще-счастливый момент, буду стремиться в Ханию на Крит днём и непременно, в солнце.

Попадаешь в Ханию, и на тебя нисходит тонкая смесь ветра, лёгкого беспокойства, игры и лукавства.

Опускается шатром предвечерний мир белых улиц и подбивает сделать жадный глоток удовольствия — теплый стакан вина за дружескими излияниями.

Но главное, это море!

Его присутствие рядом дарит радость и ощущение дома.

Повсюду царство белого цвета и добрые, усатые люди.

С глубоким и звонким звуком море поглотило мою монетку, и сразу пришло чувство вселенского растворения.

Таким образом, я медитировала на закрытые шторы и уговаривала себя, не поспать ли ещё, покуда тихо.

Ранним утром, когда было ещё темно, сердобольная моя прислуга, подтыкала под нас одеяло, разговаривая с кем-то громким шепотом, потом звенели чашками и хлопали дверьми, и наконец, все стихло.

Блондин, который сердито делал вид, что спит, встал и долго шуршал в ванной.

А Крис по-прежнему спал, дыша бесшумно, как ребенок.

Я решила позаимствовать у Ямари-сан шикарный шелковый халат цвета сливы и спустилась вниз в поисках кофе.

Задумчиво войдя в гостиную, я обнаружила там тьму молодого народа, облепившего обстановку так густо, что яблоку негде было упасть.

В центре на диване восседала моя прислуга и радостно улыбалась.

— Доброе утро! — гаркнули присутствующие с энтузиазмом.

— Здравствуйте, — я протиснулась к прислуге поближе.

На лицах народа не было саж, поэтому, на всякий случай, уточнила у нее тихо:

— Погорельцы?

— Ну, что ты! — возмутилась она, — это жертвы потопа!

— Сегодня институт затопило, а у нас лекция! — подал кто-то голос.

— Вот оно что! Я, извините, помешала...

Бог их знает, как тут у них принято жить.

Выходит неловко: люди в беде, а я позволяю себе позу, тоже мне, собственница!

Чтобы загладить неловкость, я робко предложила кофе-чаю, и ретировалась, провожаемая морем взволнованных восклицаний.

В дверях мне попался блондин, свежий как розан. Он неодобрительно качал головой.

— Слушайте... как вас звать?

— Андреас.

— Идемте, Андреас, лепить бутерброды.

Кухню мы с ним обнаружили, нужно сказать, не сразу.

И хотя она была обширна и напичкана бытовой техникой, для начала пришлось промыть себе путь до холодильника, потом до тостера и плиты.

В холодильнике обнаружился только один вид продукции: нарезанный соломкой картофель в заморозке.

Мы тщетно искали хлеб или масло.

Чем, в самом деле, она, прислуга эта, кормила Ямари-сан, картофелем фри, что ли?

— Буди товарища и ступайте на промысел! — скомандовала я Андреасу.

Ничего себе, прислуга, изумлялась я, варя кофе в огромной ёмкости.

Хотя, конечно, если катаклизмы здесь происходят на каждом шагу, то жизнь в рамках условностей просто бессмысленна.

Тем временем вернулись, обвешанные кулками, мои «спальники», и работа закипела.

Мало-помалу, вся веселая орда снизу, проявила признаки нетерпения, то одна, то другая голова протискивалась в дверную щель, и втягивала носом запах.

С пятого такого визита, я стала бесцеремонно отгонять их полотенцем; кое-кого выставил, по-простому, Андреас, а тихий Крис просто кидался хлебными шариками, что с него возьмёшь! Француз...

Дело шло спору, и только к концу пришла прислуга.

— Вот, что значит человек, свободный от условностей! Ямари-сан, мы закончили, можно подавать, я — в гостиной!

— Мда... — Андреас покосился на меня.

— Интересный экземпляр! Надо будет составить ее натальную карту... Но я бы ей не платил, — изрёк Крис.

— Я подумаю над этим, — кивнула я, и втроем мы потащили горы бутербродов в гостиную.

Когда все общество стало «удовлетворено желудочно», я обнаружила, что мне не перепало ни крошки, а между тем есть хотелось ужасно!

Примостившись на ящике из-под бутылок, я жевала хвост батона без масла и без сыра.

— Ямари-сан, вы украсите собою наше общество?

Кусок замер у меня во рту, я покосилась на подавшего эту реплику юношу в черном.

— Украшу, украшу... — несколько злоежце пообещала я, и воззвала к своей даосской устойчивости.

Тут я вспомнила саркастический эпитет, которым наградил меня один мой друг Козлов: «Авгурша Большого Дзена».

— О, Авгурша Большого Дзена! — пропела я вслух для эго-профилактики.

— А кто такой, Большой Дзен? — спросил все тот же голос.

— Мой большой друг.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут нервно зазвонил телефон.

— Ямари-са-а-ан! Телефон-о-он!

Еле-еле протиснувшись к телефону, я рывкнула, перекрывая гвалт споров:

— Тихо!!!

И все умолкли, глядя на меня так, что я оказалась в эпицентре всеобщего внимания.

— Да, — осторожно начала я.

А в трубке загнусавило:

— И что ты там делаешь?

— Завтракаю...

— И долго ты намерена завтракать?

— А что, я куда-то опаздываю?

— Ха-ха-ха! Все пытаешься вывести меня из себя? Это у тебя большие проблемы, и на твоём месте, я бы появился на работе немедленно!

— Это очень необходимо?

— Совершенно необходимо.

— Хорошо, я пойду туда.

— Я заеду! — отрезал мой собеседник, а я положила трубку.

— Чтобы я ещё знала, кто это был... — вырвалось у меня.

Прислуга ехидно хмыкнула, и сочувственно констатировала:

— Достал-таки! Женишок...

Вот это славно! Только этого мне недоставало для полного счастья...

Кстати, мою прислугу звали Тата, и она сказала правду про потоп: ландшафт прямо за моим порогом сегодня напоминал Венецию.

Свинцово-серые воды простирались там, где вчера были руины, а позавчера — нечто вроде «Чайна Тауна».

Гладь воды напоминала Великую Китайскую равнину в период высадки риса.

Кое-где над водой торчали не то былинки, не то ветки.

Уныло возникали из воды невесть откуда всплывшие сваи, и одиноко покачивалась весельная лодочка, на которой какой-то добрый «Мазай» подбирал висевших на обломках «зайцев».

Лишь у канала, который теперь выполнял свое назначение, дома стояли не-вредимы, и кое-кто успел уже пристроить к ним деревянные мостки для привязи лодок.

На улочке между домами вообще маячил парус. Кто-то умудрился передвигаться на сэрфе.

Чистая Венеция, только гондольера не хватает!

Однако же и гондольер появился, немилосердно разрушив романтический антураж треском мотора. Подрулил к моему порогу, и затих, скользя по инерции.

Рулевой упёрся в стену шестом, а маленький мужичок рядом с ним откинул с лица капюшон и строго сказал:

— Влезай! — и выпростал из-под складок плаща ручку, предлагая опереться. Я принципиально забралась сама.

— Добрый день, — попыталась я загладить напряжение.

— Ну, здравствуй, — отвечал мужичок, и вдруг хватанул меня в объятия, облапив так сильно, что я идохнуть не могла...

Стало невыносимо неловко, повернув подбородок вверх, узрела две головы, нахально разглядывавшие детали этой картины.

Андреас с Крисом забавлялись...

Тьфу, глупость какая! Я попыталась шевельнуться и выдавила из себя:

— Очень жить хочется...

И мужичок меня отпустил.

Покуда я дышала вольно, он детально изучал мое лицо.

Я чувствовала себя так, будто он щупал все семь моих тел.

Бесцеремонность какая!

Он широко улыбнулся и доложил:

— Я тут просмотрел ситуацию чисто энергетически, никуда они от нас не денутся, мы-то в процессе, а они — нет.

Главное — осознать промахи, и проблема отвалится сама-собой.

— Угу...

А что я ещё могла сказать, послушав умные речи?

Если бы ещё понять конкретно, о чем он...

Глядя на его лицо, я думала о том, что он похож на маленького Демиурга, не сомневается и совершенно уверен в своих полномочиях.

Он мне не нравился!

Может быть Ямари-сан что-то в нем находила, но в моем вкусе он, явно, не был.

Тяжкое это будет испытание!

— Холодно? — спросил меня он. И поскольку я неопределенно повела плечами, добавил, — сейчас проработаю твои каналы!

И ухватился за мои пальцы, вытягивая фаланги одну за другой. Кошмар какой!

Чтобы прекратить эту процедуру, я спросила:

— А можно узнать подробнее, что происходит на работе?

— Так! Теперь ты скромно спрашиваешь, что происходит?!

И тут он мне рассказал.

Чем больше он говорил, тем больше у меня возникало желание напиться вдрызг. Одной. Особенно, когда он рассказал, как Ямари-сан дала в ухо некоему Козырю, начальнику конкурирующего отдела. И что последний вызвал ее, то есть меня, на татами... выяснить позиции и получить сатисфакцию. Завтра в 12 часов. Господь Милосердный!

Между тем наше плавсредство достигло края обширной бетонной пустоши. Казалось, вот-вот рядом приземлится космолёт.

По центру оной пустоши красовалось внушительное здание из стекла и бетона с надписью: «Институт экспериментальной психологии».

О Боги, как же я влипла!

— Знаешь, что, — остановила я мужичка, — пойди вместо меня, скажи им, что мне тааак плохо... и нужен отпуск. Я же имею право на отпуск?

— Подставляешь меня? — с укоризной сказал мужичок.

— Ты же меня любишь... — ввернула я веский довод.

— Эх, женское коварство! — вздохнул он, — ладно, жди здесь.

— Ага, ага, — уверила я, и только он скрылся в лифте, размашисто зашагала к выходу.

Но убежать мне не удалось, кто-то окликнул меня:

— Ямари-сан!

Я сосчитала до десяти и обернулась... Передо мной с милой улыбкой стоял немолодой мужчина с благородной наружностью:

— Удрать собрались? — с пониманием спросил он.

— Да, — ответила я, — мне нужно время, чтобы принять решение.

— Понимаю, — кивнул он, — пошли тогда, я вам что-то интересное расскажу...

День сплошных доверительных бесед!

Пока я работала, вода ушла, и чья-то заботливая рука подмела порог.

Теперь перед нами постиралась железобетонная пустошь: еще немного и мне бы пригрезились садящиеся и взлетающие космолеты.

К подъезду подкатила хорошенькая машина неизвестной марки.

На сей раз Шпион, со своей услужливостью, кажется, кстати.

— Поехали! — я влезла на заднее сиденье, а Шпион притиснулся рядом.

— Ты это серьезно, насчет «дня удаления»? — начал он.

— Вполне! Я беру день «на подумать», когда решу все, ты об этом узнаешь.

Шпион важно кивнул, хотя и почувствовал неладное.

— Люди нашего с тобой уровня, понимают друг друга с полупамятки. Я ни о чем тебя не спрашиваю.

— Спасибо! — я откинула голову на обивку сиденья и закрыла глаза.

Такое привычное движение, и именно сегодня, мне оно что-то важное напомнило...

Крутилось в голове, и вот, наконец, я его поймала: это из области моих временных упражнений; откидываешь голову, закрываешь глаза и... отправляешься либо в уже прошедшее, либо в будущее. Важно обозначить себе точное время, чтобы знать куда выйти.

Вот оно что. А почему это я внезапно прекратила свои занятия? Я решила тут же себя проверить, но машина резко тормознула, и краем сознания я отпустила ругань водителя. Ну, что там еще?

Посреди дороги была рукопашная свалка. Кого били было не видно, но доставалось ему безбожно.

— Они его не убьют? — я не могла смотреть на битие лежащего спокойно.

— Все может быть, — Шпион и не думал действовать.

Я же задала себе вопрос, могу ли вмешаться, и вялость мою, как рукой сняло.

Я вышла и решительно направилась к эпицентру кучи, вспомнив фразу Аркадия Гайдара из «Тимура и его команды»:

— За что бьетесь, ребята?!

Лишь на секунду крайний прервался и повернулся ко мне, и я узнала давешнего своего благодетеля: Мощный мужской силуэт.

— Приветик, — начала я.

— Привет, Чемпионка! — добродушно отозвался он, — что, соскучилась?

— Ага, — я искала нужное слово, — может, прерветесь, он же «лежачий»?

ММС заглянул через плечо на кучу:

— Гляди-ка, точно, — спокойненько заметил он, — перекур, хлопцы! Пусть передохнет «труп», что мы, звери, что ли!

Все участники побоища с готовностью разогнулись, и на асфальте остался «сгорчившийся мальчик»: ноги — к животу, локти — к лицу. Он выждал минуту, и так как удара не последовало, чуть приоткрыл лицо. На нас глянул круглый, тревожный глаз.

Мать честная!

— Слушатель!!! — вскричала я, но он, как ошпаренный заяц, живо подскочил и рванул прочь...

Я припустила вослед, ясно сознавая, что иначе, мой шанс — убежит...

— Во, дает, Чемпионка! — нагнала меня фраза ММС.

— Да остановись, ты, наконец! Стой!

Из последних сил я сделала рывок вперед, повиснув на Слушателе, и крепко обхватив его за корпус; как он ни работал локтями, я держала его цепко.

Он рванулся, упал, мы прокатились метра два, и, наконец, он затих.

— Ты что, в самом деле! Не узнал?! — Слушатель затравленно глянул на меня. Волчонок настоящий!

— Да я же — за тебя! Я — не враг, это точно!

Изрядно побитое лицо сохраняло напряжение. Наконец, он заговорил:

— Они меня преследуют, я уже говорил, а вы мне не верили!

— Верю, голубчик, верю! И помогу, как сумею.

Он лихорадочно оживился:

— Поможете, правда? Только вы и сумеете, вы-то уж найдете выход, правда?

Я, конечно, польщена таким доверием, но откуда такая уверенность?

— Может, пойдем ко мне, — я думала, что бы предпринять, — это у холма, у горки той, злополучной...

Я бы закончила фразу, но услышала мерный скрип бегущих по гравию подошв, почти одновременно мы оглянулись...

Когда ММС со мной поровнялся, я спросила его:

— Бить будете?

— Тебя-то бить? Какой смысл?

Ты и сама-то не знаешь, что вычудишь через минуту. Тебе не «толкачи» нужны, а «тормозящие»! — он мне подмигнул, — все за нас сделала! Тебе снова призыв от компании — садись! — и он широким жестом распахнул дверь подъехавшего жуткого внедорожника.

Внутри теснились развеселые давешние ребята, что лупасили Слушателя на дороге.

— Подвинули корпуса! Чемпионку закинем домой!

Мужики галантно подвинулись, деликатно хихикнув.

— А что, уволят меня, к вам подамся! — пообещала я ММС.

— Нее, девчонок не берем!

— Ну, и не больно-то хотелось!

Парни довольно заржали. Вблизи они совсем не страшные, процессов «ускорители».

— Тебе чего надо от «зайца», скажи честно? — доверительно обратился ко мне ММС.

— Знать хотела, где он меня встретил, когда я... э... в трансе была.

ММС задумчиво молчал. Потом тихо изрек:

— Не знает он, точно.

— Почему это? Вишь, самоуверенный какой, бесит.

— Потому, что это я тебя нашел, и в машину посадил, а «заяц» там уже до тебя куковал.

Так меня нашел ММС! Я уставилась на него в немом изумлении.

ММС добродушно хмыкнул:

— Дырку во мне просверлишь!

Поверить не могу, в такой поворот!

— И где же я была? — прошептала я.

— Да на паперти. Так и сидела на ступеньках. И покачивалась. Я тебя на ноги поднял, а ты мне, такая, и говоришь: «Я выплыву!», да, да говорю, без «Б»! А ты снова: «Выплыву, обязательно!» Потом в машине парням все твердила: доплыву, да доплыву! Вот и прозвали тебя — «Чемпионка», — весело закончил он.

Мне хотелось сквозь землю провалиться, но к счастью, в этот момент мы приехали.

Я стояла у порога, ноги у меня болели, а в голове случился взрыв: ММС нашел меня у подножия Сооружения! И туда я никак не могу пробраться, и понять, зачем я тут — то же. С этим мне придется дальше жить. Слезы застилали глаза и тут сверху раздалось:

— Эй! Я-сан! Не будешь заходить?

Это был Крис, он полулежал на парапете террасы, как кошандер.

Я быстро вытерла лицо.

— Народу дома много? — спросила я его.

— Только я и Дреас, так что заходи смело!

Честно говоря, я обрадовалась и быстренько вошла.

Пошла на кухню, потому что оттуда тянуло чем-то съестным. Над плитой колдовал Дреас, он обернулся, радостный:

— Идите сюда, попробуйте дежурку! — он протягивал мне ложку.

Я аккуратно проглотила, похоже было на рагу.

— Что это такое?

— Это фирменное пла де жур от Дреаса, — Крис в своей манере просочился и сел на ящик.

Я поглядела на его шорты в цветочек.

— Крис, ты не мерзнешь?

— Нет.

— На тебя холодно смотреть.

— Может, я тебя волную?

Вот шельмец!

— Может, кинуть в тебя тапок?

— Значит, я — прав! — заключил Крис.

— Так, много у церкви свободных палаток? — намекнула ему я.

— Очнись, Крис, ночь-то сегодня холодная... — поддержал меня Дреас.

Мы сели за стол, накрытый Дреасом, и я у него спросила, бывал ли он в Сооружении.

Дреас неловко улыбнулся:

— Я хотел, но не складывалось как-то.

— Не обманывай себя! Тебе ни разу не удалось кварталом ниже спуститься! Что, я не прав? — ерничал Крис.

Дреас замялся. Потом глянул на меня и рассказал:

— Помните, про художника, я говорил, про Матиаса, который исчез? Это он нам рассказал, что к сооружению не сможет подойти каждый. Крис орал, что мол, фигня! Но и у него не получилось, хотя ему удастся спуститься на квартал ниже. Что это за штука такая, трудно понять. Есть только разные версии, о них и рассказывал Матиас.

— Что за версии?

— Что этот мир — искусственный, что-то вроде оранжереи. Нас тут культивируют, как цветы, чтобы выросли нужные качества. А мы друг для друга, что-то вроде зеркал — видим, какие мы есть на самом деле.

Я подвинулась ближе к нему и заглянула в глаза:

— И что ты видишь в зеркале Дреас?

Он глядел на меня, сначала весело, потом посерьезнел.

— Вижу, как не хватает мне храбрости. Вижу, что не импровизатор и боюсь, когда теряю контроль над тем, что происходит. Завишу от того, что подумают обо мне другие.

Вы — очень храбрая!

— Может, просто безбашенная? — я тихонько пожала ему руку.

- Что, почему ты пожала ему руку! — взъярился Крис, — за какой такой подвиг?
- За доверие, мон шер! И вообще, не дерзи слишком, могу рассердиться. Все-таки он очень на дикого кошака похож — и шипит так же, если что не по нему.
- Тебе-то что не так? — уже спокойно спросила я.
- Крис сузил очи в щелочки, покривил губами:
- Смотрела «Фаворитов Луны»?
- Это Бунюэля-то фильм? Смотрела!
- Эпиграф там есть: «Мы дети Солнца, пасынки Судьбы и фавориты Луны».
- Ну?
- Ты — Луна, твой свет притягивает и наводит морок: становишься безумен, начинаешь грезить и ходить, как сомнамбула, а потом теряешься во снах!
- Значит, ты мой Фаворит, раз так! — поддела я его, чтобы скрыть свое смущение. Есть в Кресе что-то пугающее и «заразное».
- Крис вперил взор мне в душу. Потом заявил:
- Пойду, приготовлю тебе ванную!
- Оп-па! Крис неподражаем.
- Дреас вскользь поглядел на меня:
- Видите, вы даже не смутились! Не сердитесь на него, он сам сейчас не свой. Думаю, он нашел в вас много общего с Матиасом. А Матиаса он ни с кем не желал делить, в этом была беда. Вирджиния с ума сходила от ревности, в Матиаса она была влюблена. Матиаса все боготворили!
- И ты?
- Может быть и я. Хотя я сопротивлялся, боюсь зависеть от кого-то.
- Да, мощный, видно был мужчина, если по нему сохли и те и другие. Я спросила:
- Что же в нем такое было, какой секрет?
- Он вдохновлял, — просто ответил Дреас.
- Ванная выглядела роскошно: свечи, благоухости всякие и пена.
- Я размышляла обо всем, что сегодня случилось. В дверь постучали. Это был Крис. Что ж пусть зайдет.
- Я принес простыню.
- Спасибо!
- Он положил простыню и сел рядом.
- Я ждала, что он скажет.
- Я-сан, ты можешь вылечить меня?
- От чего?
- Чтобы я не думал о Матиасе и обо всем, что с театром связано.
- Привязанности не лечат, их отпускают.
- Как?!
- Понятно. Легко мне не будет. Поэтому я его спросила:
- Ты веришь, что я могу вылечить?
- Верю, — сказал Крис.
- Тогда давай сюда простыню и отвернись на минутку, — я встала и замоталась в простыню, а потом в халат.

— Иди сюда, Крис. Вдохни и задержи дыхание! Когда ты будешь выдыхать, все отпустится. Понял? — он кивнул, и в этот момент я его макнула с головой в воду, легонько удерживая за затылок под водой. Выдыхай!

Я дождалась, пока он полностью выдохнет, и отпустила его. Потом открыла воду и умыла ему лицо три раза, приговаривая: «ушло с миром, на место встало». У меня была чудесная бабушка, так она помогала мне в детских горестях и это всегда срабатывало!

— Ты живой, Крис? У тебя получилось?

Он ответил не сразу:

— Не знаю, получилось или нет, но чувствую себя по-другому.

— Вот и ладно, теперь просто подождем. Иди, хорошо?

Я его выпроводила и присела. Вот ведь! Когда я домой шла — собственно, рассчитывала, что меня кто-нибудь утешит. Я почувствовала, что мне жизненно необходимо увидеть Два.

Вопросы окружающих и утренний изнуряющий бег подточили мои силы, мне так была нужна надежная гавань!

Странно то, что не прошло и двух дней, как этот человек стал для меня опорой! Раскисла совсем! Я тряхнула головой, сбрасывая преступную слабость, но это не помогло, на краю сознания так и остался маячить образ: Два, ведущий меня за руку.

Дум спиро спэро! (Пока дышу — надеюсь!) Я выскользнула из дома, чтобы никому не помешать, отметив, что хитрый ларчик-дом обрел своих Троллей — на пролете между лестницами, там, где стоял забытый чайник с бамбуковой ручкой — теперь поверяли друг другу тайны Крис и Дреас, распивая ароматный зеленый чай.

Они молча подвинули ноги, пропуская меня, на минуту замолчав. Видите-ли, секреты у них от меня...

Я же тенью просочилась дальше, сняла с гвоздика свой ключ на красной ленточке, и как младшая школьница, повесила его на шею.

Распахнула дверь — сегодня у нас праздник: это была роскошная ранняя осень.

Ослепительно сияло солнце, откуда ни возьмись у входа в дом появились два больших керамических вазона, и в них рдели багровые хризантемы.

Я втянула носом воздух с ароматом прелых листьев и отправилась искать Два в его аутентичное кафе.

Должно быть, за прошедшую ночь произошло нечто хорошее: горшки с цветами появились почти у всех домов, мимо которых я проходила. В горшках были прекрасные осенние цветы — флоксы, бархатцы, хризантемы и рыжие настурции.

Основание непостижимого сооружения утонуло в разноцветной кроне деревьев.

Здесь никогда не убирали листья. Это напомнило мне Елисейские поля в Париже, бульвар, весь засыпанный листьями.

Детишки в разноцветных резиновых сапожках мерили лужи с кусочками голубого неба, а потом с разбега врывались в вороха листьев, сбивая их в кучу, разбрасывали их, как дождь.

Хохотали.

Мамаши и папаши в изящных шерстяных пальто снисходительно улыбались, то прохаживаясь, то полулежа на скамейках бульвара.

Потом все они дружно собирались у лотка, где жарили каштаны и насыпали их в бумажные кулечки.

Грызли сладкие каштаны, смеялись и вытирали чумазые пальчики чистейшими батистовыми платочками.

Кафе на бульваре пестрели разноцветными вязаными шапочками, взрослые пили кофе, малыши ели булочки со сливками.

Счастлирое родительство, вот как это называется!

И тут внезапная догадка осенила меня, окатила, как ушат холодной воды: за эти немногие дни в Городе я не встретила ни одного ребенка! Совсем ни одного!

У меня тревожно забилося сердце, окружающая благодать несколько потускнела, как старая позолота.

Двери в кафе были распахнуты, и их придерживал деревянный ящик с лавандой.

В темном нутре кафе ощущалось оживление — под потолком появилась крафтовая гирлянда из «лампочек Ильича», душевно выкрашенных в разные цвета.

И впрямь — праздник!

Я зашла, мое появление ничего не изменило, все присутствующие были поглощены собой, беседой, газетой...

Даже за барной стойкой никого не было.

Я оглянулась — свободное место оказалось вообще одно, только в углу у окна.

Пробираясь к нему, я оглядывала зал, ища глазами Два. Но Два, к моему разочарованию, тут точно не было.

Оставалось ждать.

— Грюс Готт! Мэдохэн! Какое милое платье! — по лицу хозяина булочной засветилась улыбка настоящего удовольствия.

Я зашла к нему первому, чтобы похвастаться своим новым традиционным австрийским платьем. Знала, что его это порадует — он сам одевался в народные клетчатые рубашки с эдельвейсами, даже при слегка рваных на коленях джинсах.

— Спасибо! Я знала, что вы — оцените! Как настроение?

— Сегодня — лучше не бывает, веду Дайен в бильярд!

— Тысяча поцелуев от меня Дайен!

— С радостью!

В это время Вольфганг ловко уложил в пакет крендели к чаю, номер Ди Вельд и Нойне Дойче Зайтунг, это для хозяина дома, у которого я снимала квартиру.

Он подал мне пакет и чмокнул мое запястье.

Это был наш сосед. Я приходила к нему каждое утро. У него же научилась чудесному качеству, распознавать нюансы людского настроения и относиться к ним с большим вниманием.

Просто однажды я зашла к нему в грусти.

— Мэдохэн? Что сделать для вас, чтобы вы не грустили? — он внимательно посмотрел мне в глаза.

— Я не то, чтобы грущу... Может быть, чуть устала быть одна. Не знаю, рутина какая-то, недостает кислорода!

— В чужой стране, далеко от близких, любой может чувствовать себя одиноким! Не грустите, мэдхэн! — и он подарил мне леденец из коричневого сахара.

Я улыбнулась. Мне стало чуточку легче. Вечером того же дня в дверь позвонили, на пороге стоял Вольфганг, милая круглолицая девчонка и брат Вольфганга, тот, который Фердинанд, он же Дино.

— Гутен абенд! Мэдхэн, нужна ваша помощь! — деловито сообщил он.

Я несколько опешила...

— Хм, чем могу...

— Дино поспорил с Дайен, — и он кивнул на девушку, — что она обыграет нас обоих, если играть пара-на-пару. Теперь нам нужен еще один человек! Что скажете?

«Милота!» — он нашел повод пригласить меня «в люди».

— Только, друзья, я вообще ни разу не играла на бильярде! — созналась я честно.

— Я вас быстро научу, и мы проучим этих воображал! — Дайен деловито мне подмигнула.

Вот так развлекаются Венцы среднего класса: сначала бильярд до одури!

Я оказалась для него рождена, и мы с Дино разбили наголову «сладкую парочку» Вольфганга с Дайен.

Потом, ой, ужасно хочется есть, и мы толпой идем к Тито: только там супер-пупер вкусная паста.

Ну, а дальше: нормальный кофе: только на Дунайском острове! В кафе зерно жарят сами — за один запах души продашь!

И! Не посмотреть ли культовую киношку на Фридрихштрассе?

Ой! Культовая киношка прошла под сопение Дайен на плече Вольфганга.

— Мэдхэн, вы что-нибудь поняли? — Дино не сдавался до конца, пытаюсь вникнуть в хитросплетения Бунюэлевского сюжета.

— Нуднятина! — успокоила его я.

И мы отправились по домам, успев завернуть только к мороженщику, и съесть в полусне по шарiku шербета.

Тут очнулась Дайен:

— День пройдет зря без выпивки! Идемте — угощаю!

Я смотрела на реакцию Вольфганга, он только лишь добродушно улыбнулся, и эта улыбка говорила нам: «Что бы Душенька ни делала — все на благо!»

«Н-да, как это сильно на нас непохоже! — думала я два часика спустя, когда мы, выпив рюмку-другую, вели под белы ручки наклюкавшуюся, как воробей, Дайен.

Вольфганг также весело ее утешал, что еще рюмку, в другой раз!

Я не уловила в парнях ни тени раздражения.

С этих пор отношения у нас стали особенными, Вольфганг доверился мне, я — ему, ни разу об этом не пожалев.

Образ чужой стороны, грозной и неласковой испарился. Теперь рядом были люди, которым доверяешь. В чем-то даже родные.

Пока я предавалась воспоминаниям, так и сидела одна, никем не замеченная.

Не то, чтобы во мне вскипал возмущенный клиент, но нечеловеческий холодок бытия просачивался в душу.

Пару раз мимо меня мелькнула фигура в форменном фартуке, показав спину, прежде, чем я рукой махнула, дабы внимание привлечь.

С третьей попытки это мне удалось:

— Я ишу Два, — обратилась я к официанту с надеждой.

— Кого, прошу прощения?

— Ой, Цво. Его зовут Цво, он работает здесь, — я как-то смутилась, потому что парень слушал меня, как ненормальную.

— Я такого не знаю, спрошу. Что будете?

— Раф с лавандовым сиропом.

— Раф? Что это?

«О, Боже!» — я совсем растерялась.

В этот момент за соседним столом, где сидела характерная компания из четырех девушек и одного парня, произошло оживленное движение.

Парень, сидевший ко мне спиной, встал и направился, не торопясь, к барной стойке.

Девчонки за столиком захихикали: «Сироп лавандовый...»

И я, чтобы завершить мучение, спросила:

— Что такое латте вы знаете?

— Знаю! А если сиропа с лавандой нет?

— Боже, тогда любой, какой найдется!

Девушки продолжали прыскать и шептаться, временами проявляя нетерпение.

— Коничива! («Здравствуйте» по-японски) — раздалось у меня прямо над ухом так, что я чуть не подскочила от неожиданности.

Из-за правого моего плеча появилась рука, облаченная в мягкий кашемировый манжет, и перед носом у меня очутилась чашка рафа с лавандовым сиропом.

Хозяин руки возник рядом, закрыв широкой спиной обзор любопытствующим:

— Ямари-Сан, извините Кристиана, он — новенький, не умеет готовить раф и не знает Цво.

Он был красив, как олимпийский Бог, неброско одет.

Говорил этот парень спокойно, даже можно сказать, бесстрастно, но в энергетике речи присутствовала такая вкрадчивость, будто он полземли обошел, встретил тут меня — единственную, и одни в мире, мы тут, такие, говорим.

— Коничива! — ответила я ему, — вы меня знаете, а я вас пока нет, — произнесла я выжидательно.

Внешний мир из четырех пар ушей за соседним столиком превратился в слух.

— Я — Флориан, Цво подрабатывает у меня пару дней в неделю. Можно? — и он указал взглядом на стул рядом.

— Можно, — мне нужно было все выяснить и найти Два.

Флориан сел и с интересом меня оглядел, несколько даже бесцеремонно, я тоже не отставала.

— Ну, как, нагляделись? — поинтересовалась я.

— Еще нет. Два дня я слышал: «Ямари-Сан такая, когда смотрит, делает так, — и он наклонил голову вбок (такая фишка у меня, правда, была), — если начинает терять уверенность, то мило нападает...»

Я фыркнула. Это было приятно, что Два думал обо мне.

— Он очень боялся, что придете без него, у меня на этот случай, много инструкций. Сказать?

Ну, ничего себе, этот парень меня дразнит! Он мне нравился. Да, он дерзкий, а я обожаю дерзких авантюристов.

— Скажите!

— А что мне за это будет? — он наклонился ко мне так близко, что мы чуть не соприкасались кончиками носа.

Вот ведь, ловеласище! Придется давать взятку.

— Индейский поцелуй? — быстро сказала я и потерялась об его нос кончиком своего носа, — теперь бегите! Вождь вас точно убьет! (Я имела в виду Два).

Флориан хоть и не ожидал такого, но радостно рассмеялся:

— Я чувствую, мы поладим! Давай, на «ты»?

— Хорошо, когда расскажешь, где найти Два!

Флориан кивнул, ему стало весело. На листке он писал адрес:

— Наш Дориан сейчас на работе, если постараться — найдешь его. Иди сюда, — он встал и отодвинул мой стул, чтобы я могла встать.

Девчонки за столиком оскорбленно смолкли.

— Не скучайте, феи! — улыбнулся им Флориан.

Мы вышли из кафешки и прошли до площадки с парпетом, что была мне уже знакома, да и море крыш — никуда не делось.

— Смотри, — он указал перстом вниз, — видишь башенку у кирхи?

Я поглядела, куда он указывал, но сейчас меня больше волновал вопрос:

— Почему Дориан?

— Он тебе еще не рассказывал? Это его любимая книга — «Портрет Дориана Грея». Если хочешь понять его, прочти роман.

— Читала! Но он — совсем не Дориан.

— Я просто тебя предупредил. Ну, что поняла, куда идти?

— Подожди, Флориан, этот Дориан в книге — мрачный чувак.

— Чувак! Ага, ты — волнуешься! Он вроде бы дьяволу душу продал!

— Ну... А что продал Два?

— Вот его и спроси! — я бы сказала, Фло отрезал дальнейшее продолжение беседы, — рад с тобой познакомиться, прекрасная Ямари-Сан.

Ну, разве не красавчик!

Город в солнце, и правда, очень мил, дома, разные по стилю, причудливым образом сочетались между собой.

Внешняя красота дня чуточку померкла, поскольку я задумалась о сказанном Флорианом, то есть Фло.

Крутила так и эдак, вспоминала роман Уайдля, но никак к пониманию не приблизилась.

Зато дорога ко мне, просто благоволила, я спускалась почти бегом, будто держала за ниточку красный путеводный клубок.

Перед кирхой была малюсенькая, мощеная булыжником площадь, и старый фонтан, в виде простой чаши.

Кирха необычная — у нее боковая башенка с часами.

Часы были каким-то чудом света: огромный циферблат был расписан разными сценками годового цикла, правая его половина, до цифры 12 была украшена луной, а левая — солнцем. Внизу, вместо цифры «6» были маленькие ворота, похоже, оттуда выезжали наружу фигурки.

Вот бы посмотреть!

Здание кирхи было старое, романское, может даже девятого века, башенку к нему, явно, пристроили потом.

Входом служили огромные стрельчатые ворота, одна восьмая их часть, была приветливо открыта.

Я зашла внутрь — убранство очень аскетичное, вместо алтаря старое распятие и скромная деревянная кафедра, мерцали свечи, разделенные единственным проходом, ряды молитвенных скамеек.

Пусто. Коснувшись рукой чаши со святой водой и омочив пальцы, я коснулась лба и пошла по проходу вперед.

Не было никого, чтобы задать ему вопрос, поэтому я положила на интуицию, внимательно оглядываясь по сторонам.

В правом приделе была приоткрыта дверка, и я осторожно заглянула туда. Помимо церковной утвари на столе, там была винтовая лестница.

Оставалось подняться. Потихонечку я поднималась, среди кирпичных стен с махонькими бойницами, пропускавшими свет.

Наконец, лестница вывела меня к площадке — деревянному настилу по балкам, и я узрела весь гигантский часовой механизм! Зубчатые колеса, рычаги и цепи!

Настоящая головоломка!

— Ух, ты! — сказала я вслух, и тут что-то с грохотом упало и покатилося, только поэтому я различила среди рычагов и подвесов — фигурку человека, колдовавшего над чем-то в недрах старинного механизма.

— Прошу прощения... — произнесла я негромко, чтобы не испугать его, но вышло, все-таки звонко — человек вздрогнул и обернулся. Это был Два!

— Два! — обрадовалась я, — нашла тебя наконец-то!

Два улыбался и смотрел на меня, будто я какое-то диво.

— Стой на месте, кара («дорогая» по-итальянски)! Здесь опасно ходить, сейчас спущусь к тебе.

Он подтянулся вверх, потом перелез там, сям, и появился, наконец, из-за решетки по краю настила. Волосы перехвачены банданой, рубаха, вроде робы, в потеках масла.

Я сделала к нему шаг, а он мне опять:

— Стой-стой! Иначе будешь в масле! — снял робу и подошел ко мне в два прыжка.

На языке замерли десятки несказанных слов. Мне ужасно хотелось его обнять, но я размышляла, не будет ли это выглядеть странно.

Два не размышлял — он обнял меня, приподняв над полом.

Я чувствовала, как колотится его сердце.

Ну, разве так сделал бы Дориан Грей? Нет, не сделал!

Он поставил меня на пол, а я, довольная, расцеловала его в обе щеки и спросила:

- «Кара», это по-итальянски?
- Да, — Два сиял, — я итальянец.
- Объясни мне, какое отношение к тебе имеет Дориан Грей? Что ты продал, Два, говори быстрее: иначе все погибло!
- Он опять рассмеялся, улыбка у него просто магическая!
- Что еще наболтал тебе Флориан? — Два поймал меня за рукава и подтягивал ближе к себе.
- Нет, подожди, давай разберемся, что это такое? — отстранилась я.
- Это просто ошибки прошлого. Сейчас этого человека нет, как нет всего, что с этой историей связано.
- Когда-то я много работал один. Люди меня пугали. Флориан боролся с моей нелюдимостью. Он ведь поэт. Сочинил красивую историю для девушек, чтобы они мучились от тайны. А я — выглядел бы героем.
- Флориан считал, я сойду с ума, если продолжу жить, как жил тогда.
- Все это в прошлом, а мы — здесь и сейчас!
- И кто ты такой, Два? — сказала я как можно серьезнее.
- Я тот, кто встретил девушку Ямари-Сан зимним вечером. И забыл все, до этого момента. Мне не интересно ничего, кроме тебя и часов.
- Часов? — уж очень неожиданно прозвучало.
- Я же единственный в городе мастер по башенным часам, и вот этим я точно горжусь!
- Правда? Вот по этому самому волшебству, что прямо перед нами!
- По этому самому! — Два ловко заловил меня за руки и притянул к себе. Я обняла его за талию.
- Ты удивил меня, Два! Так удивил, как никто в жизни. За это я буду с тобой искренна.
- Два счастливо улыбался. Похоже, мы втрескались друг в друга с первого взгляда.
- Но сейчас, мне было все равно. Я — в гавани, а он уж найдет, как меня спасти.
- И пяти минут не прошло, как я оказалась в доме Два: мы вошли в дверь в конце площадки, потом миновали крытый переход, и вот его мансарда — окошки выходят на площадь и башенку с часами.
- Подожди здесь, — он пропустил меня в свои владения, — приму душ, и ты мне все расскажешь!
- Взглянув на обитель Два, я решила, что он — антиквар; потом походила-походила и подумала, что он — меломан. У него была целая коллекция звуковоспроизводящей техники: от патефона до саундцентра, размером со шкаф.
- Два застал меня за замороженным разглядыванием радиолы шестидесятых годов. Подкрался тихо и взял меня за руку:
- Нравится?
- Очень!
- Сам был без ума от этой штуки...
- Посмотри на меня, давай поговорим!
- Я почувствовала неладное.
- Ой, как я не люблю серьезные разговоры! Давай не будем, Два, все испортится!

— Нет, кара, если ты трусишь, то просто доверься мне! Иначе мы зайдем в дебри, из которых не выйдем!

Я смолчала. Тот самый десяток невысказанных ему слов, заполонил горло, стало жарко.

Два отделил прядь моих волос, намотал их на палец, а потом отпустил.

— Я не смогу делать вид, что ты меня не волнуешь. Давай покончим с этим. Не будем ничего скрывать друг от друга, и будь, что будет! Я хочу быть с тобой.

Лицо мое горело. Сейчас меня поднимала волна, после которой по-прежнему не бывает.

— Что? Что такое? — Два пытался заглянуть мне в глаза.

— «Что-что», я тоже не могу делать вид и вообще, не хочу!

Почему не хочу? Не знаю, потому что сумасшедшая! Потому что у меня готовые проблемы, готовый конфликт, и я понятия не имею, как из всего этого выпутаться!

Два страшно обрадовался, обнял меня и покачивая из стороны в сторону, утешал:

— Ну, все, все! Тихо. Спокойно. Все решим.

Меня сразу попустило.

Решение пришло не сразу. Два слушал меня, про работу, директора, Шпиона и Козыря, про Мощный Мужской Силуэт ММС. Про Чена и поединок. Про детей и про смерть.

Он напряженно размышлял, лицо стало озабоченным.

Когда же я выдохлась, он сказал:

— Все хочу спросить, а как ты это делаешь, эти «временные этюды»?

— Разве я не объясняла? Это очень просто: ты выбираешь точку в прошлом или будущем, и она должна быть очень конкретной.

Затем я закрываю глаза и вхожу в поток. Это может быть видением реки или водопада, дорогой в поле или лесу, потоком воздуха над землей или облаками.

Он приходит сам — этот поток, я доверяюсь ему, зная точно, что он — вынесет меня к цели.

— Я-Сан, теперь вопрос: когда ты делала так в последний раз?

Мне понравилось уменьшительное имя, которое он мне придумал.

— Семь часов до нашей встречи, — без запинки выдала я и осеклась.

Я забыла об этом! Просто не помнила ничегошеньки.

— Придется рассказать тебе свой сон, — произнес Два нерешительно, — мне не очень хотелось, поскольку все, что я говорил тебе ночью, получается неправдой. Тогда я был убежден, что прав. После сна, я думаю иначе.

Мне снилось, мы купаемся в озере. На тебе было платье, цвета сливы.

В этом сне ты говорила мне, что не похожа на японку, и наш город видишь впервые, и работа с проблемами — тоже новость для тебя. Во сне я не поверил тебе.

От его рассказа все внутри похолодело. Странно это видеть один сон — на двоих. Зато Два начинает мне верить!

— И что ты теперь думаешь? — спросила я.

— Думаю, ты попала сюда, как в ловушку. И не знаешь, как выбраться. Ты уже пробовала?

— Да, сегодня. Решила потряхнуть стариной, но не успела. Встретила Слушателя и побежала.

Самое печальное, что мне не удалось его догнать. Обычно у входа в пространство есть свой опознавательный знак. По нему можно судить какое это пространство и для чего оно. Я думала, что Слушатель видел маркер, тогда я могла бы это выяснить и найти выход. Но это оказалось невозможно: он ничего не видел, меня обнаружил на паперти Сооружения ММС и подобрал.

Два задумался.

— О чем думаешь?

— Что это пространство тебе не «родное». Ты сильно выбиваешься из массы.

— Чем это?

— Об этом я и думаю. В тебе много жизни. Тебе не все равно. Ты плачешь и смеешься. Ты не скрываешь переживаний, они у тебя как флаг! Гордо реют над башней!

Этим ты напоминаешь мне мать — она такая же честная! Плачет, если грустно, веселится от души. Ей скрытность претит. Она говорила: «Ах, как душно!» Про все двусмысленное и тайное.

Два оживился, глаза засверкали, определенно мама была его другом.

— Она жива? Твоя мама? — спросила я аккуратно, потому что это было не очевидно.

— Я не знаю.

— Как это? — мне прямо подпрыгнулось на месте.

— С тех пор, как я поселился здесь, я не видел ни ее, ни отца, ни братьев.

Не смотри на меня! До вчерашнего вечера я не думал, что это странно.

Чтобы уехать отсюда, всем нужно разрешение бюро. Я один раз обратился, и началась чудовищная волокита.

Прошел десять инстанций, где уклончиво обещали, в одиннадцатой — мне запретили. Причина была такая: местоположение запрошенного города Рима неизвестно.

Никто не мог объяснить ничего толком. Я отыскал дома старинную карту Европы восемнадцатого века и принес ее с собой.

Я показал им, где находится Рим. Меня вежливо попросили указать свое местоположение в данный момент. Я искал его, но не мог найти. Кошмар в том, что я даже не смог вспомнить название Города.

«Хотите телефон хорошего доктора?» — сказали мне.

Вернувшись, я спросил Флориана. Он ничего мне не сказал. Заметил, что может быть, это все к лучшему...

Именно тогда он решил меня поддержать.

— Но знаешь, давай ты будешь приходить раз или два в неделю. Я найму тебя официантом. Тебе нужно разговаривать с людьми, хоть иногда, — предложил он.

Из всей этой истории я вынес убеждение, что годы одиночества плохо на мне сказались.

— Что это за имя ЦВО? Кто тебе его дал? — не сходились у меня нити повести в целое, как я ни напрягалась.

— «Цвай романтише херцен» — так нас окрестили с Флорианом, когда мы только осваивались в Городе. Ну, первый, это конечно он, Флориан! А мне досталось Цвай — по-венски «ЦВО».

— Уже который раз про Вену слышу, ты жил там?

— Да, и я, и Флориан. Только познакомились мы здесь. Хотя выяснилось, что в Универе учились в одно и то же время. Только я его не встречал, как и он меня.

— Я тоже жила одно лето в Вене, и могу составить тебе компанию в романтических воспоминаниях!

Два засмеялся.

— Все-таки, как тебя зовут, мой друг, на самом деле? — спросила я.

— Витторио, но когда меня сокращали до «Тори» — я бесился. Прижилось «Вик».

— О! Так как ты хочешь, чтобы я тебя звала?

— «Два» звучит очень мило, так меня зовешь только ты.

Два собирался сварить нам по чашечке кофе, и уже крутил ручку медной мельнички-кофемолки, как вдруг в дверь резко и тревожно застучали.

Минута. Стук был еще настойчивее. Будто в полной тишине резко разодрали пополам газету.

— Вот чудеса! — пробормотал Два, — кого это несет?

Он распахнул дверь, и мы увидели Фло, который одной рукой уперся в косяк, другой — схватился за бок. Видно спешил до колик. Фло ввалился в дом, перевел дух, и проговорил:

— Ну, господа, прощай покой!

— Что такое? — спросили мы хором.

Флориан прошел и плюхнулся на диван:

— С полчаса назад, тебя, Ямари-Сан, искали, барышня в длинном платье, брюнет в трусах в цветочек, и подтянутый блондин.

— Это не трусы, это такие шорты... — подала я реплику, ибо уже догадалась, кто к Фло пожаловал.

— То есть лица тебе известны? — вскинул брови Фло.

— А то! Это мои спальники!

Лица у обоих мальчиков вытянулись, и я поняла, что надо пояснить:

— Это из русского исторического фольклора — лица, охраняющие твой сон при спальне. Спальники!

По лицу Два я поняла, что он задумался, чем же я ночью занималась, пока мы не виделись.

Фло задумчиво произнес:

— Хранители снов и спальни Ямари-Сан, чего тут, в общем, неясного!

— Да, — подтвердила я, — все просто. Хотя это в своем начале целая история!

— Я бы послушал, — и Два сел рядом с Фло, и они оба скрестили руки на груди.

Не верят значит и ревнуют!

— Что это вы сейчас делаете? Ревнуете? Эх, вы, а выпендривались — то как, тоже мне — люди без предрассудков! — я надулась, и тоже скрестила руки на груди. Вот вам! Собственники и домохозяева!

Оба в один прыжок оказались предо мной, один схватил за одно плечо, другой — за другое:

— Нет, нет, не надо, кара!

— Битте, Ямари-Сан, не злись! Мы очень хотим послушать!

— То-то же! Собственники-ревнивцы!

— Ладно. Вы хотели рассказ? Рассказываю: я проснулась как-то, оттого, что совсем не одна, в ногах у меня лежал тот самый блондин, а на полу — тот самый брюнет. В шортах.

Я спросила, что они делают в моей спальне?

Ребята и сознались, что влезли в дом поспать. Так как случилось землетрясение, оно повредило провода, театр сгорел, а жили-то они в театре.

Сначала я решила, что они нагло врут, но потом пошла с ними и во всем убедилась сама: никакого вранья, театр сгорел, рака Святого осталась. И у них потрясающе в мастерской! Вы такого точно не видели, чтобы так свободно, широко и оригинально обходились с материей! Я была заворожена сделанными ими масками! Чистая магия!

Мне стало жаль ребят, они в беде, а я тут со своей совершенно свободной недвижимостью! Вот я и позвала их пожить у меня!

Мальчики опять переглянулись, будто я несую какую-то околесицу:

— Что теперь не так?

— А теперь эти ребята выбрали в вожди племени тебя: они путанно говорили, что если ты не найдешься, театр снесут и весь их труд пойдет прахом! — доложил Флориан.

— Что ж ты сразу не сказал! Пошли быстрее, может, успеем!

— Все-таки ненормальную ты выбрал подружку, — констатировал Фло.

— А ты не завидуй! — вставила я.

Два обнял меня за плечи и подмигнул Фло. Мы поднялись с места и поспешили. Флориан увязался за нами.

ПЛЕМЕННЫЕ ТАНЦЫ НА РУИНАХ

Так вот куда весь народ-то делся! Под палящим солнцем в бывшем палаточном городке поселился ад: рабочие дрались со студентами из-за ломов и лопат, которыми первые пытались обрушить халабуды и фигвамы.

Маленький бульдозер, как бойцовский петушок, насакивал на оставшуюся в живых кладку церковной стены. Кладка ему не поддавалась, и он сердито треща, отъезжал на несколько метров для нового разбега.

К воротам церкви, скотчем за руки и за ноги, был прикручен Крис.

На парапете стояли на изготовке девчонки с тазами воды в руках, и возбужденно орали.

Между рабочими и студентами выросла профессиональная баррикада, на которую взойшла уже хорошо нам известная долговязая костюмерша в красном венецианском бархате.

Её волосы разметало ветром, щеки горели, а поза — поразительно напоминала «Свободу на баррикадах» Делакруа.

— Не от-да-дим! — вскричала она и сорвала с шеи шарф, который затрепетал на ветру, как кровавое знамя!

— Ну, ничего себе! — восхищенно прошептал Фло.

План сформировался в моей голове мгновенно, и я бегом кинулась к бульдозеру, встала на подножку и заглянула в кабину; улыбнулась вовсю ширь:

— Привет!

— Привет! — водила был смущен, а я перегнулась и быстро выхватила ключ из замка зажигания.

— Ты что делаешь, чокнутая! — разъярился он.

Я послала ему воздушный поцелуй и спрыгнула.

Двое рабочих пробирались к бархатной Свободе на баррикаду, с целью стащить ее вниз. И тут я увидела Фло, который с удивительной для его элегантности сноровкой, заехал сначала одному, затем другому товарищу в физиономию.

— Отлично! — удовлетворенно крикнул Два.

— Держи! — я кинула ему ключ, а сама набрала воздуха в легкие и зычно проорала, — Прораба ко мне!!

Сначала казалось, что меня вообще никто не услышал, а потом по сторону баррикады прошла волна движения, и из-за ближнего фигама вышел чистенький кругленький мужчина в костюме, в перчатках и с каской на голове.

Он приблизился и оглядел меня, взгляд был мне знаком, говорил о том, что сейчас мне придется мобилизовать все свое мастерство актера. Я настроилась на него, и поняв, где он, перебралась парой «слоев» выше. Затем, глядя на него чуть насмешливо, пустилась в атаку, говоря как можно спокойнее:

— Здрасьте! Все мучения кончились, технику можно уводить. Принято другое решение, все это пространство, теперь полигон Института Экспериментальной Психологии. И ответственность за происходящее несет тоже он, ИЭП.

— ИЭП? — мужчина нахмурился, он точно не знал, что это такое.

— Вы тут бои устроили, а мне всех лечить потом? Потрудитесь убрать своих подчиненных с моей территории, ступайте в бюро, звоните в ИЭП.

— Убери технику отсюда! — скомандовала я Два, который мне кивнул.

Из-за кивка незнакомого человека прораб дрогнул. Задумался, потом махнул рукой рабочим:

— Уходим!

Мужики сплонули, собрали инструменты и пошли к воротам церкви.

— Отлепите этого придурка! — крикнул звонко кто-то. Потому что в пылу сражения, все о Крисе забыли. Пара студентов принялась отдирать скотч, спасая Крису.

Два и Фло подошли к водителю бульдозера, затем все трое забрались в кабину, и через минуту машинка заскрипела к выходу.

Когда она скрылась за воротами, по рядам победителей прокатилось радостное «Ура!».

Они прыгали и обнимались, от стены церкви отошла кучка, в которой обозначились очевидные лидеры безобразия: Крис, Андреас, и, конечно же, девчонка в красном.

Когда эта троица подошла ко мне, нас нагнали Два и Фло, проводившие бульдозер.

Они стояли победно улыбаясь, и ясно было, что им не терпелось познакомиться.

— Это — Вирджиния, Ямари-Сан! — указал Андреас рукой на даму, — это Ямари-Сан!

— С Флорианом вы знакомы, а это мой друг — Цво! — сказала я.

— Это Крис, это Андреас!

Крис смерил Два оценивающим взглядом.

— Как правильно назвать сеньора, если он — женщина? — брякнул Крис.

— Ты тупой? «Сеньора»! — скривился Дреас.

— Сеньора! Точняк! Вы его что, загипнотизировали, того прораба? — освесомился Крис.

— Вроде того. Но особо не радуйтесь — это только отсрочка!

— Что же делать?

— Понятия не имею, — призналась я, — Хотя нет, одна идея все-таки есть: нам нужен костер!

— Это еще зачем? — спросили меня хором присутствующие.

— Сейчас увидите! Будем камлать!

Слово «камлать» было воспринято, как норма жизни, хотя я уверена, точного значения еще никто не знал.

Потом я спрашивала себя, зачем мне все это было надо. Ответ всегда был точным: узнать сильно ли коллективное намерение.

Если бы оно оказалось хлипким, нетвердым, и размытым, скорее всего, я бы пошла на попятную. Сколько бы во мне ни присутствовало харизмы и здорового эгоизма, революция — это дело надличностное. И никому никогда его не удавалось совершить в одиночку.

Тогда я понятия не имела, что мои союзники просто у меня под рукой; все, что оставалось делать, это внимательно слушать пространство и следовать его подсказкам. В реальности Города за удачный ход, чуть ли не чупсики раздают, до чего пространство отзывчиво.

Часть баррикады разобрали и зажгли посреди церковного двора костерок.

— Попрошу всех сюда! — Дреас, как глашатай, прошел по закоулкам и все участники давешних событий, исключая рабочих и прораба, собрались в круг.

Два и Фло скромно пристроились среди прочих.

— То, что мы будем сейчас делать, называется взывать к последней надежде или высшим силам, только это может утвердить вашу победу или все разрушить до основания! — начала я и оглядела сидящих вокруг.

Их оказалось совсем немного, человек двадцать, даже странно, как сумели они заварить такую смуту!

Это были даже очень молодые люди, младше меня, и Два, и Фло, и даже Криса с Дреасом.

Внешне они очень смахивали на геймеров или каст-плэйщиков. Темперамент блестел в глазах, а нескладные конечности и сутулость в разных областях спины, указали на «профдеформацию», следствие часов, проведенных у монитора.

Но сейчас они походили на племя, собрала их здесь вместе какая-то цель, за которую, как мы видели, они готовы были головы положить.

— Предположим, — продолжила я, — вы последние люди на Земле.

Раздался шепот и восклицания. Я выждала пару секунд.

— От вас и больше ни от кого, зависит, придут ли снова Власти или нет. Мы не будем бороться. Нам нужно попросить о помощи Небо! Как это делали древние люди — просили от всего сердца! И не важно, в какой это будет форме: песни, звуков на тарабарщине, танцев или хлопков в ладоши, нет никого, кто знает, как надо! Только огромное желание! Искреннее, от всего сердца!

Теперь было время действенного примера: я встала, выдохнула и обратила руки к Небу. Я молилась о том, чтобы все встало на свои места, в соответствии с замыслом неба, и ко благу для всех в этой истории.

— Поразительно! — Два подпер щеку рукой, — вроде бы знаю его много лет, но уж какие ни были разные ситуации, Фло оставался собой — человек-стиль, айдол. Не помню, чтобы он даже случайно испачкал руки! А тут, совсем другая скорость, будто он очнулся! Более того! Кинулся выручать какую-то незнакомую девчонку! Это очень и очень странно. Что происходит с нами, кара? А?

Я села рядом и решила поспрашивать о Флориане.

— Два, почему его считают Дон Жуаном? Что-то он не больно-то похож, страсти и жизни в нем маловато.

— Ты все сегодня видела сама: и страсть, и жизнь. Может его околдовали Городские тролли? «И нет следа вовне, тогда как тело — все в огне!» Флориан зависим от женщин и их энергии; когда он с ними, он оживает. Словно выпивает эликсир. Он обретает смысл жить. Они любят на его прекрасное лицо, а он им дает нечто, что влияет на их взгляд на самих себя.

Знаешь поговорку Фло? «Некрасивых женщин нет, есть невнимательные мужчины».

— Смотри, какой молодец! Знаешь, что мне в нем очень нравится?

— Нет.

— Авантюризм!

— Так ты сама — страшная авантюристка!

— Правильно! И тебе это тоже нравится!

— Я восхищаюсь, потому что сам так не умею...

— Лиха беда — начало!

Два засмеялся.

— Я иду готовить, мне очень нравится тебя кормить! — сказал он.

Как я ему благодарна! В моей памяти был только хвост батона безо всего и чашка кофе и то давно, строго говоря.

В комнате было прохладно, и я поёжилась.

Два дал мне свитер со своего плеча и скомандовал ложиться в кровать. Минут через пять он сунул под одеяло бутылку с горячей водой.

Я натянула одеяло до подбородка и любовалась точными движениями Два: он перемещался вокруг газовой горелки, как фокусник, колдуя над чем-то вкусным, и ловко извлекал баночки с потаенных полок.

— Готово, кара! — он ловко стряхнул стряпню со сковородки в тарелки, и в считанные минуты заполнил огромный деревянный поднос тарелками, кружками, мисками и корзинкой с хлебом.

Я потянулась вылезти из-под одеяла, но он меня остановил:

— Знаешь, мама очень любила, когда я ее кормил. «Побалуй меня, Витторио!» — говорила она, а я знал — ей срочно нужно королевское внимание.

Хочешь попробовать? Тогда лежи — и ничего не делай, кара! — он заботливо приподнял подушку, чтобы я села, а сам сел рядом.

Он кормил меня с вилки с рук. Смеялся и выглядел счастливым.

Вот такое приворотное средство оказалось у Два. Он лег рядом и обнял меня.

— Боже, как хорошо!

— Два!

— Да?

— Спасибо тебе!

Он потянулся ко мне, положил голову ко мне на плечо и сказал мне на ухо:

— Ничего не говори, кара.

Я и не стала, постепенно, мы оба задремали.

Это ужасающе странно: с Два мне было естественно хорошо ровно, как надо.

Продолжение следует

Ева Талая
(Россия, г. Севастополь)

СОДРУЖЕСТВО ДУШ

Сегодня Перри торопился в зал. Все кто встречался на его пути улыбались и уступали дорогу. Что-то подсказывало херувиму, что нужно поспешить. Едва он вошел в дверной проем увидел, что на его месте творчества собрались двое посвященных, двое просветленных и пара херувимов, которые явно с нетерпением ожидали его.

С виноватым видом он предстал перед ними.

— Мы не хотели начинать без тебя. Тебе это будет интересно, — сказал один из просветленных.

— Я торопился, я слышал, как только понял сразу! — оправдывался Перри.

— Ну, чего ты, не переживай, сейчас придет Престол и мы начнем, — успокоил херувим, и взял взволнованного Перри за руку.

Группа собравшихся перевела свое внимание с юного херувима, чтобы дать ему время прийти в себя и сосредоточиться.

Вокруг было не особенно много занятых творчеством, все только начиналось, и каждую минуту в дверь входили все новые и новые персоны. На столах открывались книги, складывались содружества и возникали альянсы.

И тут Перри понял, что сам уже стал участником одного из альянсов, хоть до конца и не понимал своей задачи в нем. На столе лежала книга жизни его подопечной, та самая, к которой он еще не смел прикасаться, книга настоящего воплощения его подопечной души.

У алтаря появился главный Престол. Все стихли, взяли за руки, замкнули вокруг книг жизней круг своих альянсов. От каждого коллектива творения исходило сияние света, энергия струилась и вихрем устремлялась к центральному алтарю. Вихри соединялись, сплетались, переливаясь, струились, меняли направление, свободно заполняя пространство зала.

Перри сосредоточился на потоке своего альянса, и увидел свою любимую душу. Там, где она была сейчас, было темно, похоже вечер. Он почувствовал неуютный холод и тяжесть мыслей. Сейчас его душе было плохо. Он не понимал что именно так сильно разочаровало и истощило подопечную, но сопереживал ее отчаянию и разочарованию. Энергия его души едва теплилась, и он изо всех сил почувствовал позыв помочь ей. На мгновение он поднял взгляд на старшего херувима, со страхом боясь спросить, что же делать дальше, как помочь.

— Не волнуйся, мы здесь, чтобы помочь ей.

Престол у алтаря дал знак, все энергетические потоки упорядочились, и содружества и альянсы приступили к работе. С потоком энергии Перри погрузился в созданную альянсом связь с подопечной душой. Она там, в своем воплощении из-за тяжелых мыслей ничего не почувствовала. Казалось она слепа и глуха к потоку снисходящей на неё благодати, они не могли пробиться к ней. Темнота улицы, по которой она шла, словно заполнила всю ее изнутри, все, кто сейчас хотели и могли ей помочь, чувствовали как низкие эмоции отвлекали и уводили

в темноту уставшую и изнуренную проблемами воплощения души. Один из просветленных взял на себя инициативу, он силой своей любви, которую поддерживали все присутствующие, разыскивал душу рядом с подопечной душой, которая могла бы там, на неудобной улице, подойти и донести послание содружества душ и создать энергетическое соединение, чтобы помочь той, которая нуждалась в помощи, в поддержке, в живительной энергии любви и жизни. Перри увидел, как человеческая душа женщины, что была в нескольких шагах от его подопечной, откликнулась, они все послали посыл, и женщина, как замороженная, нашла взглядом ту, которую они спасали, и сделала несколько шагов по направлению к ней. Теперь даже Перри чувствовал напряжение и старался изо всех сил поддерживать эту энергетическую волну, которая проносилась в пространстве, соединяя Чертог с тем местом, где в глубине человеческого мира, в ночном городе брела Она.

Подопечная душа, молодая женщина с грустными глазами что-то почувствовала. Женщина, которую нашел просветленный, и Она встретились глазами. Она почувствовала, они смогли! В холоде улицы, среди безучастных лиц прохожих, стояли двое. Она ощущала «присутствие», женщина, которая подошла к ней, что-то говорила, но ни суть, ни смысл не был важен. В эту минуту содружество душ в лице альянса, созданного в Небесном Чертоге, посылало энергию любви, чтобы оживить Её, дать сил, поддержать и вернуть веру, любовь и желание жить. Так делали не часто, это было редкостью, и не всегда помогало, не всегда удавалось достучаться, а сегодня повезло. Рядом оказалась податливая душа, которая помогла содружеству вырвать из отчаяния подопечную. Перри чувствовал, как много любви было послано всеми, чтобы восстановить все потраченные Её силы. Он был готов отдать всю свою любовь, чувствуя боль и отчаянье, приведшее к истощению воплощенной души. Так бывает, когда душа самозабвенно отдает себя, всю свою любовь, а взамен не получает ничего от очерстевших и безучастных душ, что поглощены низкими эмоциями выбранных воплощений и не сумевших подняться даже за счет потраченной на них любви.

Перри в который раз любовался Ею! Он знал, что сейчас случилось чудо, где-то там на земле, среди миллионов воплощений есть одна душа, которая очень важна ему, которая живет, не помня о том, что когда-то встретилась с маленьким крылатым херувимом на прекрасной планете, которую назвала Луг, и избрала его, а он Её. Теперь они неразлучны, им предстоит вместе пройти весь путь к Истоку, и сегодня он смог исполнить свое предназначение — он посылал ей любовь, а Она исполнила свое предназначение — вспомнила, что ЛЮБИТ!

— Вот так всегда, Она готова на все, ради того, чтобы любовь была в обоих мирах. Иногда пренебрегая собой, — сказал старший херувим и вложил в его руки книгу жизни. На титуле было начертано — «НАТТЕРИ».

*** НАТТЕРИ***

Наттери старалась аккуратно спуститься с дерева. Она грациозно перегибаясь с ветки на ветку, ловко цеплялась руками, перебираясь с одной на другую, покуда не спрыгнула на землю. Девушка отряхнула руки и расправила тунику, подоткнутую за ремешок на талии. Под тканью тут же скрылись её стройные ножки. Она осмотрелась, в лесу никого не было. Сквозь крону многовеково-

го дерева роняло проблески полуденное солнце. В туюське, прикрепленном к поясу, было достаточно трав, мха и смол, необходимых для приготовления благовоний для наполнения курительниц храма. Можно было возвращаться.

По едва заметной тропе Наттери пробралась сквозь заросли папоротника к большой тропе, что вела к храмовой дороге. Она любила эти вылазки в лес, и наслаждалась прогулкой в полной мере. Ей нравились запахи и звуки леса, буйство зелени и многообразие растительности, которая составляла почти полный лекарский арсенал храмовых лекарей. В той местности, где она родилась, ничего подобного не было. То, что она помнила с далёких дней детства, составляло скудные воспоминания о каменистой равнине, где располагалась их деревня, окаймленная с одной стороны безродными скалами, а с другой стороны каменистой пустыней, в которой даже песок не задерживался. И если бы не оазис, в котором был колодезь с водой, то скорее всего ей суждено было бы родиться в другой более благодатной местности. С этими мыслями Наттери вышла на дорогу.

Именно по этой дороге когда-то её привезли в храм богини Метэри, матери земли, покровительницы женщин и девушек, олицетворение любви и плодородия. Ей молились женщины и дети, одинокие мужчины молили о достойных женах, миролюбивые о прекращении войн, воинственные о благословении и доблести, старики об уютной старости, молодые о переключениях, об удачах, но почти все о благополучии в целом.

Дорога вела в предгорье из долины, в которой был большой город с портовой гаванью. Торговый город, оплот всех купцов округи. С одной стороны было море, с другой горы, сквозь которые были положены торговые тракты. И только одна дорога живописно проходила по подножью горы, обращенной к морю, и вела к храму Великой Матэри. И Нары, как ласково ее называли подруги, знала место, откуда открывался потрясающий вид. Нужно было лишь немного подняться в гору до камня Сомнений и оглянуться вокруг.

Когда девушка добралась к колоссу из розового камня, который неуклюже примостился на краю единственной дороги, ведущей к храму, солнце уже миновало зенит. В этом месте все путешественники непременно останавливались, чтобы полюбоваться красивейшим пейзажем, но Наттери поднялась чуть выше сойдя с дороги и устроилась на поваленном дереве, загубленном плещём, и затаила дыхание, всматриваясь в открывшуюся её взору картину. Весь горизонт был заполнен синевой, от бледно-голубого, чистого небесного, до синего почти кобальтового глубинного. Море в этом месте было глубоким, а небо бездонным. Полосы прибоя не было видно за зелёными просторами древнего леса, что почти полностью покрывало подножие горы и саму гору до верхних глыб-останцев. Дорога извивалась по плоскогорью, доходила до подножия и круто взбиралась вверх серпантинном, до входа в храм. Само же строение храма поражало воображение. Огромные колонны из розового мрамора держали свод, стены и балюстрады были из того же мрамора, но не шлифованного. Справа от сооружения главного храма виднелся водопад, утопающий в зелени. Влага, приносимая этим благодатным источником, и тепло моря позволяли горной долине круглый год быть благодатным местом.

Внизу, на камень Сомнения села птица и захлопала крыльями. Нари хорошо было видно, как она всматривается в гранит, словно ищет крошки, или старается прочесть надпись на камне: «Оставь сомнения всяк, решивший родиться — иди к ней!», гласила надпись. Никто не помнит, кто и когда начертал её и, что в точности сие значит, но все понимали буквально, как призыв явиться к Богине Матэри в храм. Хотя были и есть личности, пытающиеся узреть в этих словах больше смысла, и в своих философствованиях доходить до крайностей.

Наттери тоже была из тех, что в простых словах всегда видела больше смысла, чем они значили, и каждый раз размышляя о послании, оставленном на камне, понимала, что оно само по себе призывало человека мыслить, и уже от этого была огромная польза. Человечество обречено на гибель, как только перестанет мыслить, ибо не мыслящим человеком легко управлять. А как показывает история, управляют народами далеко не создатели.

Храм нарочно построили вдали от обжитых людьми мест, уединенное расположение и грандиозность в сооружении сделали его значимым в культуре народов, проживающих поблизости.

Родители Наттери отдали её в послушницы храма, в надежде, что на её долю выпадет лучшая жизнь, а им богиня принесёт благодать в том не многом, в чем они нуждались. С тех пор девушка ничего не знала о своей семье, а её семья почти наверняка уверена, что жизнь дочери прекрасна в сравнении с их существованием. Возможно, так оно и было.

За годы, проведённые в храме, маленькая девочка выросла и окрепла. Из худого, с огромными серыми печальными глазами, ребёнка, Наттери превратилась в красивую девушку. Жрицы храма, каждая из четырёх главных ипостасей, обучили её премудростям, дали знания и привили умение быть полезной в жизни при храме и определиться со своим предназначением для людей.

Наттери даже не помнила своего настоящего имени, данного ей при рождении, а с этим именем, которым ее нарекли в обители, ей предстоит расстаться при первой инициации. И как раз сегодня, до вечерней молитвы, у неё будет разговор с главной жрицей храма, Мирри, о готовности к этому шагу. Прошёл год отсрочки, данной ей для окончательного решения, но Наттери, как и год назад, не могла дать ответа, ей не давалось понимание её готовности к предназначению. Быть служительницей храма, быть целительницей, девой, или как и Мирри, избрать путь просвещения и посвятить себя науке и обучению жриц. Быть служительницей ей не хватает терпения, быть целительницей ей не хватает милосердия, да и от вида крови её мутит. Быть жрицей среди дев самое трудное, нужно отречься от любви земной. Но как можно дать такой обет, если не имеешь понятия, что это такое!? И, конечно, проще всего стать учительницей, но этот выбор можно сделать в любое время.

Итак, кто она, в чем её предназначение, что начертано богиней на её судьбе?

— О, великая Матэри, дай мне знак, или хотя бы подсказку, — взмолилась Нари и тут же заметила повозку на дороге.

— По крайней мере остальную дорогу к храму я пойду не пешком, — обрадовалась девушка.

Спустившись к камню, она стала ждать, когда повозка поравняется с тем местом, где она ждала, и позволила себе мечтать. Трудно сказать, о чем именно

мечталось, юному сердцу всегда есть, что сокровенно обособить от всех и возвести в ранг важности первостепенной. Мысли перескакивали с одной на другую, как птицы с ветки на ветку, картинки воображаемые в уме, красочно переплетались, как в калейдоскопе, и размывались словно краски в воде.

— Здравствуй, дева! — окликнул её незнакомый мужской голос, возвращая с небес на землю.

Она так замечталась, что не заметила, как повозка подъехала к камню, у которого она примостилась. Голос принадлежал молодому мужчине, давно не юноше, который все ещё ждал ответа, придерживая полог повозки изящной кистью руки, на пальцах которой красовалось несколько золотых перстней.

— Что написано на этом камне? Расскажи значение этой надписи, — не дождавшись приветствия, продолжил задавать вопросы путник.

— Здравствуй, — придя в себя, ответила Наттери. Приветствие прозвучало дерзко и ей пришлось продолжить в том же духе. — Я не Дева!

Она тут же почувствовала какой-то дискомфорт в солнечном сплетении при сказанных ею словах, отметив про себя эту особенность, она продолжила:

— Видно вы издалека, не местный?

— Нет, — перебил её незнакомец, — просто солнце светит в глаза и трудно разобрать.

— Кого вы хотите обмануть? — упрячилась Наттери, она не любила, когда её перебивают.

— Ну хорошо, отдадим должное твоей наблюдательности. Ты права, я из далёких мест, но часто бываю в этом краю, даже чаще, чем на родине. Так ты мне ответишь?

— Отвечу по дороге в храм, вы же туда направляетесь, — скорее утвердила, нежели спросила девушка и без приглашения под села к вознице, который этому был вовсе не рад. Удивлённый же пассажир повозки улыбнулся, опустил полог и пересел ближе, чтобы лучше слышать попутчицу.

Он сидел спиной к девушке и через полог повозки не мог её видеть, лишь слышал, но без труда представлял её лицо и холодный взгляд серых глаз, не глядя на неё, так быстро покоренный очарованием этой особы, которую встретил на своём пути к храму.

Наттери, которая не обратила внимания на попытки возницы не дать ей сесть рядом с ним, все же сдвинула его, и уселась рядом. Тому пришлось смириться и уступить часть сиденья в ущерб своему личному пространству. На загорелом, как у мавра, лице не юного и не старого мужчины трудно было прочесть эмоции. Но он вовсе не беспокоил девушку, как некто, существующий вне зависимости от неё, а значит мало влияющий на ее эмоции. Чего нельзя было сказать о молодом господине. Пара отличных лошадей, впряженных в повозку, медленно и уверенно шла в гору, шуршал гравий под колёсами, поскрипывали рессоры. Она не видела главного пассажира, и не знала, смотрит ли он на неё, но чувствовала его присутствие всем телом. Этот магнетизм она ощутила с первой секунды, как встретилась глазами с этим человеком.

«Всё начинается со взгляда» — говорила матушка Мирри, и поучала никогда не смотреть в глаза посетителям храма. Прямые взгляды могли себе позволить жрицы, специально обученные и при особых ритуалах. И Наттери злилась

на себя, что позволила путнику застать себя врасплох, хоть это и произошло вне храма, прямой взгляд между ними создал некую связь. «Как сложно в жизни следовать знаниям» — сетовала про себя девушка.

Молчание затянулось. Ей не хотелось говорить ни слова, а ему, напротив, очень хотелось поговорить.

— Так ты посветишь меня в тайну надписи? — первым заговорил чужестранец.

— Нет никакой тайны. Это просто слова, которые каждый понимает по-своему.

— Я подумал, что если ты из храма Матэри, то наверняка знаешь правильную версию.

— Каждый имеет право на свою правду, а истина не требует доказательств. Кто бы ни написал эти слова, он думал о чем-то своём. Я полагаю, что наши попытки понять, что хотел сказать этот человек, уже великое благо, остальное же зависит от нас. Верующий подумает, что это призыв явиться в храм, неверующий подумает о каком-то своём страхе.

— Почему страхе? — удивился незнакомец.

— «Брось сомнения всяк, решивший родиться — иди к ней!» — поучительным тоном повторила фразу Наттери. — Решить, это значит преодолеть что-то, понять... Решиться — отбросить страхи и сомнения, — продолжила пояснять юная попутчица.

— Интересно... — только и сказал собеседник.

Они подъезжали к воротам храма, и Наттери даже обрадовалась, что представится возможность поскорее оставить гостя и уйти подальше от нового щеко-тавшего в солнечном сплетении ощущения, возникшего при встрече с этим человеком. Но она ошиблась, как только она оказалась в своей келье и едва подумала о незнакомце, это ощущение тут же вернулось.

— Ну вот, этого только мне и не хватало!

В дверь постучали, и не дождавшись ответа хозяйки, дверь тут же распахнулась и на пороге появилась подруга и наперсница Нари, Танин.

— Кого это ты привезла в храм? Настоятельница лично принимает его, — вместо приветствия начала с вопроса светловолосая и милая девушка.

— Это он меня подвез, а не я его привезла, — раздражённо ответила Наттери.

Не дождавшись объяснения и приглашения, Танин прошла в комнату к столу и села на единственный стул у стола, стала рассматривать содержимое туюска, который был оставлен подругой на столе. От него пахло травами на всю комнату, и девушка какое-то время отвлеклась на обоняние разных травинков и корешков, дав таким образом подруге прийти в себя и сосредоточиться.

— Говорят это какой-то знатный вельможа, — растирая листочек пальцами, промолвила Танин.

Наттери подошла к столу и стала отбирать из рук любопытствующей собранные в лесу разные душистости. Танин внимательно посмотрела на подругу, та избежав взгляда, ничем себя не выдала. Внешне спокойная, как всегда, от раздражительности и следа не осталось.

Они были довольно близкими подругами и могли часами разговаривать на любые темы, и напротив, молчать, поддерживая друг друга лишь мысленно.

Но сейчас Нарі не хотела поделиться с подругой овладевшими ею переживаниями и странными ощущениями. Кроме того, с недавних пор она по другому взглянула на свою подругу и поняла, что стала видеть в ней нечто необычное, и поймала себя на мысли, что чувствует хорошо скрываемую зависть. По спине пробежали мурашки.

Часом позже Наттери была у настоятельницы и старалась внимательно выслушать то, что та говорила. Но внимание девушки то и дело убегало куда-то в неведомые глубины сознания. Матушка Мирри и сама была немного взволнована, поэтому не заметила смятения девушки, ей предстояло решить не мало возникших вопросов и проблем, и как можно скорее, но именно сегодня она дала обещание определить путь этой прилежной ученицы и впервые за несколько лет не смогла на все сто процентов определиться в предназначении послушницы.

— Сегодня у нас важные посетители, — странным голосом сказала матушка Мирри, и в это же мгновение внимание Наттери стало осязаемым, как натянутая тетива, — иди и помоги Девам. Твоя задача заключается в присутствии и отработке своей интуиции. То, что ты будешь делать, о чем и сколько раз тебя попросят Девы, определяющим образом станет тебе подсказкой. После церемонии ты расскажешь мне о главном, ты знаешь про что я.

— Да матушка, — ответила Наттери, унимая бешеный ритм своего сердца.

Хватило нескольких минут, чтобы обрядить Наттери в церемониальный наряд Девы, собрать её прекрасные волосы шпильками и приколоть цветы. На ней не было главной атрибутики, что, собственно, и выдавало в ней лишь помощницу, но не Деву. Ни браслетов, ни амулетов, ничего, что украшало тела Дев, но в самой этой простоте была потрясающая, естественная, женственность. Ей очень шло одевание Девы. Перед выходом в зал причастия появилась Танин. Видя подругу столь потрясающей в одевании, она невольно вскрикнула от изумления:

— О, великая Матэри, какая ты, Нарі, красавица!

Белоснежная туника из тончайшей ткани, которую привозили с далёких восточных стран, почти не скрывала фигуры девушки, её красоты и молодости тела. Цвет её кожи светился золотистыми блёстками, из-за потока рассеянного витражами света. Всё это создавало ауру утонченной невинности и не земной красоты, но в то же время потрясающе призывало к жизни и всему земному. Даже в выражении глаз, таких знакомых с детства, было что-то новое, другое, не знакомое. Танин боролась с чувством ревности и зависти одновременно, и не могла понять, что изменилось в её подруге и когда произошли эти перемены. Но, на радость теряющей терпение Наттери, дали знак начала церемонии.

Церемония. Это таинство. В этом таинстве сила. Сила, способная изменить пространство и материю. В храме Великой Матэри церемония причастия, или гармонии, или искупления, проводимая Девами, всегда была востребована людьми ищущими, людьми благодарящими и теми кто считал жизнь несправедливой по отношению к ним. С последними было труднее всего. Но была ещё одна категория, люди, которые считали, что мир целиком принадлежит им. И божественное давало им иллюзию принадлежности к Богам. Такие щедро платили за церемонию, и приходилось прибегать к осквернению талантов Дев, и использовать способности впустую. Самые опытные Девы умели таким

образом стабилизировать энергию божественного проведения, проходящую через них, что она не наносила им вреда, будучи нецелесообразно применена. И все знали, что научиться этому очень не просто.

В церемониальном зале все было готово. Девы ожидали на своих местах и готовились к ритуалу. Их потрясающе красивые тела готовились стать источниками и проводниками божественной интуиции Великой Богини. Наттери встала позади, чуть в стороне от всех. И с нервной дрожью пыталась заставить себя приступить к служению. Она как послушная ученица вспоминала теорию и пыталась применить её на практике. Первое — она есть то, что есть и не должна пререкаться с истиной. «Я то, что есть я», — прошептала девушка и почувствовала тёплую волну в области сердца. Второе — все и всё есть безупречно необходимыми. «Я принимаю мир, ночь и день в нем», — уже мысленно проговорила Наттери и её накрыло словно лёгким ветерком. Мурашки пробежали по коже. Она закрыла глаза — «ночь в нем». И когда вновь открыла глаза, заметила, что видит чётче, цвета и оттенки стали резче, как после дождя, более глубокими, но в то же время чуть менее яркими. «День в нем», — почти вслух сказала она. И третье — все будет по настоящему. «Дух и воля твоя, о великая Матэри, в нас и с нами».

Девушка почувствовала как ей не хватает воздуха и сделала глубокий вдох, который подарил ощущение полной растворенности, она словно дым от курительниц стала лёгкой и почти невесомой, но при этом границы её сознания беспрдельно освободились от присутствия и заточения её тела. Именно в этот момент в зал ввели человека.

Это был мужчина, не молодой, тучный, с блестящей плешью вместо волос и обрюзгшим лицом, с которого не сходила липкая улыбка. Уж кого угодно готова была видеть Наттери, но не этого человека. Она почувствовала пустоту и не искренность вошедшего и, отнюдь, не удивилась. Девы начали петь... Пришедший на церемонию прошёл к центру и встал на колени. То, что происходило потом, Наттери уже воспринимала не осознанно, но когда церемония, приведшая пришедшего в экстаз, закончилась самопроизвольным вполне физическим процессом, все энергетическое пространство, так тщательно простираемое в храме, словно схлопнулось, и Наттери ничего, кроме шума и звона в ушах, не слышала.

Главная Дева призывала Наттери подойти... Трясущимися руками помощница взяла чашу с водой и направилась к Девам, стоящим вокруг пришедшего, который ещё не в силах был обрести самообладание, он блаженно улыбался и держал руки распростертыми в стороны. Когда волна физического наслаждения, парализовавшая мужчину, отхлынула, вместе с содержимым его желез, в том числе слюнных, и позволила его сознанию обозначиться, в тот момент Наттери готова была преподнести ему чашу для омовения, но встретившись взглядами, вместо того, чтобы робко протянуть сосуд с водой, грациозно вылила все и сразу на голову уже и без того полуобезумевшего человека.

От его неприятного вопля Девы мгновенно вышли из транса и с широко открытыми глазами созерцали разворачивающуюся перед их взором трагикомедию. Лысый, мокрый, с выпученными и покрасневшими глазами причащающийся рычал, как зверь, и пытался что-то сказать, одновременно пытаясь встать с колен в попытке дотянуться к звонко смеющейся Наттери. Нар

не могла скрыть удовольствия от содеянного и открыто выражала свою эмоцию. Да уж, картина была смешной, но кроме неё никто из присутствующих не смеялся. Хотя... Наблюдающая за всем этим настоятельница не могла скрыть улыбки. Но необходимо было немедленно предпринять какие-то меры, чтобы этот знатный господин не наделал больше шума.

На полу растекалась лужа, и господин, так рвущийся к окатившей его Деве, несколько раз поскользнулся, но все же схватил за плечи дерзкую девчонку и заорал, что есть силы:

— Ты... Ты... Ты что такое делаешь?

В этот момент никто уже не мог понять эмоций этого господина, он не то кричал от негодования, или от возбуждения, не то ему это даже понравилось... Но смех девушки на него действовал по-особенному, лишая бедолагу оставшегося рассудка.

Гордая Наттери не ожидала, что этот господин позволит себе крайности, и вообще ее поступок не был осмысленным, и ожидать можно было все, что угодно от человека, особенно в таком состоянии. Он больно сжимал ей предплечья и его сила была такой неистовой, что она никак не могла высвободиться. Она продолжала смеяться до того, как он стрелой в объятия и попытался поцелуем закрыть её смеющееся губы.

Отвращение подействовало на девушку мгновенно! Смех оборвался, стиснув зубы она с силой, на какую только была способна, оттолкнула мужчину, и тот неуклюже плюхнулся навзничь на мокрый пол.

— Нельзя прикасаться к Девам! — громогласно продекларировала матушка, голосом, по строгости и власти превышающим все до ныне слышанное в этих стенах.

Наступила неудобная пауза, никто не стал помогать упавшему подняться, с горем пополам, барахтаясь, ему удалось подняться на ноги. В храме, что называется, звенела тишина. Каждый из присутствующих слышал удары собственного сердца, схожие на удары в бубен. Окончательно пришедший в себя господин промолвил столь же властным тоном:

— Она поедет со мной!

— Это невозможно!

— В противном случае я разнесу всю вашу секту в пух и прах!

— Архонт! Возьмите себя в руки, — настаивала матушка Мирри. — Помощница нечаянно опрокинула на вас чашу.

— Она сделала это нарочно! Я знаю! Она сделала это нарочно! — настаивал он.

— Я не знаю почему... я сделала то, что должна была... простите... — невнятно попыталась оправдаться Наттери.

Наставница заняла позицию между ученицей и архонтом, давая понять, что инцидент исчерпан. По легкому кивку головой Девы вышли прочь из зала и увели с собой Наттери. Разозленный архонт, еще долго сотрясал своими угрозами и проклятиями своды храма.

Матис все это наблюдал из-за колонны, привлеченный шумом и криками. Он сразу узнал в бесстрашной помощнице дев свою попутчицу и готов был, не скрывая смеха, аплодировать ее поступку. Но к счастью, или наоборот, он прекрасно понимал, к чему это могло привести, ибо столь знатная

особа, как архонт, мог не лучшим образом оценить выходку девушки, а уж тем более радости и восхищения ее поступком кого бы то ни было.

Он понимал, что теперь его личная церемония под вопросом. Вряд ли Девы после этого спектакля смогут уделить ему внимание. Когда все удалились из алтарного зала храма, Матис, незамеченным, тихо выскользнул вслед за всеми и направился в приемные покои матушки, чтобы договориться с ней о новой встрече.

Он застал настоятельницу нервно шагающей со стороны в сторону по своему кабинету, в котором она принимала посетителей. Дверь была не закрыта, очевидно она ждала кого-то, кто должен был войти с минуты на минуту, и он решил воспользоваться этим временем:

— Я прошу прощения! — начал Матис, возвращая матушку из только ей одной известных мыслей. — Я понимаю, Вам тут теперь не до меня, возможно я смогу рассчитывать на другое время? Я понимаю...

— Нет, дорогой Матис, не стоит откладывать на потом, то, что должно случиться нынче! Дайте немного времени, сейчас все организуется к вашей церемонии. То, чему вы стали свидетелем, простое недоразумение.

— Мне так не показалось, все выглядело довольно гармонично, — не скрывая улыбки, произнес мужчина, полупшепотом, чтобы никто дальше этой комнаты не мог слышать сказанного им.

Добрые глаза матушки остановились на лице молодого господина. Какое-то мгновение она строго вглядывалась в его глаза, потом ее взгляд смягчился и она позволила себе улыбнуться.

— Никто не может сказать наверняка, к чему может привести то или иное событие, но очевидные вещи всегда труднодоступны для тех, кто лишь смотрит, а видит само событие. Будь вы таким человеком, вы бы увидели не гармонию, о которой сказали, а полную дисгармонию. Но я должна с вами согласиться, и несмотря на неприятности, которые меня ожидают в процессе улаживания этого происшествия, все случилось, как должно было. В храме великой Матэри ничего не происходит просто так.

Настоятельница после этих слов умолкла. Она будто раздумывала над следующей фразой, но внезапно спохватилась и совсем иным тоном предложила Матису подождать в саду, пока его позовут. В коридоре слышались приближающиеся шаги.

Гостю пришлось согласиться с предложением, похоже выбора у него не было, уж очень озабоченной казалась матушка. В дверях он столкнулся с двумя девушками, одна из них была Наттери, еще не успевшая переодеться. Она смущенно опустила взор, и не смотрела на мужчину. Но он готов был поклясться, что проходя мимо него, он почувствовал, что полностью завладел ее вниманием. Он остановился на пороге и оглянулся, но встретился взглядом с настоятельницей, которая проследила за ним и выражение ее лица стало еще более озадаченным.

Спускаясь в сад, он еще на полпути услышал шум и гам, со двора доносились крики и ругань. Он не хотел встретиться во дворе с разъяренным архонтом, поэтому притаился за колоннами и наблюдал за всем сверху. Раздосадованный не должным приемом господин архонт, согласно своего титула позволяя себе кричать, злиться и раздавать пинки и тумаки своим слугам,

а также не переставая выкрикивать угрозы в сторону матушки, всей, как он выражался, «богадельни», и «этой чертовке», имея ввиду наверняка Наттери. Матиса повеселила вся эта картина, и ему самому захотелось окатить этого господина водой, дабы успокоить его беспокойное эго. Взгромоздясь в свою повозку, с горем пополам, организовав свой кортеж, высокопоставленное лицо на радость всех покинул двор храма. Наступила долгожданная тишина, и снова стало слышно шум водопадов, находившихся недалеко от храма. Во дворе не было ни души. Матис прошёл через колонную залу к заднему portalу и вышел в сад. Заботливые руки воспитанниц этого храма сотворили маленький рай на небольшом пространстве внутреннего двора. Как в сказке порхали бабочки и небольшие птички, аромат цветов, что заполняли почти все пространство, сводил с ума. Вот уж поистине рай!

Молодой мужчина беззаботно присел на мраморную скамью у небольшого фонтанчика, из которого пила воду серая голубка, и позволил своему разуму обрести покой. Косые лучи солнца слепили его, отражаясь в чаше фонтана, прилетел голубок, и стал ворковать перед голубкой. Матис закрыл глаза от удовольствия, перед его внутренним взором возник образ милой девушки, ее красивое лицо, опущенный взор, пушистые ресницы, розовые, как бутоны губы, на румянном лице, локоны волос, падающие на ее нежную шею...

На верхней террасе появились люди. Было слышно, как женские голоса жарко о чем-то спорят. Он, шурясь, разглядел все тех же девушек, которых встретил у матушки настоятельницы. Сердце забилось учащенно. Увидеть ее еще раз было удачей!

Они прошли, не заметив следившего за ними мужчину. Наттери эмоционально говорила своей спутнице о своих чувствах:

— Почему матушка не позволила мне участвовать в следующей церемонии причащения? Разве я могу проявить себя без службы?!

— Дорогая, ты и так проявила сегодня себя с архонтом! Теперь еще не понятно, чем это закончится для нас. Ты хоть понимаешь, что это за человек и как он может навредить нам?

— Я все понимаю, но ничего не могла с собой поделать. Этот чурбан своим присутствием осквернил наш храм. Я не могу даже описать всех эмоций, настолько они неприятны были рядом с этим... человеком.

— Вот именно! Тебе нужно прийти в себя, и не стоит даже думать о службе до тех пор, пока ты не овладеешь своей силой.

Нари резко остановилась, нахмутив брови, обратилась к собеседнице, которая прикусила язык, как только поняла, что взболтнула что-то лишнее:

— Что ты хочешь сказать? О какой силе ты намекаешь? Или вы все думаете, что я ни на что не способна?

— Не начинай! Я ничего не хочу сказать, и ни на что не намекаю. Ты не справилась со своим состоянием в трансе, и натворила дел.

— Я не была в трансе! Я все осознавала и понимала! — почти прокричала Нары.

— Тем хуже для тебя, — ее старшая подруга, явно не желала продолжать эту тему. Она демонстративно указала Нары на дверь в келью, и поклонилась.

— Хорошо! Как скажете. Я буду покорной, буду ждать своего приговора.

— Прекрати сейчас же! Если бы матушка тебя осуждала, она не стала бы защищать тебя.

— Да, конечно, — наигранно согласилась Наттери. Но в мыслях горько жалела о том, что настоятельница не дала ей возможности служить на церемонии для молодого господина, который накануне подвез ее в своей повозке к храму. И снова почувствовала чувство томления в районе груди.

Она вошла в свою келью и стала срывать цветы, вплетенные в волосы, и бросать их на землю, сдерживая слезы. Это была эмоция не злости, а досады. Она уже давно забыла о лысом и мокром архонте, и его возне, все ее мысли были рядом с Матисом. Теперь она знала, как его зовут. Настоятельница произнесла его имя и категорически не стала допускать ее к церемонии, без разъяснений и малейшего шанса уговорить ее. Нари чувствовала, как будто потеряла при этом что-то очень важное.

Матис зачем-то на цыпочках стал осторожно уходить из сада, а потом словно опомнившись, выпрямился, и с гордой осанкой, расправив плечи, смело направился к двери, в которую только что вошла Наттери. За дверью было тихо, лишь доносились неясные звуки, но ни голоса, ни плача, на что он был готов отреагировать, не услышал. Он так и стоял, вслушиваясь, и в какой-то момент за дверью наступила полная тишина.

Наттери скорее почувствовала, чем услышала, что кто-то стоит за дверью. Снимая украшения она сняла сандалии и бесшумно подошла к двери. За дверью было тихо. Едва касаясь ручки двери, в тот самый момент, с той стороны к ручке прикоснулся Матис. Нари застыла и с шумом вдохнула воздух, словно только что вынырнула из воды... Матис рванул дверь на себя.

Она стояла прямо перед ним. Одной рукой продолжая как будто держаться за ручку двери, а ее взгляд был отсутствующим, словно она смотрела вдаль, не видя перед собой удивленного мужчину.

Волосы струились по плечам, ее грудь вздымалась от каждого вдоха, глубокого и шумного. Красивая, взволнованная — он был очарован ею. Красота девушки поражала, ее загадочный, ничего не выдающий взгляд, немного пугал, но в этом было что-то потрясающее. Матис боялся шелохнуться и стоял так же оцепенело, как и девушка. Не трудно было догадаться, что она была в трансе...

Продолжение следует

Ольга Кравцева
(Россия)

ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗДЫ

На свете жил маленький, неуклюжий, толстый, губастый, с одутловатыми, плохо выбритыми щеками и лёгкой одышкой человек. Костюм он обычно носил коричневый, ведь на нём не были видны пятна от кофе. К сожалению, некоторых пуговиц там не доставало. Дома на столе стоял стакан с уже давно высохшим чаем, а в правом углу стола ещё можно было различить под паутиной когда-то давно задуманный, но так и не доделанный радиоприёмник. В висевшей на балконе гитаре уже третий год подряд вили гнездо птицы. Когда-то давно он мечтал о звёздах, но судьба-злодейка уготовила ему место в бухгалтерии. Ошибки, которые он совершал с завидной регулярностью, ему исправляли его коллеги — женщины, младшей из которых недавно исполнилось пятьдесят. Женщины его ненавидели, так как восьмого марта он без всяких поздравлений пытался уйти раньше всех. Но никто не знал, что в этой непричёсанной голове шла бурная работа мысли. Двенадцатая проблема Гилберта не давала покоя нашему герою.

Однажды поздно вечером, гуляя по знакомому парку, он заметил странное происшествие: как будто со звёздного неба на него упали синие прозрачные стеклянные очки. Герой подумал, что кому-то на небе плохо, ведь те очки упали на землю и разбились. Он почувствовал, как кто-то наверху мучится, гнётся, как-будто его ломает. Не успел он прийти в себя, как на его хлипкую фигуру обрушилось тело высокой худой девушки в белом летнем платье. Она отлетела от него и ударилась об плитку.

— Барахлит. Дверка в моём космическом корабле барахлит. Прости, засмотрелась на твои мысли.

На следующий день Леонид Сергеевич Пререгатов проснулся такой же толстый, неуклюжий и одинокий. В прошедший вечер девушка пробормотала огрубелым севшим голосом: мне ещё думать, как добыть этот чёртов эфир для получения энергии. А калибозстра совсем развалилась, нужен компрессионно-пространственный двигатель. Но ведь Корн не ждёт! — И смешно пошла на широко расставленных худосочных ногах, шлёпая прямо по грязным мартовским лужам. Чёрные длинные волосы прядями поднимались к лицу, гонимые сильным ветром. Густой, восхитительно собранный хвост блестел и лоснился от жира, чего нельзя было сказать о её безнадежно усталой фигуре. Она обернулась и приблизилась. Леонида передёрнуло от фанатичного красного лица, с припухшими веками. Казалось, от лика исходило отчаяние. Айяйна (впоследствии герой узнает имя девушки самым очевидным образом) в припадке безнадежности схватила радиолюбителя за воротник, заглянула в самое лицо, скорее прятавшееся от вторжения, затрясла его от злобы, усталости и бессилия, затем с досадой отпустила и окончательно зашагала прочь в темноту.

— Интересно, эфир нужен сам по себе, в качестве результата или это лишь средство? По факту, в современной физике эфир не используется. И почему она такая невыспавшаяся? — автоматически подумал Лёня.

— Стой! Куда? — заволновался бы обычный человек, но Леонид — экстраординарная личность, поэтому он медленно открыл один глаз, затем второй и, когда увидел потрёпанный куцый куст родного парка, наконец успокоился. Разумеется, идя домой, наш герой ждал опасности из-за каждого угла, он припоминал все детективы, прочитанные в раннем детстве, а детективы Лёня знал хорошо. На старом боярышнике Леониду мерещилась смертельная петля, в старой машине соседа, с ручным переключателем скоростей, он узрел трясущегося, как скрюченный суслик шпиона, за дверью подъезда точно кто-то стоял. Леонид то семенил по парку, подражая мисс Марпл, то характерным жестом стряхивал пепел в траву, а иногда останавливался отдышаться, ожидая на лестничном пролёте Гастингса. Но Леонид Прерогатов не знал: в те минуты он был настоящим Ниро Вульф.

Вернёмся к началу. Надо признать, Леонид Сергеевич не в состоянии был успокоиться. Он недоумевал.

Леонтий недоумевал: как можно погрузить человека в фантастическую среду и потом бросить его. Такие вмешательства вызывают депрессию, однако этот факт, похоже, заботит только Лёню. Жить по-прежнему уже не хотелось. Леонтий решил измениться. Но на работе он также путал циферки, говорил не то, что хотел. Он ходил на биржу труда — биржа закрыта, её нещадно заливает зябкий дождь, HeadHunter ничего не отвечает, бегать одному вокруг дома непривычно; бегать одному не хватает воли.

Тени вокруг газоразрядной лампы напоминали головы змей. Лео позвонил матери. (Пока шло соединение, он думал о том, что лампы бывают газоразрядные, накаливания и светодиодные. Отличие газоразрядных ламп состоит в наличии в них газов, светящихся под действием электрических разрядов.)

— Мама, а она вернётся?

— Вернётся, вернётся.

— Ну тогда ладно.

— Пока?

— Пока.

Лео искал в интернете информацию о девушке-пришельце. На последней странице поиска он натолкнулся на понимание со стороны пресной, скверно выполненной, никем не просматриваемой страницы. На ней излагалось описание нескольких лиц, при встрече с которыми следовало обращаться к отправителю.

Леонтий удивился: в адресе стояло ГКБ № 40.

Лёня буркнул, но на завтра отправился по адресу.

Его машина тихо остановилась в мертвенно-бесшумном пустом районе.

Тишина настолько сильно овладела мотоциклом, пятаком подержанных авто, бетонными стенами мутного здания, что легко можно было расслышать скрип по асфальту приземлившегося листа.

Лёня вытянулся к переднему стеклу машины и, увидев предметы, будто выросшие не в городской зоне, а среди парка, особенно стену, словно выросшую из земли, расписанную бунтарскими надписями, засомневался: а вдруг вне машины гуляют чудовища?

Страшновато вылезать из нагретого автомобиля на заведомо прохладную улицу. Через зелёные двери с обсыпавшейся краской Лёня вошёл в неврологическое отделение. До этого он долго заполнял анкеты в регистратуре.

Идя по коридору, сидя на проштампованном дырчатом стуле, он был взбудоражен, по телу скакали мурашки, приятные от предвкушения долгожданного чуда. На кровати лежала громоздкая семнадцатилетняя девушка, чьё тело было унижено присосками с проводами, подводящимися к кардиографу, непрерывно измеряющему сердцебиение. Кожа на пальцах слоилась, волос местами недоставало. Те, что остались, были тонки и сужены к концам прядей. Вот чудовище, — может, и фантастики не надо — подумал Леонтий. Леонтий удивился: вся комната этого уроды завалена сорняками. На шкафу, на подоконнике, на полу в вазах, в руках улыбающейся девушки находились одуванчики. Везде одуванчики.

— Здравствуйте, я Леонтий.

— Здравствуйте, я Ветта.

— Откуда у вас столько одуванчиков?

— Это мои любимые цветы. Откуда они, вы узнаете, когда я расскажу вам свою историю, вы ведь за этим сюда пришли?

— Да, — ответил Лёня и рассказал ей, как он здесь оказался.

— Теперь моя очередь, — сказала Ветта.

Мне было двенадцать. Нас с братом отправили к тётке на лето, в загородный дом. Я первый раз одна пошла гулять и, пройдя сквозь лес, вышла на незнакомое поле.

По полю проходила дорога, на которую я не сразу вышла. После нескончаемого блуждания по дороге я добрела до узкой прозрачной холодной голубой реки. На другой стороне я увидела что-то невероятное: под белым дубом стояла удивительная, невозможная к описанию машина. Она стояла, освещаемая весенним солнцем, которое дарило ей свои золотые лучи. Этот прибор выглядел ещё грандиознее в потоке самолётиков-листьев с соседнего дерева. Наступая в холодную, режущую ноги воду, я пошла по камням и дотронулась до калибозстры. Название это я узнала позже. Что было дальше — не помню.

Я открыла глаза в многолюдном шумном зале, посреди коего стояла группа интересных молодых людей. Очень странная толпа шла на них, повсюду двигались существа разных видов. У всех были значительные отличия от людей. Люди в «чистом виде» располагались лишь в одном месте — в центре прохода. Та группа, по виду учёные, усиленно что-то обсуждала, столпившись вокруг чудного устройства.

Высокая девушка, сидящая у устройства, медленно поворачивает голову, она, ломаясь, распрямляет колени, как железные шторки. Она встряхивает голову, блестящая чёрная грива рассыпается сзади неё. Айяайна. Справа уходил по эллипсу Чотзытаву, повторяя: Ну где же? Где же? Разбитое жизнью существо рядом, форма, образованная от человека, застыла в раздумии. На вид — лесник в тундре с пронзительным взглядом в никуда. Собравшись кучкой, визжат и переговариваются девушки: Савфыдон Гоп, Сейси, Лаледия, Фузи, Мецвон, Дудь, Илезир. С левого бока непонятной машины два парня: один высокий, худой, некрасивый, в чёрной водолазке. Другой — симпатичный, с закруглённым мягким кнопкой-носом.

Устройство имело вместительную кабину, вполне удобную для прятков. В кабине полыхало пламя. Сверху прикреплена грубой рукой лампа, от которой тянутся во все стороны нити-провода, по ним бегут яркие заряды. Сверху из окна

торчат две ноги-железки, справа — блок-плата, нечто схожее с коробкой передач. Вдруг из-за конструкции вышел некто. К нему прикованы все взгляды. Корн. Корн. Корн. Шум в ушах нарастал. Под громкий шум толпы, едва не задев смешной мальчишеской головой одну железную ногу, пригнувшись, вышел парень в длинном белом халате, на шее — длинный, в красную клетку шарф, красные глаза альбиноса, волосы выются бесцветными кудрями. Айяайна мгновенно съёжилась, стала маленькой и куцей, судорожно принялась теревить жабо на рубашке. Да что там Айяайна, с появлением Корна у половины парней пропал голос. Глупо было бы спрашивать, что произошло. Ветта не хуже других понимала, в чём дело. Увидев Корна однажды, невозможно не стремиться к нему всегда. Местная сирена, кумир, алтарь для жертв, предмет любви мужчин и женщин, универсальный весельчак.

Всё быстро завертелось перед глазами. Айяайна объясняла Ветте: это устранитель сгустков пространства, автор — Корн, — Айяайна указала в ту сторону, куда и без того не к чему было указывать. Там скакал, застилая свет и тьму, Корн. Он колесил между девушками, тыкающими в него пальцами.

Сначала Корн изобрёл расширитель области. Расширитель отображает невидимые глазу частицы, изменения. Вкратце, то, что существует в прослойке и что не видит человеческий глаз, включая внутрипредметный обзор.

Проблема заключается в сгустках пространства. Видишь шлем-расширитель на Корне?, когда он впервые надел шлем, то увидел мешающие нашей жизни невидимые образования. Корн съёжился от обилия лампочек и был похож скорее на новогоднюю ёлку, чем на учёного-изобретателя. Горе-изобретатель.

Смеющаяся физиономия скрылась в рядом стоящей калибоэстре. Поклонницы дёргали за ручку, но не могли открыть дверь. Если честно, Ветте не очень-то хорошо слушалось.

Она проснулась ранним утром, настолько ранним, что было сумрачно и темно; вечное новолуние, луны здесь не бывает. Светло-зелёный туман охватил лужайку, сад, объял дом со спящими жителями в каждой комнате, каждого с его потаёнными этажами. Лужайка покрыта густой зелёной травой; промозгло. Фиолетовая качалка, срез отливов громадных окон, макушка спускающейся по лестнице Ветты, крючковатая ветка. Девочка поднималась вверх по воздуху, семенила по воздушным ступеням. Вскоре она расправила плечи и нырнула в воздушную гладь. Она прижимала руки к бокам, перебирала ногами, летала напротив торца, боясь заходить выше слуховых окон. Наяву это или во сне?

За счёт чего осуществился подъём? Сжиженный воздух, вышли и открылись те самые сгустки пространства, что рассматривал Корн? По периметру сада проходят мощные восходящие потоки? Если это и было так, то об этом вы узнаете чуть позже.

Окончательно героиня проснулась при слабом солнечном свете. За стенами деловито ходили, собирались Клона, Филоенна, Иона. Ноги отяжелели, разбухли, в теле приятно сквозила боль. Перенасыщение щёлкающими кадрами жизни. В соседней комнате — шум и суета: кто-то пробежал по коридору, в дверь с веранды вошёл Аландел.

— Привет. Приветтики! Привет-привет. Что, уже собрались? Через пять минут ухожу. А, ну не успеете?

Паника! Одеться срочно — Аландел там расхаживает. Вдруг ему сюда зайти захочется? С пола распластанную вельветовую куртку, шорты в цветочек, с кресла тетрадку с латинскими названиями растений — всё собрано. Абсолютно лишняя тетрадка с Земли, как же она напоминала о доме.

И снова научный институт, коридоры. По поводу «лифта» Ветта ничего не решила. Везёт ли он на тончайших сверхпрочных нитях в космос? Ясно одно: часть института находится в другом измерении. Белые этажи. Цилиндр. Вокруг него множество кругов-этажей. Отовсюду смотрят стёкла. У бортика доступен вид на соседние этажи. Внутри цилиндра полость с зимним садом из экзотических растений, с правого края — золотая лестница ко второму этажу. От этажей зигзагами петляют коридоры, их количество меняется от каждого прохода. Вот друзья Корна — серьёзные взрослые мужчины пятидесяти лет, загрубелые и придиричвые, ведь только такие способны работать в научном институте. А вот и они — Корн с Аланделом. На отворотах у них лакированные чёрные жучки.

— Зачем тебе это? — неприветливо пробурчал Вульц.

— Жучок — чтобы переговариваться с Аланделом или Чотзытаву на расстоянии. Полезу в шахту, а кто-нибудь останется у панели управления. Нужно держать связь, — прозвенел голос Корна.

И коридоры, листья, растения в горшках, белые стены, слабые попытки заниматься по прослойковским учебникам: непрерывно звать Клону, сидящую на кафедре, совестно, а самой не получается сдвинуться с места. Перерыв. Клона пошла за «плюшкой» Ветте. Веттин лоб в испарине от натуги, нужно перейти к следующей формуле до прихода Сейси и Клоны. Неожиданно из-за белого параллелепипеда высунулся Корн, по-видимому, они с Аланделом давненько носились по уровням здания и вот сейчас забежали сюда. На весь коридор прогремел громогласный голос:

— Вет-т-та!

Ветта почувствовала, как два пальца, сложенные в курок, упёрлись ей в спину. За время пребывания в прослойке Иветта осознала несколько аспектов.

У девочки внутри определённо были двери в другие миры, они были всегда, только не всегда Ветта помнила их открытия. Как-то она стояла на лестничном пролёте, и из окна на неё пахнуло холодом. Пшеничные волосы зашевелились и поползли по голове, пух-паутина просвечивал почерневшие провалы окон. Будто проскрипела и открылась дверь в удручённый мир. Ветта чётко почувствовала ветер и ощущение, словно что-то оборвалось. На дальнейшее наложено табу. Это не может быть описано в истории. Корн приостановился, проходя по лестнице. Он видел эти бездонные серые глаза, чей пепельный цвет так необычен. Вспыхнул погасший свет в лампе с зеркальной решёткой, за окном гремела гроза, всё вернулось на место.

Что ещё из новых ощущений, — похоже, Ветта перерождалась. Она больше не могла прикасаться к предметам, пальцы упирались в барьер, среда не реагирует на неё.

Девочка захотела изучить местность: поднялась на последний этаж, сорвала пломбу на кабинете, залезла по приставной лестнице. Книги по прослойке, столь ценные материалы совсем близко. Вульц почти поймал девочку.

— Летать ты пока не научилась, так нечего и выпендриваться.

А вот это вы зря.

— Я старалась.

— Надо не стараться, а делать, — сказал тихий Нужецу.

Ещё минута, и некрасивый длинный Чотзытаву ласково спросит: хочешь, я тебе лучше расскажу про давнюю модель Корна?

— Ну давай, — усмешка пробежала по лицу Ветты, также по нему пошли мимические судороги. Наша пришелица не любила выражать эмоции, ей тяжело давались диалоги, так как обычно она говорила совсем не то, что думала; и теперь от собеседников скрылась вся правда.

— Вкратце, Корн способен проходить сквозь предметы. Но это очень опасно. Он не делает этого после того, как застрял. Оторвалась кожа на левой ноге.

Напряжение спало и Ветта завладела невидимым микрофоном.

— Мёртвые зоны из-за неоднородности материи. Хотя бы возьмём колебания предметов. Для датирования информации подойдёт код Хэмминга. Пожалуй, так.

— Всё. Я заглохла.

(Код Хэмминга — вероятно, наиболее известный из первых самоконтролирующихся и самокорректирующихся кодов. Википедия)

Позже в кабинет зайдёт Корн и компания, захватив хихикающих девчонок, отправится в гараж, где учёные отдыхали после работы. В гараже играла яркая музыка, чаще всего там проходили вечера работы за дополнительными изобретениями «для души», танцы, расслабление. Корн выскочил из-за железной откидной дверной накладки с довольным видом.

Ветта, смущаясь, зашла в просторный холл, на столе в центре лежал синий блестящий экран. Айяайна вновь взяла на себя роль инструктора.

Гравитационное экранирование — термин, обозначающий гипотетический процесс экранирования объекта от воздействия гравитационного поля. Такие процессы, если бы они существовали, могли бы приводить к уменьшению веса объекта. Форма экранированной области была бы схожей с формой тени от гравитационного экрана. Например, форма экранированной области над диском была бы конической. Высота вершины конуса над диском зависела бы от расстояния экранирующего диска от массивного объекта. В настоящее время не существует экспериментальных подтверждений существования эффекта гравитационного экранирования. В физической теории гравитационное экранирование считается нарушением принципа эквивалентности и, таким образом, противоречит как теории Ньютона, так и Общей теории относительности. Википедия

Что же произошло раньше: полёт Ветты или появился этот аппарат Корна?

Немного подвыпив и определённо устав, Айяайна собрала слушателей, чтобы рассказать прослойковскую «философию».

— Однажды, проходя по галактике, один парень...кха ему стало одиноко, он создал мирок и разместил его у себя на письменном столе, он создал прослойку, чтобы люди в ней вечно страдали и мучились, не находя выхода из скудного мира в самих себе. Ударялись и падали, как косточки об стену.

Это было самым разумным, что Ветта услышала от девушки. Должно быть, подруги уведут её спать, а мне неприятно смотреть — пойду, не буду вмешиваться.

Ну а как ещё донести до человека информацию?

Звёзды бежали по небу. Караван гуляк расходился по территории сектора. Сектор назывался Глосси, в честь местных непонятных явлений, значение которых Ветта так и не смогла постичь.

Ветта закончила говорить, в клинике перешли на тускло-зелёное освещение, а затем и вовсе выключили свет. Поначалу Иветта и Лёня обходились фонариком телефона и громким шёпотом, но потом решили продолжить разговор на улице.

Отделение лучевой диагностики, складские помещения, коробки, луна, оранжевый пакет в земле.

— Вам не холодно в пижаме и куртке?

— Не хочу отвлекаться на мелочи.

Ветта выставила вперёд руку и изображала небо прослойки.

— Вы так рассказываете, как будто управляете звёздами. Вон-вон, смотрите, даже облака побежали.

— А всё-таки Ваш Корн пустой парень, обычный: жестокий, грубый — поколотит словами и не заметит, ему плевать на чужое самолюбие, идёт напролом, как бронетранспортёр. Через чужие амбиции перешагивает. Он просто рисует-ся. Хотя за изобретения я его зауважал.

Ветта сжалась, превратилась в зверька. Она обхватила себя руками, обхватила голову. Девушка выпагивала в такт, отвернувшись от пристальных глаз, до боли сжав кулаки. Мнительность и иллюзии. Жизнь, призрачная как взмах крыльев бабочки. Был ли вообще тот, другой мир?

— Прекратите, не будьте таким, пожалуйста, перестаньте. Корн очень нежный и одухотворённый. Хватит, — Ветта прикрыла обеими руками голову, зачем-то пытаясь остановить Леонтия. — Даже если так — мне-всё-равно.

— Хорошо, если бы с Леонидом сошлись чуть ближе, он перестал бы соглашаться.

— Вы уверены, что он не замечал суматохи вокруг него и вообще сломанных судеб? Несчастья других людей его не волновали, где банальное сострадание? Какой же он одухотворённый?

— Не моё это дело, а потом ведь он и сам нервничал, однажды перенапрягся и слёг. Там, правда, и я постаралась.

— Стоп-стоп-стоп. Вот с этого места поподробней. Как это было?

— Не сегодня. В следующий раз. Хочу отдохнуть.

— Скажу только: я не проникательный человек, не усмотрю бледность в лице, помертвевшие веки, увижу лишь труп, падающий на руки.

В тот вечер Лео явится домой беспокойным: он прочувствовал свою бесполезность, несостоятельность, а ведь он тоже полон сил и желаний, почему у него нет прослойки и калибоэстры? Он с нервами съел охапку батончиков. Ночью он написал песню, схватил гитару и заиграл рок. Яростно дойдя до слов:

Много можно в жизни добиться —

Во-время-нуж-но-ос-та-но-вить-ся,

Леонтий неожиданно сник.

Через неделю Перегатов пришёл в нелепой рубаше с огромными расписными цветами во всю косоворотку и коробкой конфет. Каждый должен делать то, что может и умеет — не спорьте.

Захлопнув стеклянную дверь, Леонтий произнёс: Ветта, а слышалось: И-жж-жож-етта.

Иветта медленно прошла мягкими ступнями по гладкому паркету, приостановилась у поворота на лестницу, маленькие ножки нажимали на чёрные и белые прямоугольники как на клавиши пианино, безбрежная пустыня, серый лифт, огромные зеркала, в голове гудит множество пчёл, мысли разбегаются — не догонишь. Ива уже застилала кровать, когда неожиданно раздался голос, от которого она подскочила:

— Жозетта?

В комнату вошла молодая девушка неброской наружности. Эта уборщица перепутала имя, где-то услышанное. Девушки посмотрели друг другу в глаза и поняли, как близки. Они одиноки. И не важно, что у одной нет прослойки, у другой какие-то свои дела, Ветта просто увидела этот взгляд брошенной собаки — во мраке сверкнули тёмные блестящие глаза со слёзной поволокой — и девушки держали друг друга в объятьях. Показалось, что в темноте резкими скачками движутся навстречу друг другу чёрные крылатые существа.

— Я вот очень переживаю, чтобы выборы прошли удачно. Вы голосуете за Каралиева? Нет? Почему?

— Тени хочу прикупить себе и подруге. А вы почему не краситесь?

Ива отвернулась, чтобы не покатались слёзы, и до боли прикусила губы. Во второй раз за день она не хотела показывать лицо. Ветта тяжёлая, толстая, а душа у неё красивая, чувствительная, нечёткая, несформировавшаяся.

Небольшая экспедиция от научного института была собрана. Необходимо постоянно исследовать меняющуюся структуру здешней природы. Летальщик — это небольшая машина, чем-то напоминающая вертолёт. Он навис над поляной, трава под ним, решетчатая из-за пучков зелени, шевелилась, дыбилась. Земля дрожала под громадой машины. Корн сам собирал всю аппаратуру, летальщик он выстрадал собственной кровью; ему пришлось вступить в борьбу с гронами, заселившими цветочную поляну и холмы за ущельем. Ведь там располагались ценные минералы. Они нужны для кварцотерна, машинки измеряющей уровень, то есть показывающей, где ты находишься. Прибор показывал альтуровень, разноцветные камушки рассыпались и складывались в условные знаки.

В это холодное утро компания собиралась посетить пещеру далеко от сектора, где располагалось небольшое поселение, в котором жили наши герои. Айяайна стояла с необычной зверушкой. У её ног резвилась полукрыса-полусобака с перепончатыми крыльями. Длинная вытянутая пасть, загибающаяся кверху. Массивное тело и маленькие лапы. Фиолетовая морда соперничала в яркости окраса с зелёным хвостом. Кожаный нос, бархатные чёрные глаза, обведённые сверху и снизу длинными ресницами. Данное существо тёрлось о бирюзовые колосья, ползало под алыми листьями ядовитых цветов, тонкие клыкастые зубы впились в складки рубашки хозяйки, пасть закрывалась, похожая на жерди духовки. На самом деле у Айяайны было не одно животное. В кармане плаща у неё была ящерица, трансформирующаяся в различные предметы. Однажды она чуть не потеряла её, когда ящерица превратилась в ручку, и одна женщина из бухучёта унесла её. Через десять секунд раздался вопль; Айяайна немедленно забрала любимца.

— Как всё мило, как по-домашнему, — подумала Ветта. — Вот всегда бы так,...но... как только Корн соберёт канал связи, меня отправят домой. — Она

грустно посмотрела на свои руки. С каждым днём ситуация всё хуже и хуже: руки уже не захватывают траву, девочка медленно исчезает, местность берёт своё. — Не нравится мне местный климат — тела не чувствую, головка клонится.

Парни, — Аландел, Рукторн, Вульц, Нужецию, обсуждали полёт.

— Необходимо посадить грона в кабину управления, так как близость фауны не помешает при возникновении чрезвычайной ситуации природного характера. Суслик подаст сигнал — мрачно продекламировал Вульц, чем вызвал гримасу на лице красавца — Аландела.

А Корн в это время подкатил к девушкам. Он их смешил, тыкал, убегал.

— Гоп, наш роман окончен, — крикнул Корн и с наивным бесстыдством побежал размахивая ручками. Сывандон Гоп разъярённо оглянулась в его сторону.

Дудь, Сейси, Мецвон, Фузи стояли в немом молчании.

Стальное (на вид) крыло, поручень, ступенька, на которую нужно запрыгнуть; внутри повсюду торчат оголённые провода, конденсаторы, схемы валяются по углам, чертежи, расчёты, на черновых листах много соединённых перекрывающих друг друга труб.

Корн использовал уникальные свойства нейтрино для устройства летальщика. Для предотвращения аварий Корн использовал стабилизаторы среды. Летальщик брал энергию электромагнитных волн, опасность заключалась в самой природе.

Нейтрино (итал. neutrino — нейтрончик, уменьшительное от neutrone — нейтрон) — общее название нейтральных фундаментальных частиц с полужелым спином, участвующих только в слабом и гравитационном взаимодействиях и относящихся к классу лептонов. В настоящее время известно три разновидности нейтрино: электронное, мюонное и тау-нейтрино, а также соответствующие им античастицы.

Нейтрино малой энергии чрезвычайно слабо взаимодействуют с веществом, и поэтому имеют колоссальную длину пробега в самых разных веществах: так, нейтрино с энергией порядка 3-10 МэВ имеют в воде длину свободного пробега порядка 10¹⁸м (около ста св. лет), а практически все типы звёзд прозрачны для нейтрино. Каждую секунду через площадку на Земле площадью в 1 см² проходит около 610¹⁰ нейтрино, испущенных Солнцем, однако их влияние на вещество практически никак не ощущается. В то же время нейтрино высоких энергий успешно обнаруживаются по их взаимодействию с мишенями. (Википедия)

— А они не издеваются насчёт этого опыта: пытаться чудовище, не лучше ли сразу ставить всем чёрные метки на руках? Айяайна, что мы будем делать? — Веха спрашивал трусливо, а его глаза сузились, бегали, лоб отливало блеском бесцветных волос, торчащих из маслянистой сверкающей кожи.

В пещере их ждал страх. Что выкажет местность, которая постоянно меняется? — в таком ракурсе фантастическая вселенная выглядит не столь привлекательной.

Куски жирового налёта нездоровой белизны висели на длинных сущностях из жёсткой шерсти, что это, запутавшиеся куски жира? — сало в чёрных точках и волосах, или неправильные, неестественные образования, замешанные

на шерсти ЗВЕРЯ? — по углам росли пара деревьев, будто бы ежевичных, но с пустыми отделами для плодов. На земляном полу ползали в большом количестве костянки, так что даже передёргивало; известно, костянки легко проникают в любые тесные пространства, чему способствует уплощённость тела. Ноги Ветты постоянно тряслись в ознобе, она преждевременно сбивалась, спотыкалась, запинаясь. В то время, как Сейси с Фузи и Мецвон активно обсуждали модную обложку с событиями института, ведь правда, было о чём говорить: Савфидон Гоп предстала на ней в глянцеваом сером костюме, с молниями и пришивками в разных местах, а что уж было говорить про содержание. Аландел как вьедливый журналист по-мужски просто и вкрадчиво составил описание всех лабораторных поисков, вариантов и тупиков со стороны работы.

— А почему здесь молния прерывается и так лицо затемнено? — повернув узкий подбородок к Мецвон спросила Фузи, она мельком стряхнула искрящуюся пепельную прядь на серый пиджак, оправила одежду двумя руками за лацканы.

— Ну, не знаю, может, и не так затемнено, может, ретушировано — девушки почему-то никогда не спорят с навязанной модой, публицистикой, для них она закон, для них она важнее, чем правда.

— Ретушь, говоришь — да, здесь действительно полно, но и недостатки кожи тогда обойти было возможно, почему не сделали — посмотри, сколько дырочек на носу, вкрапления на щеке, даже её шрам детский на руке виден.

Ветте стало по-настоящему жутко, впереди канала лилась вода, трубы проходили чуть выше колен, вода хлюпала под ногами, гулко ударялись поодаль капли. Запахло чем-то странным, Ветта только не знала, чем, она всего лишь один раз проходила мимо кладбища, это случилось вечером в поселении тётки, когда родители повели в соседнюю деревеньку, тогда она покрепче сжала руку брата, Густава, и постаралась повнимательней рассмотреть могилы, но видны были сиреневые цветы, памятники, надгробия. Поэтому запах сырой почвы, винный аромат, кольца стружки настораживали не опыт, но разум. Аландел неуместно пошутил:

— Эгехе, Айяйна, ты строишь из себя умницу.

— Да, ты всё время гундишь о работе, — поддержал немолодой Олпуд.

Парни наконец-то нашли отдушину, их теперь было не остановить:

— Не ешьте таблетки от посудомоек.

— Не бегайте с ножницами.

— Выключай утюг перед тем, как покидаешь квартиру.

Вот сколько ценных рекомендаций получила от Чотзытаву и Аландела работающая, пунктуальная девушка.

— И для избежания подобных инцидентов, дабы изъять бдительность — подытожил, заламывая руки Сейси, Корн. Разговор вообще-то шёл про Айяйну, но, видать, хотелось потискать Сейси. Академик перестарался: девушки давно вопили, Веха уже с негодованием подходил, а Корн увлекшись, закусив язычок, старательно выворачивал руки со всей богатырской силой, свойственной человеку его роста.

Парни переихихивались над сценкой.

Греза, нечто сходное с собакой, и Клоуза, ящерица, — животные Айяйны, остались в летальщике, в летальщике осталось и Гральте (аппарат для изучения предполагаемого чудовища).

А вот куст с кроваво-красными ягодами, сам сухой и ломкий, обгоревший, ноготки черных сухих палочек окаймляют алые грозди. Маленькие ручки этих каёмок резко зажимались и понеслись лопать ягоды единственной работающей кистью, при этом создавалось ощущение, что ручки откидываются назад сжимая пальцы к впадине ладони. Неожиданно.

А по проходу прямо — шкура, на шкуре жертвенник, и жучки-скарабеи ползают туда-сюда, и сладкий приторный ароматный винный запах, от чего глаза застилаются бордовым цветом. Компания заговорила и ушла за поворот с громкими криками.

Корн что-то изображал и кричал, подпрыгивая:

— Гомункулы! Электрический ящик! Реактор любимый.

Ветте стало очень грустно. Хочется закричать что-нибудь, чтобы заметили, услышали, но в группе, где ребята так заняты собой, что достижения двенадцатилетней девочки их мало заботят, не принято уделять внимание детям. Для кого-то это ничего, для самолюбивого — крах.

Ей невыразимо одиноко. Странно — в одиннадцать, десять, шесть — такого не было. Со времени нахождения в прослойке у неё начались выпадения. И вот сейчас, зачем она взяла нож и принялась проводить полосы по предплечью? Корнелий подкрался сзади и мягким, очень нежным движением вынул нож и убрал его за пояс, отодвинув складку лаборантского халата.

— Подходи, не бойся, — робким голосом предложил он, и когда Корнелий говорил это, опасаясь дрожания, без замашек самоуверенного академика или концертного бунтаря, ему хотелось отдать всё на свете.

Послышался страшный рык, небывалая громада чудовища выдвинулась из-за закоулка. Оно приближалось, но пока его никто не замечал. Страшная волна прокатилась по коже. Никогда. Больше. Не будет.

Ветты.

Айяйны.

Корна.

Прослойка. Это конец.

Карие глаза, клыки, рычащая пасть на пути в склеп подобных чудовищ, огромные, огромные зубы вопьются в кожу, их ничем не остановить. Пока никто не заметил. Всё ближе и ближе. Это будет длиться вечность, год, это никогда не закончится, это будет длиться целую вечность. Ну, давай же, давай, скорее, я жду. И, кажется, уже не имеет смысла. Всё. Я готова к адской боли, небытию, ну же, давай, скорее.

И вспыхнуло адское пламя.

Гральте разорвалось яркими вспышками, по проводам перетасовывались ряды и чудовище исчезло как страшный сон.

Аландел, он стал причиной, именно он не забыл взять чёрный ящик и нести его, чтобы всегда был под рукой.

Они выбрались из пещеры той же ранней порой, тёплые жаркие лучи согревали прозябшую грудь.

— Вечером это надо отметить. Посажу гномов в тележку и покатаю по подземным пещерам, — решил Корнелий.

— Как же это ты их «покатаешь», если они все трудяги и добывают драгоценности как заведённые, и их ничем не оторвать от работы.

Корн глубокомысленно, мечтательно замолчал.

У выхода из пещеры разлилось рыжее озеро, над ним нависли ловцы, яркие светлые лучи приветливо бьют в глаза. Ловцы схватывают волосы, ловят слова, шумы, к ним опасно приближаться, поскольку они всё поглощают, потом проблематично забирать утерянные вещи.

— Сейси, посторонись, у тебя с кофты пуговица исчезла.

— Да? Как неприятно. Смотри, сам не попадись, когда будешь возвращать.

Такой диалог произошёл между Сейси и Рзором. Рзор подпрыгнул достать пуговицу, но сам потерял лоскут поясной сумки и крепёж. Нужно придумать хитрость. Просто так утерянные вещи не вернуть. Воздух между ветками с ловцами наполнен обратными к ловцам сущностями — провалами*. Перефразируя, это наполнители; если ловцы — это поглощатели, то провалы — это наполнители вещами, мирами. Провалы кружились в воздухе между веток маслянистыми пятнами, они были чёрными пятнами, которые не всегда видел глаз: то отсвечивало, то нет; между тем, их оболочку составляли белые крапинки, большее число коих клубилось ближе к чёрному центру, меньшее же рассеивалось с увеличением расстояния, как и на Земле, пропорционально квадрату расстояния.

Ескурург подошёл и достал один из провалов, подвёл его к ловцу и поймал выскочившие предметы. Вопрос исчерпался.

Вся компания поразилась: из ложбин на освещённое пространство вылез зверь. Очень милое, большое существо: многогранные тёплые коричневые глаза, похожие на две блестящие бусины, медвежья холка, огромные клыки, заострённые и очевидно мешающие сомкнуть пасть. Два мягких, лежащих как шёлк уха, огромное пушистое белое тело образуют перинки шерсти. Тело испещрено дырами, дыры образуют провалы. На звере имеются и цветные пятна. Аландел выбежал навстречу к лесному жителю и полез на него, как на стог сена, зверь привычно зарокотал и провёз Аландела на несколько локтей. Остальные принялись теревить его шерсть, девушки бесцеремонно трогали гранёные глаза, отворачивали уши, но зверю, пожалуй, нравилось такое, своего рода, внимание.

Словом, даже Ветте, с её детской непосредственностью, стало приятно, умирительные скачки Аландела по поляне вызвали у неё тихий, застенчивый смех.

— Забавно.

Животное последовало за учёными, они решили забрать «зверька» в институт, — пришёлся по вкусу.

— Свыкся, уже свой парень, — сказал про него Аландел.

Сильезир и Лаледия забирают цветы в волосы, смеются:

— Лавра, — так Сильезир сокращала Лаледию, — держи фру.

— Фру — змейки из мелкоколосья, — промелькнула в голове у Ветты подсказка Айяайны.

* Провалы — это параллельные вселенные, туннели между мирами.

— А-аааа-а, убери это, — Лаледия указывает на змею.

— Здесь может оказаться горная река, горные реки всегда прозрачные и отличаются ярким голубым цветом, удивительно, ведь небо у нас серое — проскочило замечание Аландела.

— Эх, знал бы ты, почему небо серое, — отозвался Корн.

Поскольку размеры молекул воды сравнимы с длиной волны части спектра местного света, горная вода здесь выглядит голубой. На Земле на цвет воды влияет отражение неба, наличие горных ледников.

Высотная болезнь (высотная гипоксия) — болезненное состояние, связанное с кислородным голоданием вследствие понижения парциального (единичного по отношению к газовой смеси) давления кислорода во вдыхаемом воздухе, которое возникает высоко в горах, а также при полётах на летательных аппаратах, не оснащённых герметичной кабиной (не изолирует внутреннее пространство от внешнего), в которой поддерживается давление воздуха, близкое или немного ниже нормальному атмосферному давлению (например, парaplанах, дельтапланах, воздушных шарах). По этой причине, находясь в горах, люди частенько теряют сознание, или находясь в закрытом помещении. Кислород организму нужен для окисления, он участвует в реакциях, подаёт энергию.

Меняющиеся законы физики прослойки не позволят непрерывно обеспечивать систему кислородом, но вокруг Ветты создалось кислородное поле, его поддерживают Нужецио, Чотзытаву, Ескурург, несколько других парней с кафедры.

— Да, я романтик, — сказал Корн, — я хотел на горную реку.

С этого момента мечта о горной реке не оставляла Ветту.

Ветта держится особняком, молчит, она младше, ей нечего сказать, она маленькая и далека от взрослых подлостей, ухищрений, ей тяжело играть словами, обсуждать склизкие темы, шутить... так. Тем не менее, Ветта умный ребёнок.

Пора бы описать внешность наших героев. Это очень удобно сделать именно тогда, когда они идут по долу, в углубление, впадину между высоких гор, по траве, природную аллею обрамляют стройные, необычайно высокие, просто гигантские деревья с белой корой, они похожи на секвойи, только с увесистыми сильными ветками, почвопокровные цветы вплелись в скалы.

Айяйна одета в красную клетчатую рубашку, синюю водолазку, полы мягкой рубашки покачиваются от ветра, её чёрные необъятные волосы доходят до пояса, брюки обычные, серые, заношенные, стройные ноги в скрипучих ботинках, полосатых носках, ткань носков совсем не тянется, она защищает ноги от мозолей, но это не сильно повлияло на недавнюю битву: на лодыжке и голени кровавые царапины, даже на лице маленькое красное пятнышко на щеке. Айяйна больше всех страдает, так как принимает любую опасность как личный вызов. Лицо у неё круглое, некрасивое, с коротким носом, рано обрубленным, похожим на кость скелета. И совсем, совсем бледная болезненная кожа, высиженная в лаборатории. Ескурург идёт впереди на длинных, больше похожих на ходули ногах. Он не человек, это видно. Помните, здесь не все люди, некоторые существа схожи по поведению с людьми, они

есть в институте, они есть среди учёных и сейчас, но это только формы, как их здесь называют. Ескуруг был формой.

Корн в коричневой кожаной куртке, джинсах, с очень свежим лицом. Высокий, красивый. На вид ему двадцать пять. Здесь все молодые ребята и девушки выглядят на этот возраст. Только у одного Нужецио возраст колеблется в пределах шестнадцати-сорока лет, это его форменный парадокс выглядеть так. Вроде бы встретил — смотришь — видишь — понять не можешь.

Сейси в короткой юбке-карандаш, длинные узкие чёрные сапоги заканчиваются перьями, её чёрная кофта также содержит перья на плечах, девушка любит всё яркое, цветное. На костюме у неё развешено много приборчиков, например, чтобы проследить движение частиц воды в стакане. Розовый, красный в волосах преобладают. Сейси идёт, поднимая носком сапога траву, Ветта замечает, что комок проводов на её рюкзаке развязался, продолжает идти, остальные тоже замечают дорожку проводов на траве.

— Что это? Откуда? Почему развязалось? — встрепенулась Сейси.

А Корн стоял поодаль и хохотал от души. Видно было: он развязал клубок. Что поделаешь, своеобразные шутки академика одобрял далеко не каждый.

— Я решил взять себе творческий псевдоним, я вообще люблю псевдонимы и нимы*, — чуть погодя хотел начать рассказ Корн.

— И какой же? — переспросил Веха после ответа.

— Поцелуйкин!

Ахаха, — и кого же ты «целуйкин»? — осведомился Вульц.

Меня «поцелуйкин»? — А, Корнёк? — совсем не по-дружески спросил Алландел и подмигнул Корну.

Парни загоготали. Корнелий очень самолюбивая личность, он терпеть не мог шуток над собой и поэтому сквозь зубы пробормотал:

— Да никого я не целую.

На половине пути, а возвращались они уже другой, более длинной дорогой, чтобы отдохнуть и получше рассмотреть местность, Корн вдруг запел, точнее не запел, а стал проговаривать мотив песенки:

ТАНЦУЮЩИЙ ГОБЛИН**

Вспыхнули окна-светлячки зелёными огнями,
Ночь пролетела над плечом едва задев крылами,
И отблеск света на щеке как будто тьма посеребрила,
Как будто полночь погостила, оставив отражение в окне.
Туру-ру-ли-ли-лу-лу — - — Туру-ру-ли-ли-лу-лу
Там далеко горит звезда: страна из грез и дарованья.
Наверное, живут на ней эльфийские создания,
Холмы, луга и замки там. Протяжно дует ветер,
Цветочный чай там разольют, сыграют на рожке или на флейте.
Туру-ру-ли-лу-лу — - — Туру-ру-ли-лу-лу
Фантомные поляны обворожительно сияют,
Стеклянные шары на веточках играют.

* Ним — короткое впечатление, набор моментов, составляющих шарики памяти, очень пространная вещь в прослойке, действуют один раз, окатывая получателя избытком эмоций. Рассыпаются блестящими искрами, популярны среди девушек помоложе.

** Танцующий гоблин — паб напротив, захожее место, одно из провалов.

Ножки-деревяшки, вы тонки, как плечи,
Тьма, как мироздание, окропила вечер.
Туру-ру-ли-лу-лу — - — - Туру-ру-ли-лу-лу
Нас легко порушить, поднимаясь выше,
Выше, дальше — некуда.
Мы уже на крыше.
Что-то неожиданно защемило душу.
Нас легко порушить, нас легко порушить.
Туру-ру-ли-лу-лу — - — - Туру-ру-ли-лу-лу
Эльф уже на крыше, выругался громко,
Не могла поверить в это та девчонка.
Холодом дождливым окропили мир,
На приставной лестнице
Эльф ваш закурил.
И его ребята засмеялись громко,
Дождь закапал желчью, обливался потом.
По пожарной лестнице
И по трубам, нишам.
Выше не бывает,
Мы уже на крыше.
Туру-ру-ли-ли-лу-лу — - — - Туру-ру-ли-ли-лу-лу
Кудри, руки бледные, алые глаза,
Сколько неизбежности,
Стонут голоса.
Гоблины в почете некогда бывали,
А уродства очерки статность закрывали,
Не заметишь сразу их глубокий взор,
Эльф, ослабь же хватку, приуменьшь напор.
И до самых лучших августовских дней,
Танцевали с гоблином девочка,
За ней
Дождик мерно капал, за собою звал,
До чего красиво гоблин танцевал!
Туру-ру-ли-ли-лу-лу — - — - Туру-ру-ли-ли-лу-лу

Когда он закончил, Аландел воскликнул:

— Обязательно, обязательно, как только вернёмся, пойдём в «танцующего гоблина», девушек брать не будем.

Аландел с Вульцом и Рзор переглянулись:

— Там мужская компания, свои разбираательства.

По откидной лестнице команда забралась в летальщик, Лаледия, высокая статная девушка, провела первых пилотов к смотровой площадке, план рассчитан так, чтобы после исследовательской работы система двигалась на автопилоте, а пилоты выдыхали воздух и смотрели на картинки. Корнелий взял Аландела за плечо и подвёл к экрану смотровой площадки. Высветилась запись полёта над Землёй.

— Смотри, там проходят ледники, а вот архипелаг Фиджи, смотри, земля Уилкса, Каледония, Тасмания.

Оставшийся день был выходным, вечером Ветта также ложилась спать в доме тех же женщин. Собравшись на подушках и ручках кресел, они и неожиданно пришедшие девушки прокручивали видео, где Корн привязал гномов к тележке и катался по подземным туннелям.

— Какой милый! — сказала Сейси.

— Ты всё время только о нём и говоришь, ты что... кху-кху... что ли? — возмутилась Савфидон Гоп.

— Да, влюбилась, понравился, — подытожила Гражина Ай.

— Вовсе нет, — сказала Сейси.

— А тогда почему всё время о нём говоришь? — ответила Савфидон Гоп.

— Сильезир, создай одежду, — обратилась к подруге Гражина Ай.

Сильезир принялась делать наброски на бумаге, чертить.

Внешность в прослойке корректировалась очень просто: каждый сам, с вечера, придумывал себе образ, утром он материализовывался. Разреженная молекулярная оболочка.

Именно поэтому цвет волос Сейси и Савфидон Гоп менялся каждый день, одна любила красный, фиолетовый, розовый, другая — небесно-голубой, алый.

А гномы на записи всё визжали и визжали, их забили, затесали, проделали над ними качественную работу, после которой они уже не могли как заведённые выколачивать сокровища, это их сильно напрягало. Связанные двусторонним скотчем и чем-то покрепче они проезжали с Корном, как по горкам по своим подземным туннелям, наверное, мысль о таком использовании туннелей раньше не приходила им в голову. Запись шла с камеры, приделанной на ручку тележки.

А тем временем в прослойке происходил апокалипсис: захватив все главные мыслительные должности, отняв места у других парней, Корн неплохо себя чувствовал.

Корнелий, как глава академического семинара, выступал на учёном совете, в бюрократических дрязгах не участвовал, лишь бросал идеи, исполняемые после, проводил концерты, забавляя народ, он певец, и да, конечно же, солист. Возникла нехватка рабочих мест: слишком сильная конкуренция. Люди сами же губили себя: отдавали ему лучшие должности, не воспринимали других ребят, как людей.

Корну очень нравилось вести куда-то народ, куда — неважно, главное — вести. Сейчас он вёл за собой большое скопление народа, среди них было много детей. С фанатичным блеском в глазах Корнелий спускался и поднимался по ветвистым крючковатым коридорам, зачем-то держа за руки двоих мальчишек. Коридоров огромное множество, проделанный путь вряд ли удастся повторить по памяти, — подумала Ветта.

— Господи, откуда и зачем ему эти дети? — искренне удивилась на красавца Ветта.

А Корн, не обращая внимания ни на кого, проходил, как по коридорам, так и по времени главным событием эпохи.

— Концерт Поцелуйкина!

Огни, пламя везде, Корн бежит в оранжевом шлеме, огненные стрелы вылетают из-за вымпелов, девочка с ужасом шарахается от них, а сердце стучит.

Громадная площадка, окруженная тянущимися вверх деревьями усеяна одуванчиками, посреди стоит сцена, Корн играет на терменвоксе, ребята помогают ему, он концертмейстер, солист, певец. Усовершенствованный терменвокс, управляемый эмоциями.

Вокруг бушуют толпы поклонниц и поклонников, из-за их продолжительных возгласов и упоминаний концерт никак не может начаться.

Корн пел, а поклонницы смотрели на него и приписывали ему те положительные качества, которых у него отродясь не было.

Корнелий с микрофоном выбегает вперёд, пружиня на тонких ногах, и кричит:

Восхитительно!

Поехали!

Я улетаю, я остаюсь в Ваших сердцах
Жвуууу... Последний ключ в бардачке,
Завожу и мчусь налегке,
Траектория огней следящих глаз,
Поворотник, ха! Сегодня не для нас.
Чтобы кто-то лучше был — нет,
Чтоб меня веселее — брррр...
Не удачливей, гениальней, дурачливей.
Красота? Я просто неотразим.
Иглы — перемещатели рассекают
чужой воздух,
Спицы в голове перепутались
Кххх.. в эмоциях. Счастье!
Вены пульсируют на тонких запястьях.
Хей! Я буду первым и мне...
Конденсаторы тихо шумят в тишине...
За окном идёт космический дождь,
У тебя работа по плану —
Не подойдёшь.
Лечу.
Некого брать — да я и не хочу.
Что я оставляю?
Цветы на окне.
Одуванчики — грустно.
Грустно и мне.
Я далеко —
меня не найдёшь:
Когда ты, парень в кудряшках, придёшь?

Корн на сцене походил не на парня, а на тонкий стебелёк с пушистой головой, совсем одуванчик.

Итогом концерта стал резкий спад музыки, когда она дошла до апогея.

Толпы в конце концов разошлись, так что остались лишь «институтские» и Ветта.

Непонятно, как это произошло, но Ветта резко вскочила на опустевшую сцену, выхватила из сумки ручку и заговорила в неё пришедшие за выступление в голову стихи.

— Не имеет смысла то, что здесь всего шестнадцать человек, не миллионы, как у Корна, что у меня ручка в руках, а не казённый микрофон, я буду выступать и выкладываться на полную силу — импульс пришёл сам по себе и очень быстро, Ветта не управляла своим телом, ей не было предоставлено времени подумать.

— Знаете, если уж говорить о путешествиях, то... — запинаящимся голосом произнесла Ветта.

Я ВОЗВЫШАЮСЬ

Я возвышаюсь, возвышаюсь...
Земля давно уходит вдаль.
И мельком брошу я, пожалуйста:
Не жаль, не жаль,
не жаль.
Больших колёс винты вращаются,
Как веи времени...
Прощение?
мне всё равно чем знаменуется моё мне возвышение.
Не помню я уже друзей, подруг
Поверьте мне:
Я с вами доживаю
последний круг.
Я возвышаюсь, возвышаюсь...

(Корн постукивает ногой, опустив голову)

Старше я многих на свете людей,
Ну, а талантлив — как черт, как злодей.
Сотни рабов в моем сердце томится,
Кара-Проклятье
На всём отразится.
Сами творите свои беспорядки.
Я возвышаюсь в безумном припадке.
Прислоняясь ухом к рубке, где гудят провода.
Навсегда.
То ли тембр, то ли талант за собою тащит.
Напряжение.
Электрический ящик.
В вихре, сумятице, ветром из листьев,
Уносит до капли.
На полу ручка сломанной шпакли.
И не заведующий,
Лучший.
Только ведущий.
Отсчёт...

(Корн считает: 1, 30, 30, 45)

Кажется, можно...
Отдать всё
— кому? —
Я не пойму.
Полифонично, до самой души;
Стой, Мефистофелю помочь не спеши!
Я возвышаюсь, возвышаюсь...
Взгляда достаточно, хитрых зрачков,
 черных не нужно богатых очков. Все очарованы.
На тебе — роли.
Да,...
От сердец наших тоже пароли —
Как же, тетрадные обрывки бумажек
На мостовой, твои, посмотри!
Грязью истоптаны, молены,
Попраны, ну же, бери!
От поклонников,
С телефонами в строчке по ветру веют
Браслетов листочки.
Грязью истоптаны,
что не берёшь?
Как же, столько позора сотрешь!
И обижаются только невежды.
Нет у других мужчин
надежды.
Полно задач, увы, не лишних.
Единоличник.

(Корнелий поднял голову, развел руки и поет отдавшись ритму)

Вы машете руками, а я, а я... уж где-то там...
Парю я высоко над облаками.
Корабельные записки
Преступление, расстройство,
Наказание, прости.
Пристань близко, небо низко.
Час отхода впереди.

I

Бушприт наводит на мысль открыть корабельный дневник.
То ли скверна погода, то ль такелаж
Поник:
Писать — так правду, напрямик.
Люди веселятся, весело кружатся.
Падают стихи, раскачивая борт.
Вот.
И еле я дышу, и жив, пока пишу.
Слова мне не скажут,

Танцами накажут, скоро мой отход.
 Знаю. Вот.
 Огоньки померкли,
 Стыдно отнимать,
 Каждому сказать:
 Нет.
 Здравствуй!
 Здравствуй...
 Привет!
 Каждому сказать:
 Нет.
 Здравствуй, прощай!
 Быть не обещай.
 Мы все отходим от Вас, мы все расстаемся с Вами,
 оставьте, оставьте нас
 никчёмными дураками.

II

«Красиво»
 — тебе выдохнуть так больно.
 Зачем же вдаль стремятся корабли —
 Не потому, что им там лучше иль привольней
 Но дело, деньги, жизнь,
 приободри.
 Кого-нибудь.
 Отправь себя
 в надежды путь.
 Все рядом
 в стекле
 И кружатся
 В танце
 Стеклянные стансы,
 Стеклянный колпак.
 Всё
 Так.
 Частички света отразив друг в друге,
 Находятся в стеклянном круте.
 — Не тяжело ходить так, нет?
 — Не понимаю я,
 Привет!
 Весёлый смех
 И буйство красок,
 А колокол гудит.
 Ужасен.
 Надменный, откровенный звон.
 Смеяться может даже он.

III

Не понимая, поборя усталость, кому нам рассказать про всё,
Про мутность глаз, про страх и слабость,
Про груз, который тащат в трюм?

IV

Чтоб в бурю не кутаться, громом не квакать,
любить и не падать, вставать и не падать,
Качаясь на палубе, руки сжимая,
Холодные кости к лицу прижимая.
А губы от холода холодом сводит.
В губы из губ дыханье уходит.
В жилетку красная нитка уходит.
Шерстью болтается, графиком скачет,
скоро умрет, скоро заплачет.

V

Качает, теряю опору,
Разбитый стеклянный сосуд,
Непреднамеренно больно.
Больно. Да нет, горячо.
Теплом разливаясь по коже, греет старинный пунш.
Все корабельные тоже хотели тот пунш вдохнуть.
Винящий и пряный запах,
Украден чужой бокал,
И нет для меня оправданья.
Сказано раз: взалкал.
И миллионы многих
Шатаются на снастях,
И корабельные мачты
Качают несчастных в горстях.
Всё это мелко,
Основано на страстях.

VI

Осталось место на листочке,
Не дай дойти, не дай дойти,
Дойти мне до Последней
Точки.
Вы не хотите марать руки,
Служите вы сухой науке,
Однако счастья лишены:
Не видеть ни охоты, ни войны.
Так слышите вы! Вот тут, намедни,
Поймал я зверя до обедни.

Медведь здоровый, точно баржа,
Он вышел гордо и отважно,
Сражался чудно, не на шутку,
Позвольте отниму у вас ещё минутку.
И я не промах, с ним сцепясь, с багровым ликом, заливаясь потом
Я как Отелло дрался с обормотом.
Но вырвался, подлец и убежал.
В зубах унёс обрывок эполета,
Пока искал в траве следы пропавшего мушкета
Я.
2:
Мой храбрый друг, я тоже зверя наблюдал:
Он захватил все должности на свете,
Его обожают даже дети.
Как Шива многорукий концертмейстер он, изобретатель, летчик.
(в сторону: лучше бы математикой занимался!)

1:
Да, тот ещё налётчик ваш молодчик!
2:
Гермес и Аполлон в одном лице,
Игривости занять неплохо бы красавице.
1:
Как ошибался я,
Решил, что вы охоты лишены,
Ан, нет — всё интереснее войны.

Ветта с нарочитой серьёзностью выдыхала в импровизированный микрофон звуки, в конце она совсем закрыла глаза, футболка промокла от пота, на лбу уже что-то билось, сердце, казалось, совсем выскакивало из груди. Ощутимо стenal лоб.

Ветта остановилась сморщившись, на переносице возникла складка, глаза зажмурены, рука отведена назад, прямо как у Корна на концерте.

Наступила сцена осуждения и неприязни. Все всё поняли.

«Корабельные записки», в данном контексте, означали нехватку тепла изголовавшейся влюблённой толпы. «Выпит чужой бокал» значило: испей кто-либо любви академика фракции научного физико-математического института, другие останутся без вполне заслуженного тепла. Нечестно было бы бросить ту же Айяайну, яркий пример скорби, девушка могла и не любить исследования, кто бы мог подумать, девушка могла быть гуманитарием! Но с её страстью, с её любовью к Корну любые барьеры проходят на дымку, другой вопрос, как искусно справляться с ними, чтобы потом они стали дымкой, как заведовать лабораторией, как стать правой рукой Корна. Бессонные ночи в лаборатории, истерики с учебниками, непрекращающиеся нервны вспышки в одинокой комнатухе, зная, почему, и не зная, кому пожаловаться теперь, закалили её до того, что она стала безразлична к чужим жалобам, и с насмешкой взирала на них выплаканными, безверными, жестокими глазами.

— Нас тьмы и тьмы, — подумала Ветта.

Креза и Клоуза являлись незначительным абсорбером, Айяйна частенько хотела просто зарыться в круглый, пушистый ковёр посреди комнаты, дома, и лежать на нём со своими питомцами, она также хотела заниматься тем, чем интересуются другие девушки её возраста, но нет, она не выпустит часы с Корном в лаборатории, с Корном, которому нет дела до человеческого, до привязанности.

Но всеобщее внимание выделяло явно не эту песнь: дерзкая броская третья горела на обожжённых устах, сколько толков вызвала она после!

— На девушку похож. Это точно.

— Вот многорукий вшивый!

— Речистый Аполлон.

— Надо же, хитрые зрачки.

Всё это слышалось завесой, учёные, да и просто интеллигентные люди, обычно не говорят такое в лицо, они делают так, чтобы и слышно было, да и нет, вроде бы, показалось — не придерёшься.

— Ну знаешь, так и держала бы всё это при себе, — с явным неудовольствием проговорил Веха, — знаешь и знаешь, нечего нам сюда нести.

Парни нахмурились, несмотря на то, что в себе они тихой яростью ненавидели Корна, с постоянной непрекращающейся злобой искали у него ошибки, пускали издёвочки, здесь мужская солидарность победила.

Корн прислонился к косяку двери в гримёрную, видно было, что по его широким плечам проходит дрожь, он по-мужски упёрся в согнутый локоть. Сквозящим, пронзающим болью взглядом он посмотрел на Ветту, посмотрел, — и больше ничего, ушёл в гримёрку.

Конечно же, Корн был обычным человеком, поэтому он вёл себя неидеально, расслаблялся после длительной работы, расслаблялся со всеми, кроме Ветты. С ней он такой добрый, нежный, внимательный и заботливый. Никогда не позволит себе грубости, вытерпит всё, как бы она его не обидела, кажется, пусть даже убьёт. Такой абсолютной, детской, доверчивой улыбки не вызывало у него ничто. Иногда, но это только мельком, создавалась фантомная вера, будто бы Корн готов пожертвовать ради маленькой девочки славой, работой, прослойкой. Но это было не так. И мы все знаем своё место. Не стоит рассчитывать на отдачу, забудьте. Ветту пробрала дрожь, ей стало невыносимо совестно: этот парень не заслужил такого, он так хорошо к ней относился, за что же так?

Ветте пришла догадка: Корн призван на эту землю, дабы пройти огнём по ней, опалить почву, заиграть ужасом в людских глазах, причинить людям вред через самих себя, но, по-настоящему он добр, он не такой. Может быть.

Перекрёсток коридоров, между — двери в лаборатории, Ветта движется, далее — просторная комната с фонтаном, в ней мост от одного бока к другому, прямоугольниками зияют концы моста. Ветта заходит на ажурный мост и слышит диспут. Корн, как налогоплательщик, беседует с администратором в общежитии, приземистой тётенькой в обычном костюме.

— Пора оплатить проживание в крыле.

— Нельзя требовать от меня того, что я не могу сделать.

— Вы уже давно живёте в общежитии, живёте отдельно, как божок, технику Вам институт обеспечивает, электронику, разве не так?

— Так, — когда Корн разговаривал с Веттой, да и вообще на серьёзных моментах, как сейчас, он говорил в себя, опутив подбородок, его овальное лицо с огромным ртом и сужающимся подбородком смотрело в синий свитер.

— Платить пора, за два месяца долги, — администратор перебирала ключи в связке. — Да вы и не оплатите, если срочно не сядете копить, вам сейчас не по концертам бегать — на повышенную ставку выходить нужно, иначе обнищаете при вашей-то зарплате.

— Вас не учили вести себя достойно, не говорили, что нехорошо скакать вокруг девушек, резвиться как ослик? — администратор не собиралась делать остановку, — я скажу девушкам, чтобы они отлавливали вас во время... так сказать...Ваших эмоциональных всплесков, приводили ко мне.

— Это не так, — тихо-тихо проговорил Корн.

— Так вот ты какой, академик, ничего у тебя своего нет, обычный студент, — подумала Ветта, подслушав чужой разговор.

Ольга Павлова
(Россия, Алтайский край, г. Бийск)

ПЕРВЫЙ НА АЛТАЕ В СОЮЗЕ ХУДОЖНИКОВ СССР

Осенью этого года Бийск отмечал 130-летний юбилей со дня рождения выдающегося живописца Д. И. Кузнецова (1890-1979). И еще интересный факт. В 2020 году исполнилось 100 лет со дня основания Бийского краеведческого музея имени В. В. Бианки.

Краткие строки биографии

Дмитрий Иванович Кузнецов родился 24 октября 1890 года в Бийске Алтайского края. Рано почувствовав тягу к изобразительному искусству, он искал подходящий круг общения. Судьбоносными стали его знакомство и творческая дружба с известным ныне художником Алтая Григорием Гуркиным. Известна крупная работа Кузнецова «Дом Гуркина», что в селе Анос. А было тогда художнику всего семнадцать. С юношеских лет Дмитрий Иванович исходил родной край вдоль и поперек. Красота его заповедных уголков вдохновляла на оригинальное творчество. Учился Дмитрий Кузнецов, не переставая. Например, у известных художников С. М. Прохорова, Пестрикова, Никулина, М. Курзина.

В 1912 году, будучи 22-летним начинающим художником-педагогом, Кузнецов организовал первую в городе выставку произведений живописи и рисунка. В нее вошли 213 пейзажных картин, этюдов, рисунков карандашом и углем самого организатора выставки и пять работ его учителя Г. И. Гуркина.

Были годы постижения мастерства и в Московской художественной студии Крымова, и в Харьковском художественном училище (с 1912 по 1915). Около тридцати лет отдано Дмитрием Ивановичем работе в Бийском педучилище (ныне педколледж). В 1941 году Д. И. Кузнецов первым в Алтайском крае и городе Бийске был принят в Союз художников нашей страны.

Один из создателей художественного отдела музея

Дмитрий Иванович выполнял благородную миссию, будучи одним из создателей художественного отдела Бийского краеведческого музея в первые послереволюционные годы. Он сотрудничал с городским скульптором Валентиной Антоновной Сенгалевиной-Копыловой. Она вела подвижническую работу по созданию будущего музея им. В. В. Бианки и Общества охраны памятников культуры и старины.

В непростые годы до и после Гражданской войны совместные выставки таких мастеров изобразительного искусства, как барнаулец А. О. Никулин, В. А. Сенгалеви́ч-Копылова и Д. М. Кузнецов в Бийске пользовались у публики большим успехом, о чем свидетельствовали положительные рецензии в газетах «Алтай», «Бийская правда» и «Бийский пахарь». Дмитрий Иванович становится известен еще и как организатор и руководитель первых в городе художественных кружков и студий.

Любимый учитель рисования

А потом Д. И. Кузнецов работал преподавателем рисования в Бийской гимназии, учителем графических искусств в Бийском заречном высшем начальном училище и учителем рисования школы им. Достоевского.

С годами приходил опыт. И вот о нем говорят: «Кузнецов — тот непосредственный художник-учитель, на произведениях которого бийчане формировали эстетический вкус, выделяя из своей среды будущих живописцев, графиков, художников-оформителей и развивая местные традиции художественно-изобразительной культуры».

Уроки рисования Дмитрия Ивановича в Бийском педагогическом училище помнят тысячи выпускников старейшего в крае учебного заведения. Некоторые из них навсегда связали жизнь с живописью, другими видами изобразительного искусства. На память приходят имена Н. Мотовилова, В. Андреева, А. Маркова, М. Будкеева, В. Кораблина и многих других, кто приобщился к искусству и посвятил ему жизнь под влиянием Д. И. Кузнецова. Его можно с полным правом назвать первым учителем.

Этюды и автопробег «Бийск-Монголия»

Плодотворным было содружество с нашим краеведческим музеем в 30-40-х годах прошлого века. Д. И. Кузнецов собрал большой этнографический материал в разных районах Алтая. Во время автопробега «Бийск-Монголия» художником было написано немало живописных этюдов, некоторые впоследствии стали картинами. Во время остановок велась большая агитационная работа, а Дмитрий Иванович творил.

По заданию музея в верховьях Бии собирались сведения о культуре и быте малого народа Алтая — племени кумандинцев в сохранившихся тогда алтайских аилах на берегах Телецкого озера и реки Лебедь. Так появилась серия небольших работ, выполненных гуашью и темперой. А такие живописные картины, как «Долина реки Лебедь», «Буря в горах», «Алтайка», «Река Бия у Турочака» с успехом экспонировались на выставках художников Сибири и в Москве.

Главная тема творчества и реставраторы

«Ведущая тема творчества — природа Горного Алтая. Мастер тональной живописи Д. И. Кузнецов неподражаемо передавал в своих пейзажах красоту алтайских гор, рек и озер, чистоту и прозрачность горного воздуха», — таково мнение о нем искусствоведов. А мне вспоминается подго-

товка к персональной выставке памяти художника, которая проходила около двадцати лет назад.

Тогда работы Дмитрия Ивановича реставрировали бийчане П. М. Яровиков и В. Ю. Горизонтов. Картины получили новые багетные рамы. Знаменитое полотно «Алтай хмурится» когда-то было украшением дома бийского купца Николая Ивановича Асанова. Но время не пощадило картину. Холст без рамы чудом уцелел и был возрожден в те годы стараниями Н. А. Кадиковой, директора детской художественной школы. К той выставке сотрудниками музея были подготовлены несколько десятков работ. Много картин были привезены от родственников Д. И. Кузнецова из Барнаула, найдено у ценителей его творчества.

Известно, что за заслуги в области изобразительного искусства имя Д. И. Кузнецова было внесено в первую Сибирскую энциклопедию, а в настоящее время включено в список для энциклопедического словаря «Художники СССР».

Мини-выставка в отделе Бийского музея

В красной зоне выставочного зала нашего музея этой осенью открылась мини-выставка, посвященная юбилею со дня рождения Д. И. Кузнецова. Представлены известные живописные работы из фондов. В экспозицию включены пейзажные полотна, написанные в 30-40-е годы — в период расцвета творчества художника.

В заключение хочется вспомнить слова из нашей беседы с не менее известным учеником Д. И. Кузнецова, бийчанином, художником и философом Гавриилом Ивановичем Прибытковым. О своем учителе он отзывался с большим теплом. Говорил, что не был Дмитрий Иванович суровым и жестким человеком. Его знаменитая сумка всегда была набита кисточками, тюбиками с краской и другими инструментами — для учеников педучилища. Каждому из них Дмитрий Иванович выдавал все необходимое. Он был красив до глубокой старости. А в молодости, говорят, имел репутацию сердцееда, служил в воздушной эскадрилье «Илья Муромец» в годы Первой мировой и обладал солидным басом.

Д. Кузнецов. "Вершина Алтая-2"

Д. Кузнецов. "Катунь"

Д. Кузнецов. "Горная речка"

Художник Д.И. Кузнецов

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА 19-го — НАЧАЛА 20-го ВЕКА

Американская литература этого периода была сложна и многообразна. «Литература красной крови» — теоретиком этого направления выступил будущий президент США Т. Рузвельт. В эти годы была широко распространена апологетическая в своей основе литература, которая проповедовала миф об избранности американской нации. Эта литература бизнеса и преуспевания стала называться «деловой повестью». В реалистическом направлении работали в 70-90 гг. У. Уитмен и Г. Бичер-Стоу. Хорошо известен в литературном мире был Фрэнсис Брет Гарт (1836-1902), автор знаменитых калифорнийских рассказов. Он представлял «литературу местного колорита».

Из калифорнийских рассказов Гарта:

«...Калифорния — воистину благословенный уголок земли. Горная цепь Сьерра-Невады на востоке защищает ее от суровых континентальных ветров. С запада ее омывают воды Тихого океана. Здесь множество плодородных долин, мягкий и очень теплый климат. Не случайно американская кинопромышленность обосновалась в Голливуде близ Лос-Анджелеса. В те отдаленные времена кино не располагало еще мощными осветительными средствами, съемки велись на натуре, и хорошая погода была решающим фактором. Голливуд привлекал тем, что можно было рассчитывать на 300 солнечных дней в году. Тихоокеанское побережье Калифорнии было изрезано глубокими бухтами и заливами, удобными для стоянки судов. Казалось, что сама судьба определила Калифорнии быть краем сельскохозяйственным, рыболовецким и торговым...»

Реалистические тенденции обнаруживаются у Уильяма Дина Хоуэллса (1837-1920). Он вошел в историю американской литературы, как глава «нежного» реализма.

В конце 19 века в литературе США были сильны позиции натурализма. В их числе — Фрэнк Норрис (1870-1902), прозванный «американским Золя». Его монументальная эпопея «Трилогия пшеницы» воссоздает картину борьбы американских фермеров за выживание. Другой писатель — Стивен Крейн (1871-1900) в романе «Мэгги, девушка с улицы» показал жизнь большого города.

Из романа С. Крейна «Мэгги, девушка с улицы»:

«...Из окна жилого дома, торчавшего среди приземистых, заброшенных конюшен, высунулась женщина — поглазеть. На речной пристани рабочие, разгружавшие баржу приостановились, чтобы посмотреть на дра-

ку. Механик неподвижного буксирного судна, лениво навалившись на перила, наблюдал за дерущимися. Вдалеке, на острове, из тени серого мрачного здания желтым червяком поползла вдоль берега колонна заключенных...»

Видное место в истории американской новеллистики принадлежит писателю О. Генри (Уильям Сидней Портер, 1862-1910). Он был большим мастером короткого рассказа, автор 273 новелл и романа «Короли и капуста». Из романа О. Генри «Короли и капуста»:

«...Колоду, на которой начертано имя президента Мирафлореса, ежедневно трут песком и корою мыльного дерева. Старик метис преданно ухаживает за этой могилой со всею тщательностью прирожденного лодыря. Широким испанским ножом он выпалывает сорные растения и пышную, сочную траву. Своими загрубелыми пальцами он выковыривает муравьев, скорпионов, жуков; ежедневно он ходит за водою на площадь к городскому фонтану, чтобы окропить дерн на могиле. Нигде во всем городе ни за одной могилой не ухаживают так, как за этой...»

Группа писателей под названием «разгребатели грязи» — Линкольн Стеффенс (1866-1936), Эптон Синклер (1878-1969); они разоблачали пороки политических деятелей и промышленных магнатов.

Из романа Э. Синклера «Автомобильный король»:

«...Эбнер, рассказывая матери о «коляске без лошади», не вдавался в подробности: слово «взрыв» повергло бы ее в панику. После ужина он выбегал на улицу поиграть с ребятишками, и если, вместо того, чтобы гоняться за кошками и дергать девчонок за косы, они слушали объяснения об устройстве двигателей внутреннего сгорания, что в этом было плохого? Не в каждом квартале бывает такое, и кое-кто из мальчишек хвастал этим, и нередко вопрос о том, можно или нельзя сделать коляску, которая двигалась бы сама по себе, решался кулачным боем...»